

Раздел 7

ФИЛОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 81'1

Avdeeva T.Y. VIABILITY OF COGNITIVE STRUCTURE IN THE CONTEXT OF NEW EXPERIENCE. This article focuses on major ways of cognition process of human reality. The author analyses the main parts of cognition process and its defining components one of which is a cognitive structure. The author formulates the key issues of conditions of cognitive structure existence and its viability in the context of a new experience.

Key words: cognition, cognitive structure, epistemology, structuralism, metaknowledge, thinking.

Т.Ю. Авдеева, канд. филол. наук, директор языковой школы «Элит», г. Барнаул, E-mail: konty80@mail.ru

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ОТЫТА

Рассматриваются основные направления процесса познания реальности человеком в современном мире. Обосновываются главные составляющие процесса познания и его определяющие понятия, одним из которых является когнитивная структура. Формулируются ключевые проблемы условия существования когнитивной структуры и ее жизнеспособности в контексте нового опыта.

Ключевые слова: познание, когнитивная структура, эпистемология, структурализм, метазнание, мышление.

Начавшееся в XX и продолжившееся в XXI веке развитие кибернетики и других наук, изучающих машинизированное познание, отвлекло внимание учёных от исследования особенностей познания, присущих именно человеку. Изучение же этих особенностей способствует оптимизации процесса познания, поскольку, несмотря на всё возрастающую механизацию и автоматизацию интеллектуальной деятельности, основным субъектом и одновременно инструментом познания по-прежнему остаётся человек. Человек должен вернуться в познание потому, что именно он порождает смыслы и истины, потому, что в конечном итоге именно для человека и через человека разворачивается вся деятельность по производству, и воспроизводству знания [1]. «Проблема обоснования знания на протяжении веков являлась узловой проблемой философии. В наш век она приобретает неувядающую актуальность, вытесняя на второй план большинство других фундаментальных философских проблем» [2]. Эпистемологическая проблематика, как и прежде, является в философии одной из центральных.

В последние десятилетия происходит существенная трансформация предмета и методов гносеологического исследования. Теория познания сегодня развивается через усвоение и осмысление идей и фактов, предоставляемых различными дисциплинами, которые изучают те или иные компоненты познавательного процесса [3]. Таковы, в частности, история и социальная психология науки, когнитивная социология науки, когнитивная психология, когнитивная антропология, социология знания, методологический анализ науки, лингвистика, теория и история культуры. Взаимодействие теории познания с указанными дисциплинами – сложный и недостаточно осмысленный до сих пор процесс.

Е.Н. Князева пишет, что «Научно-технический прогресс демонстрирует нам сегодня двоякого рода тенденции. С одной стороны, возрастает специализация различных научных дисциплин, знание становится всё более «эзотерическим», доступным только специалистам, экспертам в узких дисциплинарных областях.

Оно становится всё более формализованным, в известной мере математизированным, выраженным символическим языком даже в таких исконно гуманитарных областях, как психология, лингвистика, экономика. Оно становится анонимным, ибо стираются черты личности учёного, создавшего ту или иную научную теорию. А с другой стороны, налицо противоположная тенденция — тенденция к интеграции и целостности. Возникают поля полидисциплинарных исследований, где в изучении сложного явления происходит встреча различных научных дисциплин, между которыми возникают взаимные влияния, наводятся мосты взаимодействия» [4].

«В 50х-70х годах XX в., в сфере изучения человеческого познания, произошли изменения, получившие впоследствии название «натуралистический поворот». Для решения проблем, традиционно считавшихся прерогативой гуманитарных наук, стали широко привлекаться естественнонаучные данные, проводилось множество междисциплинарных исследований. В США на смену бихевиоризму пришла когнитивная психология, а позднее – когнитивная наука» [5].

Многоплановость естественнонаучных исследований проблем познания выдвинула задачу создания единой науки о мышлении, получившей название «когнитивной науки». Когнитивная наука устанавливает контакты сразу между несколькими фундаментальными науками, такими, как лингвистика, психология, философия и математика, одновременно привлекая новые теоретические и прикладные дисциплины, зачастую развивающиеся параллельно с ней. Это обстоятельство может служить основанием для рассмотрения когнитивной науки не как особой отрасли знания, а скорее как расширенной исследовательской программы» [4].

Когнитивная наука (когнитология) сформировалась в 70-е годы XX века в качестве дисциплины, исследующей методом компьютерного моделирования функционирование знаний в интеллектуальных системах. Правда, «основные представления когнитивистов о природе мышления были сформулированы ещё

в 40-е гг. психологом Кеннетом Крайком. Однако до 60-х гг. они не вызвали серьезного интереса со стороны специалистов. Но как только было обнаружено, что подобные исследования могут найти применение в сфере компьютерных технологий; когнитивный подход приобрёл определённую популярность в научном сообществе» [5].

Когнитивную науку отличает междисциплинарность, использование компьютерной метафоры в исследовании познания. Лингвистика выступает по отношению к когнитивной науке как важный источник материала об устройстве когнитивных структур.

«В Европе «натуралистический поворот» произошёл позднее: чаще всего его начало связывают с выходом в свет книг К. Лоренца «Обратная сторона зеркала» (1973) и Г. Фоллмера «Эволюционная теория познания» (1975). Основной задачей нового направления – эволюционной эпистемологии — было исследование биологических предпосылок человеческого познания, эволюции органов познания и познавательных способностей. Считалось, что люди обладают когнитивным аппаратом, развитым в процессе эволюции человеческого рода и снабжены системой врождённых когнитивных структур. В отличие от американской когнитивной науки европейскую эволюционную эпистемологию интересовали не столько сами познавательные процессы, сколько онтогенез и развитие познавательного аппарата» [4].

Развитие современной эпистемологии идёт одновременно по двум направлениям: во-первых, эпистемология ориентируется на конкретно-научное исследование познания (натурализация эпистемологии). Этот процесс отражает тот факт, что наука накопила достаточно много нового материала в области исследования мышления, психики человека. После второй мировой войны исследованием мышления занимаются учёные самых разных наук. Прежде всего, это программы искусственного интеллекта, развитие компьютерной науки. Известность получили работы нейрофизиологов, связавшие сложные перцептуальные процессы со строением и функционированием нервных клеток. Антропологи, этнологи, лингвисты ищут корни развития мышления человека и его познавательных способностей в социальном поведении, в культурных традициях.

Одно из важных направлений исследования — инструментальные концепции мышления и познания, концентрирующие внимание на роли мыслительных средств и форм (операциях, языке, понятии, образе). Операционные механизмы мыслительной деятельности детально прослеживаются, в частности, в работах Ж. Пиаже по генетической эпистемологии.

Родоначальником генетической эпистемологии является Ж. Пиаже. Его идеи и разработки в области исследования процессов формирования мышления у ребёнка легли в основу объяснения становления, генезиса мышления человека вообще, они позволили поставить вопрос о реконструкции развития познания в историческом плане.

В начале 70-х годов прошлого века лингвист Дж. Гриндер и математик Р. Бэндлер создали модель метазнания, в основе которой лежит исследование ряда основных аспектов человеческого мышления, базирующееся на работах А. Уайтхеда, Б. Рассела, Ф. Бейтсона, А. Кожибского, Н. Хомского и др. Позже в развитие этой модели внесли существенный вклад Р. Дилтс, Т. Элштейн, Дж. Делозье, Д. Гордн и др.

Модель метазнания исходит из того, что все когнитивные процессы являются результатом выполнения нервной системой определённых программ, *а человеческий опыт представляет собой комбинацию / или синтез информации, которую субъект получает и обрабатывает нервной системой*. Кроме того, когнитивные процессы связаны с лингвистикой: язык, с одной стороны, является продуктом нервной деятельности, а с другой, стимулирует эту деятельность и придаёт ей форму.

Со временем прикладные аспекты модели метазнания получили широкое распространение и оформились в проблемную область, получившую название нейролингвистического программирования (НЛП). Этот подход предполагает моделирование-конструирование эффективных когнитивных процессов, которые стоят за эффективным поведением. НЛП заимствовало основные принципы компьютерного программирования и теории систем с целью синтеза различных видов научных теорий и моделей.

В 70-80-е гг. XX века сформировалось направление эпистемологии, получившее название: «радикальный конструктивизм» (основные представители этого направления: Х. фон Фёрстер (Heinz von Foerster), Эрнст фон Глазерсфельд (Ernst von Glasersfeld), У. Матурана (Humberto Maturana), П. Ватцлавик (P. Watzlawick), Ф. Варела (F. Varela). Аргументацию своих тези-

сов, первичный научный материал, авторы, относящиеся к этому направлению, черпают из кибернетических и синергетических моделей современного научного знания. Направление радикального конструктивизма признаётся одним из самых перспективных в междисциплинарных исследованиях [6].

Термин «радикальный конструктивизм» введён Глазерсфельдом в конце 1970-х гг. как попытка радикализировать тезис Пиаже о конструировании реальности в процессе познания.

Так, самое существенное, что было заимствовано Глазерсфельдом из работ психолога Пиаже — это утверждение о том, что любое знание конструируется субъектом в процессе организации собственного опыта. Его известная фраза «разум организует мир, организуя самого себя» имеет программное значение и может быть развернута в целый ряд конструктивистских тезисов [7]. Огромное влияние на формирование конструктивистской позиции имело развитие кибернетического способа. Кибернетика имеет собственную богатую историю, однако такие понятия, как циклическая организация, информационная замкнутость, самореферентные системы, рекурсивные операции и многие другие шагнули далеко за ее пределы, сыграв немаловажную роль в становлении конструктивистского дискурса. Особое значение в рамках данного подхода имеют работы Хайнца фон Фёрстера, уделившего в своих исследованиях специальное внимание кибернетическим аспектам конструктивистской теории познания. *Как в генетической эпистемологии Пиаже, так и в современных трактовках эволюционного учения, понятие адаптации понимают не как соответствие приспособленности организма (его биологических и когнитивных качеств) своей окружающей среде, а исключительно как пригодность (viability) для продолжения собственного существования, выживания.*

Изучение опыта и адаптации человека к окружающему миру началось в древности. «Школа Пиррона, описанная и охарактеризованная Секстом Эмпириком по прошествии более полутысячелетия после ее существования, провозглашала, что именно наличие разума, а не его недостаток, приводит к убеждению, что у живых существ нет никакой возможности установить, в какой степени переживаемый ими опыт согласуется с независимым миром и согласуется ли вообще. Чтобы установить или доказать какое-либо соответствие, пережитый опыт должен быть поставлен в сравнение с «действительностью», — а такое сравнение оказалось бы возможным лишь в том случае, если бы удалось противоставить еще не пережитому. Единственный же путь к еще не пережитому проходит снова-таки через пережитое, не оставляя тем самым никаких шансов установить, ограничивает ли, искажает ли каким-то образом переживаемый нами опыт то, что «дается» нам действительностью» [8, с. 10-11].

«Прежде чем провозглашать истинное знание о мире, вам следует убедиться в том, что та картина, которую вы строите, опираясь на собственные ощущения и представления, является во всех отношениях истинной репрезентацией мира в том виде, в каком он действительно существует. Однако, для того чтобы быть уверенным в том, что это сходство достоверное, вам» необходимо иметь возможность сравнить данное представление с тем, что оно, как предполагается, представляет. Но именно это вы и не можете сделать, так как не можете выйти за пределы своего человеческого способа восприятия и мышления» [9, с. 26].

«Единственным образом, предвосхитив ответ на вопрос о природе знания, традиционная эпистемология поставила себя перед неразрешимой дилеммой. Если познание и его результат — знание являются обязательно описанием, изображением мира, какое он есть (die Welt an sich), то в таком случае нам необходим критерий, по которому мы могли бы судить о «правильности», «истинности» наших описаний и изображений» [10, с. 25].

Основное противоречие состоит в том, что, объявляя знание отображением действительности, мы в то же время не имеем возможности ни проверить соответствие отражения (знания) своему прототипу (объекту), ни, собственно говоря, существование этого прототипа вообще. Именно на попытке отыскать решение проблемы Глазерсфельд строит философскую платформу радикального конструктивизма.

Таким образом, понятия жизнеспособности («viability», «Viabilität») и пригодности («fitness», «Passen») замещают собой: в биологии — понятие адаптации («adaptation», «Anpassung»), в эпистемологии — понятие соответствия («correspondence», «Übereinstimmung»). «Критический момент в нашей теории познания состоит в том, что идея соответствия реальности замещается идеей пригодности. Знание является хорошим знанием, если оно вписывается в рамки эксперимен-

тальной действительности, не вступая с ней в противоречие. Такого рода пригодность должна достигаться не только удерживанием жизнеспособности когнитивной структуры, схемы, теории перед лицом нового опыта или новых экспериментов, но и тем, чтобы доказать свою совместимость с другими работающими схемами и теориями» [10, с. 156].

Основываясь на приведенных теориях и практических применениях тезисов о жизнеспособности и пригодности человеческого знания, получаемого им в процессе познания при актуализации нового опыта (каждый раз, познавая окружающую реальность, человек реализует новый опыт), можно построить утверждение о том, что само развитие человека есть непрерывный процесс познания, та самая когнитивная структура, которая позволяет проверять результаты практической деятельности человека. Следовательно, не только язык оперирует когнитивными структурами для выявления, сопоставления и сравнения различных языковых форм в культурах. Когнитивная структура познания в первую очередь определяет возможность декодирования, интерпретации и передачи культурной, лингвистической, исторической информации посредством языка. То, насколько она совершенна и пригодна к употреблению человеком для накопления, преобразования и трансформации полученного знания. Несмотря на существование компьютерной, технической возможности преобразования реальности и ее познания, естественный процесс познания остается актуальным. Именно он способен проверить и верифицировать пригодность и жизнеспособность (viability) когнитивной структуры существования и познания человека.

Поступки, понятия и осознанные действия являются жизнеспособными, если они вписываются в целевые или дескриптивные контексты, в которых мы ими пользуемся. Главное идейное противоречие состоит в воззрении на основной эпистемологический вопрос о соотношении знания и реальности. Так, если радикальный конструктивизм полностью отвергает какое-либо соотношение между знанием и действительностью ввиду уже самой невозможности постановки такого вопроса, то в эволюционной эпистемологии существует определенная позиция, позволяющая ставить и в положительном ключе решать вопрос о соответствии знания внешней действительности. Как ни была бы близка позиция эволюционной эпистемологии позиции радикального конструктивизма, она лишена главного – той радикальности, без которой всегда будет оставаться, с точки зрения конструктивистов, в лоне «традиционной эпистемологии». В интерпретации К. Лоренца сама структура живого организма является неким непрямым носителем информации об окружающей среде, физических явлениях и закономерностях, другие представители эволюционной эпистемологии – Д. Кэмпбелл и К. Поппер касательно развития когнитивных структур избегают применять понятие их пригодности для характеристики конвенционального соотношения между знанием и действительностью. Так, например, их теория описывает процесс, посредством которого организм приспосабливается к независимой окружающей среде, по-другому – обретает знание о ней [10]. Упоминание о некоей «независимой» от живущего организма окружающей среде, а также о знании «об» этой среде выявляет фундаментальную

эпистемологическую позицию, разделяемую Кэмпбеллом также во всех других его работах, которая согласуется с позицией Поппера. Оба автора настаивают на том, что в теории познания «выходить за пределы [эмпирических] данных» является необходимостью, полагая тем самым не только некий «реальный» мир, но также возможность этот реальный мир познавать, обретать «знание о нем» [9, с. 27-28]. Общее возражение представителям эволюционной эпистемологии звучит у Глазерсфельда следующим образом: «Биологическое понимание пригодности, или жизнеспособности, вовсе не подразумевает требование того, чтобы организмы или виды обладали информацией или разделяли каким-то образом свойства независимой «данной» окружающей среды. Наше знание о столкновениях с тем, что мы называем «окружающей средой» или «реальным миром», может быть сформулировано и репрезентировано только в терминах жизнеспособных концептуальных структур, т.е. тех структур, которые сами контакту с препятствиями не подвергались. В лучшем случае, такое знание о столкновениях и неудачах описывает реальность в «негативном» смысле... Любое опытное знание состоит из правил, указывающих на то, какие именно действия оказываются успешными для устранения данных препятствий, никакое знание о независимой внешней реальности при этом не приобретает, никакое подобного рода знание для этого и не нужно» [10, с. 155]. «Любое знание привязано к действию; знать объект или событие означает использовать его в той или иной деятельной схеме...» [6, с. 56].

«Когнитивные структуры, о чем всегда надо помнить, неотделимы от действия, от их использования. Действие и использование – это нечто большее, чем случайные движения или изменения – они обретают свое место лишь в контексте «активных схем». Все, что хоть каким-то образом попадает в когнитивную область субъекта извне, есть некий не определенный, не дифференцированный материал, воздействующий на организм (причем на весь организм, а не только на органы чувств нервной системы) в виде факторов – помех, возмущений. Знание строится из эмпирического материала путем его упорядочения. Знание не должно пониматься как картина объективной действительности, а скорее – как определенный способ организации опыта. Сам познающий субъект осуществляет эту организацию, упорядочение. Опыт – это единственная «реальность», о которой конструктивисты говорят, как о чем-то внешнем по отношению к субъекту, к внутреннему знанию: «Научное знание обеспечивает более-менее надежный способ обращения с опытом – единственной реальностью, доступной нашему знанию» [10, с. 117].

Любые когнитивные события происходят в опытном мире какого-либо целеориентированного сознания. В данном случае целеполагание вовсе не подразумевает целей, связанных с «внешним миром». Цели, о которых идет речь в данном контексте, возникают исключительно вследствие оценок когнитивным организмом событий собственного опыта с тем, чтобы одни повторить, а других попытаться избежать. Продукты когнитивной деятельности сознания, т.е. когнитивные конструкты и структуры, всегда имеют цель и оцениваются первоначально по тому, как они этой цели служат.

Библиографический список

1. Панина, Е.М. К публикации фрагментов из книги Стивена Линкера «Языковой инстинкт» // Логос. – 1999. – № 8(18).
2. Цоколов, С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда // Вестник Московского университета. – 2001. – № 4. – Сер. 7. Философия.
3. Боброва, Л.А. Дискуссия о психологизме в логике: обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – М. – 2000. – № 3. – Сер. 3. Философия.
4. Князева, Е.Н. Трансдисциплинарные комплексы знаний: синергетическая мудрость в образовании // Полигнозис. – 2001. – № 2.
5. Панина, Е.М. Когнитивная наука и искусственный интеллект // Вестник Московского университета. 2000. – № 1. – Сер. 7. Философия.
6. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды. – М., 1994.
7. Glasersfeld, E. von Einführung in den radikalen Konstruktivismus // Watzlawick P. (Hrsg.): Die erfundene Wirklichkeit. – München. – 1998. – 10. – Aufl.
8. Ситник, К.Л. Новый статус рациональности в контексте постмодерна // Вестник Московского университета. – 1999. – № 6.
9. Glasersfeld, E. von Radical Constructivism. – London, 1998.
10. Glasersfeld, E. von Konstruktion der Wirklichkeit und des Begriffs der Objektivität In Einführung in den Konstruktivismus. – München. – 1997. – 3 Aufl.

Bibliography

1. Panina, E.M. K publikacii fragmentov iz knigi Stivena Linkera «Yazikovoy instinkt» // Logos. – 1999. – № 8(18).
2. Cokolov, S.A. Filosofiya radikal'nogo konstruktivizma Ehrnsta fon Glazersfel'da // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2001. – № 4. – Ser. 7. Filosofiya.
3. Bobrova, L.A. Diskussiya o psikhologizme v logike: obzor // Socialnihe i humanitarnihe nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. – M. – 2000. – № 3. – Ser. 3. Filosofiya.
4. Knyazeva, E.N. Transdisciplinarihe kompleksih znaniy: sinergeticheskaya mudrostj v obrazovanii // Polignozis. – 2001. – № 2.
5. Panina, E.M. Kognitivnaya nauka i iskusstvenniy intellekt // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2000. – № 1. – Ser. 7. Filosofiya.
6. Piazhe, Zh. Izbrannihe psikhologicheskie trudi. – M., 1994.

7. Glasersfeld, E. von Einführung in den radikalen Konstruktivismus // Watzlawick P. (Hrsg.): Die erfindene Wirklichkeit. – München. – 1998. – 10. – Aufl.
8. Sitnik, K.L. Novihy status racionalnosti v kontekste postmoderna // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 1999. – № 6.
9. Glasersfeld, E. von Radical Constructivism. – London, 1998.
10. Glasersfeld, E. von Konstruktion der Wirklichkeit und des Begriffs der Objektivität In Einführung in den Konstruktivismus. – München. – 1997. – 3 Aufl.

Статья поступила в редакцию 30.01.13

УДК 811.161.1:81' 373(571.513)

Beloshapkin A.N. THE INFLUENCE OF INFORMATION OCCASION TO CHOOSE LANGUAGE MEANS (FOR EXAMPLE TEXTS PRESS SERVICE OF MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA ACROSS KHAKASSIA). In work attempt to analyse as information occasion influences language features of press releases of Ministry of Emergency Situations of Russia across Khakassia and as these features change over time is presented. Proceeding from subject of texts, we divided them into groups and defined rate of use of means of expression of language in them.

Key words: Press office, press release, media, newsworthy, elocution.

А.Н. Белошапкин, аспирант Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова,
г. Абакан, E-mail: alexbelyij@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОВОДА НА ВЫБОР ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ ПРЕСС-СЛУЖБЫ ГУ МЧС РОССИИ ПО ХАКАСИИ)

В работе представлена попытка проанализировать то, как информационный повод влияет на языковые особенности пресс-релизов ГУ МЧС России по Хакасии и как эти особенности изменяются со временем. Исходя из тематики текстов, мы разделили их на группы и определили частотность использования в них выразительных средств языка.

Ключевые слова: пресс-служба, пресс-релиз, СМИ, информационный повод, элокуция.

Все больше компаний и организаций вводят в свой штат должность пресс-секретаря, принимая во внимание значимость его работы, крупные структуры организуют целые пресс-службы – «отделы сбора и обработки информации по материалам печати» [1, с. 585]. Пресс-служба является связующим звеном, обеспечивающим обмен информацией между организацией и обществом. При этом к задачам пресс-службы нередко относятся не только информирование общества о деятельности компании, но и создание положительного имиджа за счет подготовки и проведения специальных мероприятий; участия в муниципальных, региональных и всероссийских акциях; написания текстов – пресс-релизов [2, с. 69].

Пресс-релиз – «1) обзорная информация для печати; 2) специально подготовленная информация о товаре или фирме, распространяемая фирмой для возможного опубликования в печати» [3, с. 529].

Написание пресс-релиза является самым действенным и одновременно сложным способом воздействия на аудиторию, направленного на создание положительного образа организации. Одной из ключевых задач пресс-релиза является его публикация, поэтому сложность заключается как раз в том, чтобы написать текст, в основе которого лежит информационный повод, представляющий интерес для широкого круга лиц. В этом случае шансы на опубликование велики. Именно такие тексты создает пресс-служба ГУ МЧС России по Хакасии [4, с. 31].

Текст подобных сообщений содержит реакцию организации на тот или иной информационный повод. А. Мирошниченко дает следующее определение информационного повода – это «событие компании, имеющее общественную значимость или симулирующее таковую, и используемое для привлечения внимания к компании с целью обеспечить цитируемость, информационное присутствие, запоминаемость, лояльность, поддержание репутации, продвижение и т.п.» [5, с. 64].

В данной статье мы попытаемся проанализировать, как информационный повод влияет на языковые особенности пресс-релизов и как эти особенности изменяются со временем. Актуальность темы объясняется всеобщим интересом как со стороны СМИ, так и со стороны аудитории, к работе ГУ МЧС России по Хакасии. Это ведомство обеспечивает защиту населения от чрезвычайных ситуаций различного характера, соответственно от того, какую информацию и в какой форме оно подает, зависит степень доверия граждан.

В дальнейшем данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при сравнении текстов ГУ МЧС России по Хакасии с текстами ведомства в другом регионе. Это по-

зволяет оценить объективность информации, оригинальность ее подачи и т.д.

Для анализа мы будем рассматривать пресс-релизы, подготовленные в период с 1 января 2009 года по 31 декабря 2012 года, и на основании лежащего в их основе информационного повода разделим на группы.

1. Информационные сообщения, предупреждающие население республики об опасности, правилах поведения во время ЧС и т.д. Данные сообщения составляют абсолютное большинство всех пресс-релизов. Они содержат информацию об изменении метеорологических условий, приближающейся опасности, связанной с этим, а также обычно содержат памятку – как правильно вести себя в таких ситуациях. Подобные сообщения содержат сжатую информацию, так как их главная цель – коротко и ясно рассказать об опасности, предостеречь людей. Именно поэтому такие тексты не содержат изобразительных и выразительных средств.

Пресс-релиз от 18.01.2011: «О наступающих неблагоприятных погодных условиях следует помнить и тем гражданам, кто привык купаться в крещенские праздники. Бдительность и чувство меры помогут вам избежать обморожений, простуд и различного рода травм. И, самое главное, ни при каких обстоятельствах не пытайтесь согреться спиртным».

2. Мероприятия ГУ МЧС России по Хакасии, направленные на предотвращение чрезвычайных ситуаций. В первую очередь к этой группе относятся сообщения, рассказывающие о проведении профилактических работ, своевременном принятии мер по предотвращению чрезвычайных ситуаций. Напомним, к задачам ведомства относится не только ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, но и их предотвращение. Цель таких сообщений – донести информацию до населения республики, а не воздействовать на людей, поэтому употребление изобразительно-выразительных средств языка (тропов и фигур речи) здесь очень редкое явление. Они появляются лишь тогда, когда ведомство делает акцент на эффективности своей работы.

Пресс-релиз от 20.09.2011: «Очевидно, что в случае возгорания на объекте первыми бой с огнем примут пожарные МЧС черногогорского гарнизона. Совместно с администрацией Центра они должны эвакуировать всех людей и спасти тех, кто нуждается в помощи. Пока подоспеют коллеги из Усть-Абакана и Абакана, уйдет, по меркам пожарных, слишком много драгоценного времени». Метафора бой с огнем акцентирует внимание на сложной работе пожарных, а эпитет драгоценного времени указывает на их оперативность.

3. Информация о пожарах. Пресс-релизы, содержащие информацию о произошедших пожарах, мы выделили в отдельную группу, так как с каждым годом растет количество погибших от огня людей. В случае гибели людей на пожаре либо когда пожар наносит серьезный ущерб, пресс-служба ГУ МЧС России по Хакасии всегда выпускает пресс-релиз с подробностями происшествия и комментариями специалистов. Чтобы заставить людей задуматься о серьезной угрозе пожара пресс-секретарь ведомства употребляет в своих текстах много изобразительных и выразительных средств, придающих сообщению большую эмоциональность.

Пресс-релиз от 15.01.2011: «*Особенность «банных» пожаров в том, что хозяева не считают нужным следить за состоянием печного отопления в банях. Глубокой ночью или под утро раскаленные банные печи, оставленные без присмотра, становятся причиной пожара. Как правило, хозяева поздно замечают, что баня начинает гореть, и небольшое помещение уничтожается огнем полностью или большая его часть*». «Банных» пожаров – эпитет, глубокой ночью – метафорический эпитет, печи становятся причиной – «сухая» метафора, помещение уничтожается огнем – метафора. Тропы следуют друг за другом, поэтому здесь можно отметить их конвергенцию. Пресс-релиз от 25.12.2010: «*К борьбе с огнем были привлечены 15 единиц техники*». Борьба с огнем – метафора, были привлечены 15 единиц техники – олицетворение. Пресс-релиз от 24.11.2011: «*Из окон одной из квартир двухквартирного брусового дома шел дым. Очаг пожарные ликвидировали в течение получаса, отстояв дом от огня, но смерть хозяйка жилья наступила еще до прибытия пожарных подразделений*». Шел дым – олицетворение, отстояв дом от огня – метафора.

4. Информация о чрезвычайных ситуациях, возникших по вине человека (в том числе техногенных). Большой блок пресс-релизов содержит информация о чрезвычайных ситуациях, возникших по вине человека – взрыв бытового газа, дорожно-транспортные происшествия, в ликвидации последствий которых принимают участие спасатели и т.д. Как и сообщения о пожарах, язык таких пресс-релизов имеет эмоциональную окраску. Цель текстов – не просто донести информацию до аудитории, а побудить людей задуматься о соблюдении правил безопасности, чтобы не допускать плачевных последствий своей беспечности.

Пресс-релиз от 21.09.2009: Заголовок «*Губит людей тайга*» – метонимия, привлекает внимание с самого начала. В пресс-релизе от 12.09.2011 о пропавшем в лесу мужчине: «*Спасатели полагают, что местный житель вряд ли мог заблудиться в родных местах, скорее всего, у пожилого мужчины могли возникнуть проблемы со здоровьем*». В родных местах – метонимия, о лесе. Пресс-релиз от 19.01.2010: «*Машина ушла под лед сначала передними колесами, затем постепенно, в течение 10-15 минут провалился весь кузов*». Машина ушла под лед, провалился весь кузов – метафоры. Кроме того, здесь прослеживается и конвергенция.

5. Чрезвычайные ситуации, возникшие в результате воздействия стихии. Республика Хакасия относится к тем регионам, где разгул стихии – не такое частотное явление. Для этой местности характерны лишь сильные ветра, трескучие морозы, и изредка случаются наводнения. Соответственно и сообщений, содержащих информацию о таких событиях, немного. Тексты не отличаются особой изобразительностью, так как цель их – не воздействие, а информирование. Изредка встречаются олицетворения, вызванные тем, что описывается действия неживых предметов – ветра, снегопада и пр.

Пресс-релиз от 25.05.2012: «*Ливни размывали дороги, а сильный ветер спровоцировал обрывы линий электропередач, линии связи, падение слабо закрепленных конструкций*». Ливни размывали – олицетворение. Пресс-релиз от 14.07.2011: «*Гроза прошедшей ночью оставила без света 12 населенных пунктов Хакасии*». Гроза оставила без света – олицетворение.

6. Достижения и награды сотрудников ГУ МЧС России по Хакасии, связанные с их профессиональной и спортивной деятельностью. Наряду с изображением профессионализма спасателей в текстах о происшествиях, положительный имидж ГУ МЧС России по Хакасии создается благодаря сообщениям о достижениях спасателей. Регулярно проходят состязания на выявление лучших в тушении пожара, ликвидации техногенных катастроф, спорте и т.д. Такие сообщения хоть и содержат изобразительные средства, но при этом не так эмоционально окрашены, как, скажем, сообщения о пожарах. Главное здесь – информационный повод, который и без особого языка создает положительный образ спасателя.

Пресс-релиз от 20.07.2012: «*В Черногорске завершились игры регионального этапа Чемпионата МЧС России по мини-футболу. Хозяева соревнований – команда абаканских пожарных – «Маяк» выиграла все матчи и стала абсолютным лидером в Сибири по мини-футболу*». Хозяева соревнований – метафора.

Таким образом, на употребление в текстах ГУ МЧС России по Хакасии изобразительных и выразительных средств влияет, прежде всего, информационный повод и цель, которую преследует автор. Если есть необходимость в воздействии на эмоции аудитории, то тропы и фигуры прекрасно справляются с этой задачей. Наибольшая эмоциональность характерна для текстов о пожарах. Прежде всего, это связано с задачей, которую поставили перед пресс-службой ведомства, – сократить количество пожаров посредством пропаганды правил пожарной безопасности. Инструментом этой пропаганды, в том числе, является и информирование о произошедших пожарах, их причинах. И тут авторы текстов не скупятся на эмоционально окрашенные выражения, чтобы воздействовать на людей.

Необходимость в предотвращении повторения чрезвычайных ситуаций, связанных с беспечностью людей, объясняет и эмоциональную окраску других текстов. Особенно много тропов и фигур в пресс-релизах, повествующих о происшествиях, в результате которых стал человек.

Анализ пресс-релизов ГУ МЧС России по Хакасии, опубликованный в период с 1 января 2009 года по 31 декабря 2012 года, позволил нам не просто распределить их по тематическим блокам и выявить языковые особенности текстов, но и проследить, как год от года изменялась частотность употребления выразительных средств: каких тропов и фигур становится больше, а каких меньше.

Проанализировав свыше 500 пресс-релизов и распределив их по темам, мы определили в Таблице 1, как изменилось их количество.

Как следует из данных таблицы 1, за 4 года количество сообщений о мероприятиях МЧС, направленных на предотвращение ЧС, выросло на 4,17%, о пожарах – на 3,62%, а о достижениях и наградах сотрудников ведомства – на 1,97%. Кроме того, в 2012 году на 1,89%, по сравнению с прошлым годом, увеличилось количество пресс-релизов о чрезвычайных ситуациях, возникших по вине человека. Учитывая, что именно эти тексты несут максимальную эмоциональную нагрузку, можем сделать вывод, что участилось использование в текстах ГУ МЧС России

Таблица 1

Количественное изменение пресс-релизов ГУ МЧС России по Хакасии с 2009 по 2012 годы

Рассматриваемый период	2009 год	2010 год	2011 год	2012 год
Тема пресс-релиза				
Информационные сообщения, предупреждающие население об опасности	45 (27,11%)	50 (25,51%)	56 (25,11%)	55 (24,76%)
Информация о мероприятиях МЧС, направленных на предотвращение ЧС	30 (18,07%)	37 (18,88%)	48 (21,52%)	50 (22,24%)
Информация о пожарах	33 (19,88%)	40 (20,41%)	51 (22,87%)	53 (23,50%)
Информация о чрезвычайных ситуациях, возникших по вине человека (в том числе техногенных)	25 (15,06%)	29 (14,80%)	27 (12,11%)	32 (14,00%)
Информация о чрезвычайных ситуациях, возникших в результате воздействия стихии	23 (13,85%)	26 (13,26%)	24 (10,77%)	17 (7,50%)
Информация о достижениях и наградах сотрудников ГУ МЧС России по РХ	10 (6,03%)	14 (7,14%)	17 (7,62%)	18 (8,00%)

по Хакасии изобразительных и выразительных средств языка – в текстах стало больше метафор, олицетворений, эпитетов, метонимий. Кроме того, чтобы усилить эмоциональную составляющую текстов, употребляется конвергенция и контаминация элокутивов [6, с. 52].

Таким образом, мы определили, что пресс-релиз помимо информирования является ключевым инструментом воздействия

на аудиторию. Употребление тропов и фигур в текстах ГУ МЧС России по Хакасии связано с экстралингвистическими факторами, а именно с информационным поводом, который лежит в основе любого сообщения. Больше всего изобразительных средств в пресс-релизах о пожарах и чрезвычайных ситуациях. Именно использование элокутивов позволяет повысить прагматический рельеф сообщений.

Библиографический список

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1997.
2. Белошапкин, А.Н. Пресс-служба как средство коммуникации между компанией и СМИ // Наука и общество: взгляд молодых исследователей: материалы третьей науч. конф. школьников и студентов / под ред. С.В. Небыковой. – Абакан, 2010.
3. Борисов, А.Б. Большой экономический словарь. – М., 2003.
4. Белошапкин, А.Н. Коммуникативные и речевые особенности пресс-релизов ГУ МЧС России по Хакасии // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия: научно-методический бюллетень / под ред. И.В. Пекарской. – Абакан. – 2012. – Вып. 9.
5. Мирошниченко, А. Как написать пресс-релиз. – М., 2009.
6. Пекарская, И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. – Абакан, 2000. – Ч.1.

Bibliography

1. Ozhegov, S.I. Tolkoviyj slovarj russkogo yazihka. – M., 1997.
2. Beloshapkin, A.N. Press-sluzhba kak sredstvo kommunikacii mezhdu kompaniej i SMI // Nauka i obshchestvo: vzglyad molodihk issledovatelej: materialih tret'ejj nauch. konf. shkol'nikov i studentov / pod red. S.V. Nebikovoj. – Abakan, 2010.
3. Borisov, A.B. Bol'shoyj ehkonomicheskiy slovarj. – M., 2003.
4. Beloshapkin, A.N. Kommunikativnihe i rechevihe osobennosti press-relizov GU MChS Rossii po Khakasii // Yazihk, kul'tura, kommunikaciya: aspektih vzaimodejstviya: nauchno-metodicheskiy byulletenj / pod red. I.V. Pekarskoj. – Abakan. – 2012. – Vihp. 9.
5. Miroshnichenko, A. Kak napisatj press-reliz. – M., 2009.
6. Pekarskaya, I.V. Kontaminaciya v kontekste problemih sistemnosti stilisticheskikh resursov russkogo yazihka. – Abakan, 2000. – Ch.1.

Статья поступила в редакцию 08.02.13

УДК 821.161.1

Velijev R.Sh., Pritshepa V.P. THE PLAY «THE ORDINARY MIRACLE» AS MORAL-AESTHETIC CONCEPT IN THE CREATIVE SYSTEM REPRESENTATIONS OF EUGENE SCHWARTZ. In the article we have of the play Schwartz «the Ordinary miracle» in the context of the principal leitmotifs in the work of the playwright.

Key words: philosophical system, morally-aesthetic search, collisions, ambivalence, plot-composite system.

Р.Ш. Велиев, аспирант каф. литературы факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова; **В.П. Прищепа**, д-р филол. наук, проф. каф. литературы Факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: filolog19@mail.ru

ПЬЕСА «ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО» В ТВОРЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ Е. ШВАРЦА

В статье рассмотрена пьеса Евгения Шварца «Обыкновенное чудо» в контексте ведущих лейтмотивов в творчестве драматурга.

Ключевые слова: философская система, нравственно-эстетические искания, коллизии, двойственность, сюжетно-композиционный полицентризм.

В 1956 году вышла в свет сказка-пьеса Е. Шварца «Обыкновенное чудо», явившаяся своеобразным художественным заведением, в котором философские и нравственно-эстетические искания драматурга приведены в целостную завершенную систему. «Обыкновенное чудо» по праву считается лучшей пьесой Е. Шварца о любви. Однако возникает вопрос – почему драматург, творчество которого в основном пронизано негативным отношением к эпохе фашизма и тоталитаризма, отходит от традиционных своих настроений и в своём итоговом произведении обращается к природе человека в контексте его взаимоотношений с окружающим миром? Ответ на вопрос находим в «Дневнике» драматурга:

«Эту пьесу я очень люблю, прикасаюсь ...к ней с осторожностью и только в такие дни, когда чувствую себя человеком» [1, с. 293].

По одной только этой фразе можно предположить, что итоговое произведение Е. Шварца является знаменательным событием в творческой судьбе драматурга. Пьесы, предшествующие «Обыкновенному чуду» и исторически обусловленные актуальным сюжетом с негативной авторской оценкой эпохи («Голый король», «Тень», «Дракон» и др.) являются произведениями того времени, в котором жил и творил драматург. «Обыкновенное чудо» – пьеса, не воспроизводящая события того периода. В ней отражены коллизии разнонаправленных сил (**Хозяин и Король, Принцесса и Медведь**) через призму художествен-

ной метафоры в основе сюжета. Драматург исследует возможности житнетворческого потенциала в человеке. В пьесе мотив волшебства, как может показаться читателю, является ключевым. Но это совсем не так. По мере развития сюжета, раскрытия характеров и индивидуальностей действующих лиц, контекст волшебной предопределённости разрешения событий в пьесе нивелируется и сближается с реально-бытовым фоном. Значимую роль в объяснении данных художественных соотношений играет пролог:

– «Обыкновенное чудо» – какое странное название. Если чудо – значит, необыкновенное! А если обыкновенное – следовательно, не чудо. Разгадка в том, что речь у нас пойдет о любви. ... В сказке очень удобно укладывается рядом обыкновенное и чудесное и легко понимаются, если смотреть на сказку как на сказку... Среди действующих лиц нашей сказки, более близких к «обыкновенному», узнаете вы людей, которых приходится встречать достаточно часто. Например, король. Вы легко угадаете в нем обыкновенного квартирного деспота, хилого тирана. ... Узнаете вы и министра-министра-тора, лихого снабженца и других...

Но герои сказки более близкие к «чуду», лишены черт сегодняшнего дня. Таковы и волшебник, и его жена, и принцесса, и медведь.

Как уживаются столь разные люди в одной сказке? А очень просто. Как в жизни.

Герои в сказке живут и действуют в силу волшебства, но постепенно оно уходит на второй план. Дальнейшее развитие событий происходит без вмешательства волшебства. Оно присутствует в ткани художественного произведения, но как скрытый от читателя фон. Он ощущаем, но главное место отведено действительно миру, в котором важную роль играет развитие человеческих взаимоотношений. Герои пьесы многоплановы с позиции двойственности построения картины мира. Отсюда вытекает главная художественная черта произведений Е. Шварца – **сюжетно-композиционный полицентризм**, при котором происходит наложение сюжетных линий, каждая из которых обладает относительной самостоятельностью. Для доказательства данного тезиса приведём следующий пример:

Хозяин. Ты! Держи ответ! Как ты посмел не поцеловать принцессу?

Медведь. Но ведь вы знаете, чем это кончилось бы!

Хозяин. Нет, не знаю! Ты не любил девушку!

Медведь. Неправда!

Библиографический список

1. Е. Шварц. Пьесы // Собр. соч.: в 5 т. – М., 2010. – Т. 2, Т. 4.

Bibliography

1. E. Shvarc. Pjesih // Sobr. soch.: v 5 t. – M., 2010. – T. 2, T. 4.

Хозяин. Не любил, иначе волшебная сила безрассудства охватила бы тебя. Кто смеет рассуждать или предсказывать, когда высокие чувства овладевают человеком? Нищие, безоружные люди сбрасывают королей с престола из любви к ближнему. Из любви к Родине солдаты попирают смерть ногами, и та бежит без оглядки. Мудрецы поднимаются на небо и ныряют в самый ад – из любви к истине. Землю перестраивают из любви к прекрасному...

Нарушается полнота повествовательной цепи, путём членения текста на отрезки. Каждый пласт развивает свою сюжетную канву. В центре пьесы Е.Л. Шварца лежат нравственные проблемы: верность, благородство, сила духа, честь, сохранение человечности в человеке при любых обстоятельствах, неистребимость гуманистического содержания личности. Автор пишет о современной действительности, о месте в ней не вымышленного, а настоящего человека с его достоинствами и недостатками.

Статья поступила в редакцию 08.02.13

УДК 81'1

Kochetova L.A. DYNAMICS OF THE GENRE SYSTEM IN ADVERTISING DISCOURSE. The article presents the genre system in advertising discourse from diachronic perspective. Criteria for genre classification are established and a repertoire of genres for different stages of advertising is revealed. The main vectors of the genre system evolution are discussed.

Key words: genre, discourse, advertising discourse, primary genre, secondary genre, communication mode, tonality.

Л.А. Кочетова, канд. филол. наук, доц., зав. каф. английской филологии Волгоградского гос. университета, г. Волгоград, E-mail: lakvolgu@mail.ru

ДИНАМИКА ЖАНРОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

В работе представлена жанровая организация рекламного дискурса в аспекте ее исторического развития. Выделяются основания классификации жанров. Выявляется репертуар жанров на разных этапах развития дискурса и обсуждаются основные векторы изменения системы жанров в рекламе.

Ключевые слова: жанр, дискурс, рекламный дискурс, первичный жанр, вторичный жанр, режим общенности, тональность.

Вопросы жанроведения относятся к числу наиболее актуальных в современной лингвистике и литературе, посвященная жанрам, насчитывает десятки работ [1]. Исследователями обсуждаются различные критерии выделения жанров, даются описания жанров институционального и персонального дискурсов и способов их языкового оформления [2; 3]. Тем не менее, многие вопросы в этой области языкознания далеки от своего решения. По-прежнему актуальными остаются проблемы генезиса и развития жанров в пределах конкретного дискурса. Так, до сих пор до конца не выяснен механизм их генетической производности, нерешенными остаются проблемы разграничения первичных и вторичных жанров, не ясен характер связи между производными и производящими жанрами, до конца не определена сущность ситуативной обусловленности перехода первичных жанров во вторичные. В большинстве работ, в том числе и использующих диахронический подход, жанры рассматриваются как обособленные, не связанные между собой коммуникативные сущности, а вместе с тем становление и развитие каждого из них является частью общего генезиса человеческой коммуникации, в которой наблюдаются системные, обусловленные меняющимися социокультурными обстоятельствами функционирования жанров, изменения. В связи с этим обращение к исторической жанрологии может дать ценные сведения о том, как формируются и развиваются отдельные жанры; как меняются их социокультурные и коммуникативные функции, как варьируются способы их языкового выражения; какие тенденции выявляются при диахронном наблюдении за жизнью отдельных жанров и жанровой организацией дискурса в целом. В диахрони-

ческом аспекте исследования жанров в рекламе немногочисленны и посвящены вопросам эволюции жанрообразующих признаков рекламного объявления в англоязычном рекламном дискурсе [3], становлению системы жанров в русской рекламе XIX века [4]. Установлено, что динамика жанрообразующих признаков рекламного дискурса отражает две противоположные тенденции: тенденцию к стандартизации, проявляющуюся в устойчивом воспроизведении основных жанрообразующих признаков и повторяемости способов их актуализации; тенденцию к индивидуализации рекламных сообщений, отражающую лингвокреативный характер языковой (в данном случае рекламной) деятельности [3, с. 23]. Анализ жанровой динамики в русской рекламе XIX века обнаружил тенденцию к расширению репертуара жанров [4].

Вместе с тем рекламный дискурс как опосредованный языком тип социальной практики, имеющий достаточно длительную историю существования и представленный значительным жанровым разнообразием, являющимся результатом его исторического развития, требует дальнейшего изучения в аспекте становления и динамики жанровых форм. Целью нашей работы является не только системное представление нынешнего состояния жанров рекламного дискурса, но и воссоздание по возможности цельной картины его жанровой эволюции через описание этапов становления, выявление закономерностей изменений в жанровой организации рекламы на отдельных стадиях ее развития.

Под жанром понимается исторически сложившийся и одновременно исторически изменчивый текстотип, которому присущи определенные установки его участников, культурно-ситу-

тивные обстоятельства и алгоритмы реализации [5, с. 48]. Историческая изменчивость жанровой организации рекламного дискурса, являющаяся предметом нашей работы, обусловлена факторами различной природы. С одной стороны, рекламные жанры как инструменты воздействия, чутко реагируют на изменения социокультурных обстоятельств общения. Изменение любого компонента внешнего фона неизбежно находит отражение в формах и способах выражения интенций участников коммуникации, что затрагивает процесс общения в целом. Важная роль здесь отводится новым каналам коммуникации, следствием возникновения и развития которых является повышение информационной плотности коммуникативного пространства, что приводит к изменению как отдельных жанров, так и жанровой системы в целом. С другой стороны, историческая изменчивость жанровой системы рекламного дискурса определяется внутренними механизмами его функционирования и обусловлена тем, что тиражирование жанра в целях воздействия неизбежно вызывает снижение перлокутивного эффекта и поэтому требует поиска новых более сложных форм и средств влияния. Таким образом, можно предположить, что отдельные периоды в развитии рекламы характеризуются специфичной средств и способов выражения воздействующей функции, которую мы рассматриваем как источник динамики этого типа общения, и характеризуются определенным жанровым репертуаром, в котором сконцентрированы доминирующие способы воздействия, являющиеся отражением социокультурных условий функционирования жанра.

Основными этапами изучения динамики жанровой организации рекламного дискурса являются: 1) выделение оснований классификации рекламных жанров; 2) определение репертуара и функциональной иерархии жанров на определенных этапах функционирования дискурса; 3) выявление и описание тенденций в его жанровой организации. Поскольку моделирование оснований классификации жанров требует определения границ рекламного дискурса, необходимо пояснить, что мы исходим из его широкого понимания и включаем в данный тип общения как институциональные, так и неинституциональные формы, в которых одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание общения относится к сфере рекламы. В качестве оснований моделирования жанровой организации рекламного дискурса с целью выявления его динамики мы предлагаем: 1) критерий первичности/вторичности жанра; 2) критерий принадлежности к типу дискурса; 3) тип коммуникативной функции; 4) критерий институциональности/персональности; 5) канал общения. Отметим, что каждый из критериев является основанием для построения отдельной классификации жанров, и данные критерии пересекаются в пределах конкретного жанра.

Обращение к исследованию динамики какого-либо явления предполагает фиксацию признаков этого явления на отдельных этапах его существования и дальнейшее сопоставление полученных данных. В истории рекламы условно можно выделить три периода, каждый из которых характеризуется социально-культурным фоном, определяющим специфику жанровой организации каждого из них. К характеристикам социокультурных условий функционирования рекламной коммуникации относится, в первую очередь, уровень экономического развития общества и системы средств массовой коммуникации. Эти переменные отражают состояние конкуренции в обществе, определяют степень интенсивности рекламного воздействия, что в конечном итоге оказывает влияние на способы осуществления дискурсивных практик рекламы. Развитие средств коммуникации приводит к расширению границ дискурсов и появлению новых сфер общения, что способствует росту вторичных жанров и вовлечению в коммуникативный процесс новых участников. К обстоятельствам, определяющим социокультурную специфику каждого периода, относятся соотносительное положение участников рекламной коммуникации, определяемое в терминах социальной дистанции и статусного вектора и соответствующего типа тональности общения [5]. Кроме того, каждый период отличается степенью разработанности исследований в области моделей рекламной коммуникации, учитывающих психологическую мотивацию потребителя и социологические модели потребительского поведения, а также концепции потребителя в сознании создателя рекламного текста, которые определяют доминирующие способы воздействия. Учитывая имеющиеся в научной литературе периодизации рекламного дискурса [6; 7]), мы условно выделяем три периода в истории развития рекламы, каждый из которых отличается по вышеперечисленным параметрам: 1) реклама доиндустриального общества (XVIII – конец XIX вв.); 2) реклама индустриального общества (начало XX – 1980-е гг.); 3) реклама постиндустриального общества (1980-е гг. – по настоящее время).

Далее мы рассмотрим каждый из предложенных критериев моделирования жанрового пространства рекламы и соотнесем конкретные жанры с выделенными периодами. Дифференциация жанров в соответствии с критерием первичности и вторичности жанра относится к числу достаточно сложно решаемых задач, поскольку, во-первых, проблема выделения первичных и вторичных жанров в целом остается дискуссионным вопросом в жанроведении; во-вторых, конкретный дискурс представляет собой, как правило, неоднородное образование, характеризующиеся широким репертуаром жанров, которые возникают на разных этапах развития, заимствуются из разных сфер общения, трансформируются под воздействием новых каналов коммуникации, находясь, таким образом, в отношениях различной степени производности. На наш взгляд, проблема первичности/вторичности жанра должна решаться применительно к каждому отдельно взятому типу дискурса, поскольку специфика жанровой динамики во многом обусловлена дискурсивными условиями существования жанра, при этом следует учитывать и временной фактор.

Так, при синхронном подходе к рекламному дискурсу первичными жанрами выступают жанры институциональной рекламной коммуникации, вторичными жанрами рекламного дискурса можно считать «разговоры на тему товаров и услуг», которые носят респонсивный характер, и представляют собой комментарии, обсуждение, выражение мнения. Сферой бытования данных жанров является как межличностная, так и публичная коммуникация (чаще всего в компьютерно-опосредованном дискурсе). Расширенное понимание рекламного дискурса позволяет включить в его сферу широкий спектр вторичных жанров афористического, художественного, пародийного дискурсов, которые представляют собой интерпретацию его наиболее существенных свойств и характеристик.

С точки зрения диахронического подхода первичным жанром рекламного дискурса, вероятно, следует признать образцы устной рекламы, выкрики продавцов на рынках и улицах, которые имели форму «конвенциональных джигглов» [6, p. 147]. Признаки устной уличной рекламы обнаруживаются в жанре «джингла», рифмованной песни, как правило, содержащей название товара и его оценочную квалификацию, раннем образце телевизионной рекламы, который выступает как вторичный по отношению к устным жанрам. К общим характеристикам этих жанров относятся: высокая степень суггестивности, проявляющаяся в использовании признаков оценочной квалификации товара, особой ритмической организации высказывания, средств параллелизма, аллитерации, доминировании фасцинативной тональности, отсутствии фактуальной информации и т.д. Например:

*Coco Pops
Building Blocks
Coco Pops!
Roof Tops
Paint Pots
Chocolate flavor Coco Pops! [...]*

Текст содержит рифму и имеет размер хорея, который придает особый ритм песне; существительные *pops, drops, tops, pots, shops, blocks* не содержат общих семантических признаков и объединяются по звуковому принципу.

В соответствии с критерием сферы функционирования к первичным жанрам рекламного дискурса относятся рекламные слухи, вторичными жанрами по отношению к которым выступает рекламный жанр «свидетельства», интенсивно использовавшийся в рекламе первой половины XX века. В компьютерном дискурсе генетически производными от первичного жанра рекламных слухов можно считать комментарии пользователей на форуме, рекламные отзывы, выступления в блоге и др. в компьютерно-опосредованном рекламном дискурсе. В отличие от «свидетельства» вторичные рекламные жанры компьютерной коммуникации содержат как положительную, так и отрицательную оценку, а также отличаются большей степенью вариативности в выборе средств языкового оформления и объема передаваемой информации. Так, отзывы об отеле в центре Рима представляют собой тексты, варьирующиеся от простого оценочного номинативного высказывания *Great location!* до развернутого сообщения. Текст, приведенный ниже, сообщает информацию об отеле (*The hotel staff were very friendly*), месте его расположения (*the location was great*), находящегося поблизости магазинов и ресторанов (*a Spar convenience store, a McDonald's*), остановках общественного транспорта (*right by a Metro station*). Комментарий передает также личные впечатления и ощущения (*paying Rome's exorbitant prices, I could have lived with, I'm guessing it was a child's bed, like sleeping on a plank, which in my opinion is*

a big no-no), содержит примеры, дают полное представление о предлагаемых условиях и месте проживания.

The hotel staff were very friendly and the location was great for all the major attractions: virtually across the street from the Spanish Steps; walking distance to the Trevi fountain, the Coliseum, the Pantheon, Palatine and Roman forum and right by a Metro station (next to the Spanish Steps). There was a Spar convenience store just a few blocks away which was also useful and, I hate to say it, a McDonald's (after paying Rome's exorbitant prices for food and drink it was nice to grab a cheap simple burger and coffee once in a while).

The room was tiny, which I could have lived with, but the bed was tinier still – I'm guessing it was a child's bed together with what felt like a plastic covering on the mattress. And it was narrow – like sleeping on a plank; I almost fell out several times and I'm a small guy – 5' 6" – 5' 7". If you are any bigger you're gonna have problems. They charged for WiFi access, which in my opinion is a big no-no, especially when virtually every place in the city offers it free to their customers including bars and coffee shops.

Проблема первичности/вторичности жанра может быть решена с позиций дискурсивного источника происхождения жанра. В основе институционального рекламного дискурса лежит жанр рекламного объявления, представляющий своего рода генетическую клеточку, которая в процессе своего деления привела к возникновению качественно новых объектов. В этом смысле рекламное объявление может рассматриваться как первичный жанр рекламного дискурса. В печатной рекламе рассмотрение эволюции отдельных жанров как типов текста неотделимо от динамики текстового пространства в целом. Так, обращение к исследованию текстов газет конца XVIII – XIX вв., позволило нам сделать вывод о том, что печатные жанры доиндустриальной эпохи, обслуживающие потребности общества в оперативной передаче разного рода информации, отличались на содержательном уровне и не имели специфических формально-структурных маркеров. Процесс приобретения жанрами дискурсивного статуса сопровождался, в одной стороны, формированием конвенциональных устойчивых характеристик, позволяющим отличить их от других жанров; а, с другой, дифференциацией жанров, появлением новых жанровых разновидностей и субжанров. Формирование основных жанрообразующих признаков печатного рекламного текста в конце XIX века ознаменовалось значимым расслоением рекламного объявления на рубричное рекламное объявление и дисплейную рекламу, основные жанрообразующие признаки которой оформились в первой четверти XX века.

В индустриальный период развития рекламного дискурса развитие подсистемы жанров печатной рекламы проходило в направлении семиотического усложнения текста, заимствования готовых жанровых форм из других сфер общения, гибридизации жанров, через проникновение рекламной интенции в другие типы дискурса и/или приобретении признаков и форм других жанров. Появление новых каналов коммуникации, телевидения и Интернета, способствовало появлению новых жанровых подсистем, обладающих собственной динамикой.

В соответствии с критерием принадлежности жанра к определенной типу дискурса первичными можно считать жанры, сложившиеся в границах дискурса, например, рекламное объявление, рекламный телевизионный ролик, баннер. Вторичные рекламные жанры соотносятся с дискурсоприобретенными жанрами, например, статья, заметка, интервью, которые представляют жанры заимствованные из журналистики; пародии, пастичи как заимствованные литературные жанры; рекламный дискурс использует жанры/компьютерно-опосредованного общения: форумы, комментарии пользователей сайтов, блоги и т.д.

Основополагающим критерием выделения жанров рекламы является коммуникативная функция. Как отмечает А.В. Олянич, «определение доминирующих жанровых признаков рекламы можно осуществить на основании выделения типичных лингвосомиотических средств достижения глобальных целей» [8, с. 17]. С точки зрения исторического подхода в ранней рекламе XVIII-XIX вв. доминирующими являлись информативная и фатическая функции. В число информативных жанров входили тексты, включающие большое количество фактуальной информации, представленной в виде таблиц, детальных характеристик товаров, способах его использования и др. Жанры фатической коммуникации, представляли собой перформативы, передающие интенции благодарности, приглашения, извинения, просьбы и др., употребление которых было обусловлено восходящим статусным вектором по отношению к адресату коммуникации. В перформативных жанрах рекламодатели использовали стратегии, понижающие собственный статус, тем самым признавая, что они в долгу перед своими клиентами за то, что те покупают

их товар или пользуются услугами. Например, владельцы лотереи Hornsby and Co. подчеркивают, что они являются so extensively indebted for the very extraordinary Preference which has been given to their Plans and Policies, for many years past (The Times Oct. 20, 1788). J. Corti продавец термометров и барометров returns his most sincere thanks to his Friends and Public in general, for the liberal encouragement he has met with for so many years (The Times Apr. 11, 1825).

В индустриальную эпоху информативная тональность реализуется в расширенном репертуаре жанров, к которым относится жанр «свидетельство», впервые зафиксированный нами в конце XIX века и получивший широкое распространение в 1920-1930-е гг. Свидетель, выступая от первого лица, рассказывает о своем опыте использования товара. Целью этого объективного отчета является повышение достоверности рекламного сообщения. В рекламных образцах середины XX века данный жанр используется гораздо реже в печатной рекламе, но получает широкое распространение в телевизионной рекламе, т.к. аудиовизуальный канал передачи информации представляется более эффективным в силу того, что презентация товара выглядит более естественной. В настоящее время жанр свидетельства практически не используется, поскольку воспринимается не как объективная, достоверная информация, а как отражающий заинтересованность рекламодателя и происходит его трансформация в другие вторичные жанры. В рекламных образцах постиндустриального общества используются свидетельства институциональных субъектов, представляющих независимые экспертные группы или ассоциации потребителей, например: «What car?», призванных повысить достоверность рекламы за счет объективности выражаемого ими мнения.

Дифференциация информативных жанров рекламы индустриального общества привела к выделению жанров презентации, демонстрации, включающей субжанр жанр «до и «после» использования товара»; жанра «проблема-решение», жанра «сравнение». К специфике тема-рематического членения информативных жанров презентации демонстрации относится использование товара как темы рекламного сообщения, в рематическую часть входят утверждения уникальности и превосходства товара, эксплицитное упоминание конкуренции. К языковым средствам, воплощающим данные жанры, относятся: дескрипция, аргументация, повествовательные структуры, сравнительные конструкции. К языковым характеристикам жанра «проблема-решение» относятся придаточные предложения, вводимые союзами *if* или *when*, либо другими средствами, обозначающими некоторую специфичную ситуацию (которую, предлагаемый товар/услуга, помогут улучшить) или специфичную категорию потребителей (которой, предлагаемый товар/услуга, окажут помощь). Ведущими прагматическими интенциями данных жанров являются советы и рекомендации, которые различаются статусом адресанта сообщения, поскольку рекомендация приписывается адресанту – эксперту, совет – старшим членам семьи, друзьям. Иллокутивные акценты совета, рекомендации позволяют квалифицировать данные жанры как констатирующие, имеющие информативную направленность с ослабленной интенцией побуждения [9, с. 105]. В рекламных образцах продуцирование совета как риторического текста встраивается в жанр «проблема-решение», в котором адресат заинтересован в выполнении некоторого действия и нуждается в информации относительно этого действия» [9, с. 102]. Данный жанр моделирует ситуацию через использование набора прагматических и риторических средств. Проблема вводится при помощи прямого обращения к адресату посредством вопросительной структуры, например: *общий, специальный, риторический вопросы. Например: Want something copied? Copies of reports, books, documents, drawings – and how much time and cost it usually takes to get them!* (The Times Jan. 27, 1956).

Жанры с доминирующей апеллятивной функцией возникают на рубеже XIX-XX вв., и их число неизменно увеличивается на протяжении всего XX века:

No one can afford to waste. Spend only what is necessary and then always with an eye to saving. Men, be practical – economize – shave yourselves. One bought today will save many a shilling in a year, and hours of your valuable time. Many styles to choose from. Sold everywhere. One guinea to J10. (The Times March 2, 1917, p. 11). В конце XX века апеллятивные жанры составляли около 75 процентов рекламных текстов. В рекламном тексте начала нашего века наряду с иллюстрацией встречаем *Shop online* (The Times March 9, 2010).

Постмодернистский период развития рекламного дискурса характеризуется возрастанием роли игровой функции, которая находит отражение в шутильной, юмористической, пародийной

тональностях, и приводит к возникновению игровых рекламных жанров. В основе игровых жанров лежит игровое действие, целью которого является получение удовольствия, поскольку игровой дискурс требует интеллектуального усилия для декодирования, связанного с определенным типом интерпретативного действия. Как показывают наблюдения, характер данного интерпретативного действия отличается в различных игровых жанрах. В качестве важнейших игровых жанров в рекламном дискурсе мы выделяем пародию (требует узнавания), пастиш (требует разгадки), жанр «квест» (требует действия). Данные жанры объединяются на основании формирующего их игрового принципа, реализующегося через приемы симуляции, имитации, гиперболизации, конструирования, вымысла. Примером пародийного игрового жанра, может служить ролик автомобиля BMW 5 серии, объектом пародии которого является рекламный текст компании Shell. Оригинальный текст изображает автомобиль Ferrari, участвующий в гонках Формулы 1, который на ходу заправляют с самолета. Рекламный слоган в конце телевизионного ролика сообщает *Where winning is the passion the fuel is Shell*. Рекламный текст BMW представляет ситуацию заправки автомобиля на полной скорости с самолета в пародийной тональности, используя общий прием обманутого ожидания и частный прием копирования. Водитель протягивает через люк в крыше автомобиля термос, в который, летящий над ним самолет с невероятной точностью наливает из шланга кофе. Голос за кадром произносит следующий текст: *With just as little as 32 miles per gallon chances are you need refueling before it will*. Пародийная тональность позволяет адресату извлечь и дополнительный объем информации. Смысл пародии в том, что превосходство BMW перед Ferrari очевидно: это не только высокая скорость, отличительная характеристика спортивного автомобиля, но и меньший расход топлива, поэтому «дозаправка» требуется водителю, а не машине. Рекламный девиз подтверждает эту идею: *The ultimate driving machine*.

Среди игровых жанров мы выделяем «квест», который обращаясь к игровой потребности пользователей, представляет рекламное предложение как поиск некоторой ценности, достижение некоторой цели, стимулируя познавательную активность адресата и заставляющих его действовать, например:

*Find Cheap Gas
Near you
Save \$\$\$ with
MapQuest gas prices.
[www.bbc.com (дата обращения 10.08.2010)]*

Развитие средств коммуникации, как было показано выше, является определяющим в динамике жанровой организации рекламного дискурса. В типологии жанров по каналу передачи информации выделяются актуальные и сетевые жанры. К первым относятся жанры устной, печатной (газетная, журнальная, почтовая рассылка, брошюры, каталоги, проспекты и т.д.), телевизионной, радио-, рекламы, ко вторым рекламные жанры в компьютерно-опосредованном и электронном дискурсе. Специфическое отличие компьютерных рекламных жанров от других видов рекламной коммуникации определяется рядом важных факторов: 1) гипертекстовой составляющей; 2) наличием обратной связи; 6) глубиной развертываемости текста как результата перехода по гипертекстовым ссылкам; (первоначально рекламное сообщение и расширенное рекламное сообщение как результат перехода по гиперссылкам); 7) мультимедийностью. Жанры актуальной и сетевой рекламы находятся в отношении генетической производности по следующим жанровым параллелям, отличающимся по одному или нескольким вышеперечисленным признакам. Так, рубрицированная печатная реклама аналогична рубрицированной электронной рекламе, последняя отличается признаком возможности креолизации и объемом передаваемой информации. Печатный текст модульной рекламы сопоставим с баннерной рекламой, которая имеет в качестве обязательного компонента гиперссылку, а в качестве факультативного – мультимедийность. Рекламный каталог/брошюра сопоставима с веб-сайтами интернет-магазина/производителя; рекламная газета аналогична рекламному форуму, содержащему большое количество рекламных объявлений; рекламное письмо сопоставимо с электронной массовой рассылкой.

Динамика жанровой организации рекламного дискурса прослеживается по критерию институциональности/персональности, который позволяет выделить институциональные и персональные рекламные жанры. Такое деление обусловлено тем, что, с одной стороны, рекламный дискурс в процессе своей эволюции сложился как институциональный тип общения. С другой стороны, развитие средств коммуникации, проникновение рекламной интенции в другие сферы жизни общества и замещение

рекламой некоторых других жанров способствовали возникновению персонально ориентированных рекламных жанров.

Институциональные рекламные жанры варьируются по степени институциональности от максимально неформальных рекламных жанров до максимально институциональных жанров. К жанрам с максимальной институциональностью принадлежат жанры коммерческой рекламы (субъектами которой выступают компании производители и поставщики услуг); корпоративной рекламы (субъектами которой являются транснациональные корпорации; национальные компании), социальной рекламы (субъекты которой представлены некоммерческими организациями, правительственными органами, благотворительными организациями и фондами, профессиональными обществами), некоторые из которых были рассмотрены нами выше. Примерами жанров с минимальной институциональностью являются образцы пародийной, шутовой рекламы адресантами которых являются институциональные субъекты. Такие виды жанров, как было показано выше, характерны для современного рекламного дискурса.

Жанры персональной рекламной коммуникации не имеют четко выраженного ядра/периферии и отличаются по признаку количества субъектов общения, наличия отсутствия саморепрезентации, каналу общения, отношения к предмету общения. К данному типу жанров относятся жанры интерпретирующие рекламный дискурс. В индустриальный период развития рекламы в ее интерпретации использовались литературно-художественные жанры: авторские афоризмы, цитаты, художественные и поэтические произведения. Афоризмы могут классифицироваться по типу субъективной позиции адресанта афоризма: протагонист выражаемого суждения – антагонист, выражаемого суждения. *The most truthful part of a newspaper is the advertisements* (Реклама – самая правдивая часть газеты – перевод Л.К.); *Advertising is the greatest art form of the 20th century* (Реклама – величайшее великое искусство XX века – перевод Л.К.). В следующих афоризмах адресант выступает антагонистом выражаемого суждения: *You can fool all the people all the time if the advertising is right and the budget is big enough. Advertising is the art of making whole lies out of half truths* (Реклама это искусство создания лжи из полуправды – перевод Л.К.).

К интерпретативным жанрам рекламы постиндустриального общества относятся также вторичные жанры пародии, шутки, карикатурно имитирующие способы воздействия рекламы на потребителя, языковые особенности рекламных текстов, товары и их декларируемые преимущества. Типичными характеристиками являются общение на максимально близкой дистанции, неофициальный источник информации, использование обценной и жаргонной лексики; карикатурность и др. Перечисленные жанры характеризуются отличительными признаками тематического содержания; интенциональной установкой субъекта коммуникации; спецификой лингвистического оформления; соотношением клишированных и экспрессивных форм, типами стратегий и тактик, объемом передаваемой информации, соотношением эмоциональной и рациональной составляющей. Например: пародию на текст компании Apple, предлагающий iPhone. Оригинальный текст имеет следующее содержание: *If you don't have an iPhone you don't have the AppStore. See you don't have the world's largest selection of apps [...]*. Пародия использует перифразу выражения *a person who does not care about technology*, утверждая, что те, кто не интересуется технологическими новинками либо бедные, либо неудачники: *If you don't have an iPhone I'd ask you what's wrong with you? You are poor or loser or a person who does not care about technology, which means you are poor or loser*.

Проникновение рекламной интенции в другие типы общения приводит гибридных жанровых образцов, находящихся на пересечении с другими типами институционального общения: жанры политической рекламы, субъектами которой выступают политические партии, объединения, группы (политические листовки и плакаты, предвыборные кампании, митинги и др.); жанры рекламы образовательных услуг, субъектами которой являются административные органы образовательных учреждений (брошюры, веб-страницы университетов, описания учебных курсов и программ и др.); жанры религиозной рекламы, субъекты которой представляют конфессиональные объединения, религиозные группы и др., например, жанр «религиозная беседа», «популярная проповедь», «религиозно-популярная статья» (субжанры «статья в популярных изданиях», «религиозно-популярная листовка», «популярно-развлекательные материалы») и др. [10, p. 5].

Таким образом, подход к изучению жанрового пространства рекламного дискурса с точки зрения исторического жанроведе-

ния показывает, что рекламный дискурс имеет тенденцию к постоянному расширению своих границ, о чем свидетельствует динамика его жанров, которое осуществляется в нескольких направлениях. Расширение репертуара жанров рекламного дискурса происходит в нескольких направлениях: а) через дифференциацию жанров и возникновение субжанров; в) через заимствование жанров из других типов дискурса (пародия, рецензия, статья и др.); г) через гибридизацию жанров. Отметим, что увеличение репертуара жанров, как было показано выше, сопровождается и противоположными тенденциями к аттенуации жанра, под которой понимается снижение его значимости, и элиминации, т.е. исчезновение жанра, что является результатом изменения социокультурных обстоятельств общения.

В развитии рекламных жанров наблюдаются следующие тенденции: интенсивное развитие рекламных жанров сетевой

и электронной коммуникации; возникновение и увеличение числа вторичных рекламных жанров; тенденция к снижению степени институционализации, что выражается в использовании игровых жанров, игровом переосмыслении традиционных жанров и возрастании доли периферийного рекламного общения с участием неинституциональных субъектов. В периферийном рекламном общении в интерпретирующих жанрах рекламного дискурса наблюдается тенденция к смене вторичных литературных жанров (афоризм, цитация, роман) игровыми, смеховыми жанрами. Данные жанры можно рассматривать как отрицательную реакцию антагониста на передаваемые рекламой перлокутивно-ориентированные смыслы. Как показывает анализ, динамика рекламного дискурса имеет множество измерений и характеризуется разнонаправленными векторами, что свидетельствует о сложной и противоречивой природе воздействия в целом.

Библиографический список

1. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров. – М., 2010.
2. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М., 2007.
3. Кочетова, Л.А. Динамика глобальной структуры англоязычного рекламного текста // Вопросы теории текста, лингвистилистики и интертекстуальности: сб. науч. статей. – Иркутск, 2012.
4. Миронова, А.А. Русская реклама в аспекте диахронической стилистики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2011.
5. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград, 2010.
6. Gurlach, M. Text type and the history of English. Walter de Gruyter, 2004.
7. Leiss, W., Kline, S., Jhally, S. Social communication in advertising: persons, products & images of well-being. Toronto; New York: Methuen, 1986. 327 p.
8. Олянич, А.В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки / Рекламный дискурс и рекламный текст. – М., 2011.
9. Рехтин, Л.В. Речевой жанр инструкции: полевая организация: дис. ... канд. филол. наук. – Горно-Алтайск, 2005.
10. Очередыко, Ю.В. Когнитивно-семантические, жанровые и стилистические характеристики англоязычного религиозно-популярного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2010.

Bibliography

1. Dementjev, V.V. Teoriya rechevikh zhanrov. – M., 2010.
2. Shmeleva, T.V. Modelj rechevogo zhanra. Antologiya rechevikh zhanrov: povsednevnyaya kommunikaciya. – M., 2007.
3. Kochetova, L.A. Dinamika global'noy struktury angloyazhchnogo reklamnoy teksta // Voprosy teorii teksta, lingvostilistiki i intertekstual'nosti: sb. nauch. statey. – Irutsk, 2012.
4. Mironova, A.A. Russkaya reklama v aspekte diakhronicheskoy stilistiki: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Chelyabinsk, 2011.
5. Karasik, V.I. Yazhkovaya kristallizatsiya smysla. – Volgograd, 2010.
6. Gurlach, M. Text type and the history of English. Walter de Gruyter, 2004.
7. Leiss, W., Kline, S., Jhally, S. Social communication in advertising: persons, products & images of well-being. Toronto; New York: Methuen, 1986. 327 p.
8. Olyanich, A.V. Reklamniy diskurs i ego konstitutivnye priznaki / Reklamniy diskurs i reklamniy tekst. – M., 2011.
9. Rekhtin, L.V. Rechevoy zhanr instrukcii: polevaya organizatsiya: dis. ... kand. filol. nauk. – Gorno-Altaysk, 2005.
10. Ocheredyko, Yu.V. Kognitivno-semanticheskie, zhanroviye i stilisticheskie kharakteristiki angloyazhchnogo religiozno-populyarnogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Astrakhanj, 2010.

Статья поступила в редакцию 08.02.13

УДК 811.512.31

Rupysheva L.E. THE CLASSIFICATION OF WILD-GROWING PLANTS IN THE BURJAT LANGUAGE. The article is devoted to the classification of lexic of wild-growing plants in the buryat language.

Key words: lexic, buryat language, wild-growing plants, fungi.

Л.Э. Рупышева, ст. преп. каф. иностранных языков и общей лингвистики Восточно-Сибирской гос. академии культуры и искусства, г. Улан-Удэ, E-mail: rupysheva71@mail.ru

ДИКОРАСТУЩИЕ РАСТЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена классификации лексики дикорастущих растений в бурятском языке.

Ключевые слова: лексика, бурятский язык, дикорастущие растения, грибы.

В последнее время большое развитие получает флоронимическая лексическая подсистема, определяющаяся как «самобытно выделяющаяся область лексики, основанная на названиях растений и грибов окружающей нас действительности». Вслед за некоторыми авторами мы относим к флоронимам не только названия растений, но и названия грибов – миконимы [1].

В настоящее время во флоре Бурятии зарегистрировано 2204 вида и подвида сосудистых растений, относящихся к 610 родам, 136 семействам, 10 классам и 5 отделам [2].

Наиболее богаты в видовом отношении 10 семейств: астровое (244 вида), злаковое (224 вида), осоковое (117 видов), бобовое (130 видов), лютиковое (118 видов), розовое (106 видов), капустное (103), гвоздичное (70 видов), норичниковое (66 видов) и гречишное (55 видов).

Многовидовых родов, насчитывающих более 30 видов во флоре Бурятии всего 7: осока (132 вида), ива (49 видов), лап-

чатка (45 видов), полынь (43 вида), остролодочник (37 видов), мятлик (31 вид), лютик (30 видов) [3].

На территории Бурятии большой интерес представляют лекарственные растения, которых произрастает более 500 видов, из них 65 находят применение в научной медицине [3].

Не менее разнообразна флора грибов, насчитывающая 795 видов и разновидностей. Среди них наиболее известная группа – «Сыроежковые», которая содержит 68 видов из 2 родов – сыроежка и млечник. Виды последнего очень популярны и широко используются в кулинарии, например, рыжик, груздь настоящий, груздь черный, волнушка. Наиболее многочисленные роды – масленок и обабок. Из них наиболее ценными в пищевом отношении являются белый гриб, подосиновик, подберезовик, режé собираются моховики, волнушки, вешенки, опята, шампиньоны и сморчки [2].

Дикорастущие растения – растения, которые можно увидеть растущими в дикой природе или растение, которое не было сознательно посажено человеком [4].

В состав этой группы нами включены деревья; кустарники, кустарнички и полукустарнички; травянистые, лекарственные, каучуконосные, дубильные, красильные и водные растения; грибы и мхи.

К **деревьям** относят растения, отличающиеся многолетними одревесневшими стеблями и корнями. У дерева хорошо выражена главная скелетная ось – ствол, сохраняющийся до конца его жизни; совокупность ветвей, отходящих от ствола, образует крону дерева [5].

Группу «Деревья» формируют следующие растения: **алоэ древовидное, столетник** – *Aloe arborescens* – алоэ, агар зандан модон, агар зандан; **берёза** – *Betula* – хуан; **берёза плакучая** – *Betula pendula* – халбагар хуан; **бук, буквое дерево** – *Fagus* – бук, бук модон; **вяз приземистый, ильм** – *Ulmus pumila* – хайлаан, дэлхэтэ модон; **дуб** – *Quercus* – дүүб, сарса; **ель** – *Picea obovata* – хасуури, гасуур модон, хасуурхан (зап.); **камфорное дерево** – *Cinnamomum camphora* – хумпараа модон; **каштан** – *Castanea* – каштан; **кедр, сосна сибирская** – *Pinus sibirica* – хуша, сибирин хуша; **клён** – *Acer* – клён, сагаан үлтэнэг (ал.); **лавр** – *Laurus* – лавр; **липа** – *Tilia* – липпэ; **лиственница** – *Larix* – шэнэнхэн; **магнолия** – *Magnolia* – магноли; **мимоза** – *Mimosa* – нэрхэн модон; **ольха волосистая** – *Alnus hirsuta* – нүүргэдхэн, нүүрхэн; **олива** – *Olea* – олива; **осина, тополь дрожащий** – *Populus tremula* – ульяхан; **ореховое дерево** – *Juglans regia* – хамарай модон; **пальма** – *Palmae (Arecaceae)* – дала модон; **пихта сибирская** – *Abies sibirica* – жодоо; **рябина** – *Sorbus* – рябина, мүшэ модон; **сандавовое дерево** – *Santalum* – боди модон, зандан модон; **сосна** – *Pinus sylvestris* – нархан, нархан модон; **тис** – *Taxus* – улаан модон; **тополь** – *Populus* – ульянгир; **тополь белый** – *Populus alba* – мүнхэлиг ульянгир; **тополь пирамидальный** – *Populus* – пирамидальная тополь; **тутовник, шелковица** – *Morus* – тут модон, ялма модон; **черёмуха обыкновенная** – *Padus avium* – мойхон, мойл; **эвкалипт** – *Eucalyptus* – эвкалипт; **яблоня дикая** – *Malus sylvestris* – улир альма; **яблоня ягодная** – *Malus baccata* – улир, альма, булаг (ал.); **ясень** – *Fraxinus excelsior* – яшал.

Кустарники, кустарнички и полукустарнички. Кустарники в отличие от деревьев формируют не один многолетний ствол, а несколько или много, часто существующих бок о бок, и сменяющих друг друга [6].

Ниже приводим названия кустарников: **абрикос сибирский** – *Armeniaca sibirica* – бүйлөөхэн; **акация** – *Acacia* – акаци; **акация жёлтая** (карагана древовидная) – *Caragana arborescens* – харгана; **багульник болотный** – *Ledum palustre* – сурагар, үхэр арса; **барбарис сибирский** – *Berberis sibirica* – шара модон; **берёза кустарниковая** – *Betula fruticosa* – боролюж; **боярышник кроваво-красный** – *Crataegus sanguinea* – долоогоно; **бузина** – *Sambucus* – гандигар, заяхай, бузина; **верба** – *Salix* – хонин бургаан, харгаан хонин бургаан; **вереси, вереск обыкновенный** – *Calluna vulgaris* – арса; **виноград дикий** – *Vitis silvestris* – зэрлиг виноград; **волчья ягода, кизильник** – *Cotoneaster* – шүдхэрэй эдээн, шүдхэрэй нэрхэн (аг.), боохолдойн бургаан (или эдээн) (зап.); **голубика** – *Vaccinium uliginosum* – хүхэ нэрхэн, нэрхэн; **золотарник, карагана карликовая** – *Caragana pumila* – алтан харгана, алтаргана; **карагана мелколиственная** – *Caragana microphylla* – алтаргана; **ива древовидная** – *Salix arborea* – бургаан; **ива козья** – *Salix caprea* – шандаруутай бургаан (окин.); **ива плакучая, рясистая** – *Salix roida* – халбагар үшөөхэн; **ива сизая** – *Salix glauca* – хонин бургаан; **ива-шелюга** – *Salix acutifolia* – ямаан бургаан; **калина** – *Viburnum* – улаан гашуун жэмэстэй эшэ, тиймэ эшын жэмэс; харгаан (редко); **кизильник черноплодный** – *Cotoneaster melanocarpus* – яргай (модон), шонын эдэгэнэ (аг.); **кипарис** – *Cupressus* – кипарис; **крушина красноевская, жёстер** – *Rhamnus erythroxylon* – яшал; **курильский чай, пятилистник кустарниковый** – *Pentaphiloides fruticosa* – батаганаан хушуун, мигман санжай (сарт.); **лещина (орешник)** – *Corylus heterophylla* – хамарай эшэ; **можжевельник обыкновенный** – *Juniperus communis* – арса, хурган заһаа, үхэр арса; **можжевельник ложноказацкий** – *Juniperus pseudosabina* – хонин арса; **можжевельник сибирский** – *Juniperus sibirica* – ямаан арса, үхэр арса; **облепиха крушиновая** – *Hippophae rhamnoides* – шасаргана (бох.); **рододендрон Адамса (душистый)** –

шасаргана (бох.); **рододендрон Адамса (душистый)** – *Rhododendron adamsii* – сагаан дали; **рододендрон даурский** – *Rhododendron dauricum* – тэрэнги; **рододендрон золотистый, кашкара** – *Rhododendron aureum* – шара тэрэнги; **роза чайная** – *Rosa* – сайн үнгэтэй розо; **саксаул** – *Haloxylon* – сагсуул; **самшит, сандал желтый** – *Buxus* – шара модон, шара зандан; **сирень** – *Syringa* – сирень; **смородина двуглая (морощка)** – *Ribes diacantha* – тэхын шээг; **смородина красная** – *Ribes rubrum* – улаагана, улаалзаргана (хорин.), модонной улаагана (зап.); **смородина моховка** – *Ribes procumbens* – газарай хүлээргэнэ, хүлээргэнэ (зап.); **смородина чёрная** – *Ribes nigrum* – үхэр нюдэн; **таволга** – *Spiraea* – хухай; **тамарикс, гребенщик** – *Tamarix* – хухай (зап.); **терн, терновник** – *Prunus spinosa* – үүргэнэ; **черника** – *Vaccinium myrtillus* – хара нэрхэн, булганай эдээн (тунк.); **шикша чёрная** – *Empetrum nigrum* – хара шүгсэр; **шиповник даурский** – *Rosa davurica* – нохойн хоншоор, хадхалаятай үбхэн.

Кустарнички – низкорослые кустарники, высотой не более 40-50 см, обычно обладающие длинными корневищами. На их побегах хорошо заметны границы годичных приростов – рубцы от опавших почечных чешуй (брусника, черника, клюква). Полукустарнички – низкорослые полукустарники, высота которых редко превышает 15-20 см [6]. К названиям кустарников и полукустарников относятся: **богородская трава, чабрец, тимьян** – *Thymus* – ганга; **брусника** – *Vaccinium vitis-idaea* – алирхан; **ива** – *Salix* – үшөөхэн, гүшөөхэн; **кислица обыкновенная бот.** – *Oxalis acetosella* – улаагана, модонной улаагана (зап.), хулганаан шэхэн; **костяника** – *Rubus saxatilis* – улаагана, газарай улаагана, газар улаагана; **клюква** – *Oxycoccus* – ташаргана, клюквэ; **полюнь Гмелина (стародуб)** – *Artemisia gmelinii* – хара намжа; **полюнь каменная** – *Artemisia rupestris* – ая, сагаан ая, ая ганга, сагаан үрмэдүүл; **полюнь холодная** – *Artemisia frigida* – ая, сагаан ая, ая ганга, сагаан үрмэдүүл, **поташник, жерняк** – *Kalidium* – бударгана.

Травянистые растения (Травы) – растения, с отмирающими на зиму надземными побегами. У многолетних травянистых растений почки возобновления располагаются на подземных или плотно прижатых к почве побегах [6].

Данная группа объединяет следующие названия: **анис** – *Anisum vulgare* – анис; **астра алтайская** – *Aster altaicus* – сэнхир; **астра альпийская** – *Aster alpinus* – хүхэ балжан гарма; **астргал донниковый** – *Astragalus melilotoides* – зээрэн шэлбэ; **бадан, чигирский чай** – *Bergenia* – бадан; **бамбук** – *Bambusa* – бамбук, далайн хулан; **башмачок венерин, башмачок известняковый** – *Cypripedium calceolus* – асаргана, толбото сагаан сэсэг; **белена чёрная, дурман** – *Hyoscyamus niger* – зэмбэ, эрьюу үбхэн (бох.), домбуу (сел.); **бескильница тонкоцветная** – *Puccinellia tenuiflora* – үлэн; **бодяк съедобный, татарник** – *Cirsium esculentum* – хашаг үбхэн; **бодяк щетинистый, осот розовый** – *Cirsium setosum* – гүгэнхэн; **борщевик сибирский** – *Heracleum sibiricum* – балшаргана; **валериана лекарственная** – *Valeriana* – шонын үбхэн, сабан үбхэн; **василёк** – *Centaurea* – василек (сэсэг), хүхэ сэсэг; **василёк синий** – *Centaurea cyanus* – хүхэ сэсэг; **вейник Лангсдорфа** – *Calamagrostis langsdorffii* – үлэн хяаг; **вероника седая** – *Veronica incana* – ямаан үбхэн; **ветреница (анемон)** – *Anemone* – табасагаа; **вика приятная, вязель (обл.)** – *Vicia amoena* – вика, шүдэр хүсы үбхэн, шүдэр үбхэн, шүдэр (сел.), хүсы (сел.), тэжээлэй ногоон, хонин хүсы; **водосбор сибирский** – *Aquilegia sibirica* – удбал (цонг.); **водяная лилия, кувшинка** – *Nymphaea* – уһанай замархан; **волоснец даурский** (пырейник высокий) – *Elymus excelsus* – харбуул үбхэн; **волоснец ложнопырейный, колосняк китайский** – *Leymus chinensis* – галабгай хяаг; **вороний глаз** – *Paris* – хирээ нюдэн; **вьюнок полевой** – *Convolvulus arvensis* – шүдэр үбхэн; **гвоздика** – *Dianthus* – башгита сэсэг, хадаан сэсэг; **герань** – *Geranium* – азаргана, герань; **герань луговая** – *Geranium pratense* – батаганаан хушуун; **гетеропаппус** – *Heteropappus* – хүхэ балжан гарма (ерав.); **горец змеинный, змеиный большой** – *Bistorta major* – баргуудай; **горец перечный (водяной перец)** – *Persicaria hydropiper* – уһан тарна, уһан тарнаан; **горец птичий, спорыш** – *Polygonum arenastrum* – шубуунай тарна; **горечавка** – *Gentiana* – дэгдэ, буха сэсэг; **горошек мышиный, вика** – *Vicia cracca* – хүсүүг, хүсүүг үбхэн, хүсы (үбхэн), хонин хүсы; **гречиха** – *Fagopyrum* – гэршүүхэ, гречиха; **гюльденштедтия весенняя** –

Gueldenstaedtia verna – сальжир, гальжир; **девясил британский** – *Inula britannica* – алтан ая; **душица обыкновенная** – *Origanum vulgare* – тэмээн һүүл; **женьшень настоящий** – *Panax ginseng* – хүн үбхэн, орхоодой, ноён орхоодой (*окин.*); **живокость крупноцветковая** – *Delphinium grandiflorum* – бэри сэсэг, хараалша сэсэг; **житняк гребенчатый** – *Agropyron cristatum* – хара толгой; **звездчатка** – *Stellaria* – гахай үбхэн; **зверобой** – *Hypericum* – дэгдэг; **земляника** – *Fragaria* – гүлзөөргэнэ, эздэгэнэ; **змеевик живородящий** – *Bistorta vivipara* – мэхээр; **змеевка растопырнная** – *Cleistogenes squarrosa* – хазаар үбхэн; **змееголовник** – *Dracocephalum* – үхэр будаг (*цонг.*); **зопник** – *Phlomis* – гүзээн үбхэн; **зопник клубневой (железняк)** – *Phlomis tuberosa* – гахай ногоон, үмдэн үбхэн; **иван-чай** – *Chamerion* – инагта (*хорин.*), гүрөөхэ үбхэн; **ирис** – *Iris* – сахилза (үбхэн); **истод обыкновенный** – *Polygala vulgaris* – зүрхэн үбхэн; **истод сибирский** – *Polygala sibirica* – зүрхэн сэсэг; **камыш** – *Scirpus* – хулхан, хулһа ожорһон; **кермек** – *Limonium* – могойн хэлэн; **кипрей** – *Epilobium* – инагта (*хорин.*), гүрөөхэн үбхэн; **клевер, трилистник** – *Trifolium* – ягаан сэсэг, тоһон шаралжаахай (*байк.-куд.*), гурбан халаата; **клубника** – *Fragaria viridis* – гүлзөөргэнэ, эздэгэнэ (*зап.*); **ковыль** – *Stipa* – хилгана; **ковыль волосатик, тырса** – *Stipa capillata* – шэбээхэй; **колокольчик** – *Campanula* – хонхо сэсэг, пахсуур (*аг.*), сэнхир хонхонууд, хонхолжоо (*лит.*); **конопля посевная** – *Cannabis sativa* – улһан, үлтэнэг (*зап.*), хоноплёо; **конопля сорная** – *Cannabis ruderalis* – зэрлиг улһан; **крапива** – *Urtica* – халуун үбхэн (*окин.*), ямаан халаахай; **крапива двудомная** – *Urtica dioica* – тэмээн халаахай; **крапива жгучая** – *Urtica urens* – халаахай, халгана; **кровохлебка лекарственная** – *Sanguisorba officinalis* – һүдэн, һүдэ гэшэгэнээн (*аг.*); **кувшинка** – *Nymphaea* – тэмээн табгай, линхобо сэсэг, уһанай замарһан; **кувшинка белая** – *Nymphaea candida* – сагаан тэмээн табгай; **купальница азиатская, жарок** – *Trollius asiaticus* – бадма сэсэг, хурьган заһаа; **купальница сибирская, жарок** – *Trollius sibiricus* – бадмахан сэсэг; **ландыш майский** – *Convallaria majalis* – майн сэсэг; **лапчатка** – *Potentilla* – хүсы үбхэн, хонин үбхэн (*иголь.*, *оронг.*); **лапчатка бесстебельная** – *Potentilla acaulis* – набтуул; **лапчатка гусиная** – *Potentilla anserina* – гэшэгэнээн; **лебеда** – *Atriplex* – уһан үрмэдэһэн, альбадаа, загалмай (*диал.*); **левкой седой** – *Matthiola incana* – мантуухай сэсэг; **лён** – *Linum* – нарин улһан; **лён дикий** – *Linum* – зэрлиг лён; **лилейник жёлтый, лилия желтая, красоднев малый** – *Heimerocallis minor* – абдаргана, зула сэсэг; **лилия водная** – *Lilium pumilum* – линхобо сэсэг, лёнхобо сэсэг, тэмээн табгай; **лилия карликовая** – *Lilium pumilum* – улаалзай; **лотос** – *Nelumbo* – бадма, бадма сэсэг, бадма ёнхобо (или линхобо), линхобо; **лук** – *Allium* – һонгино, мангир, мангиһан (*зап.*); **лук алтайский** – *Allium altaicum* – алтайн һонгино; **лук дикий** – *Allium* – гоогол; **лук стареющий** – *Allium senescens* – мангир; **лютик** – *Ranunculus* – холтоһон сэсэг, холтоһон үбхэн; **лютик болотный** – *Ranunculus pseudohirculus* – жаса; **лютик едкий** – *Ranunculus acris* – бахын сэсэг, голой шара сэсэг (*аг.*); **люцерна** – *Medicago* – хүсы үбхэн (*зап.*), люцернэ, хүсүүг үбхэн, хүсүүг, шара азарга; **мак** – *Papaver* – намуу сэсэг, мак; **мак голостебельный** – *Papaver nudicaule* – даргай, зонхобо сэсэг, наран сэсэг, дальбан шара, хурьган заһаа, бадма сэсэг; **марена сердцелистная** – *Rubia cordifolia* – зүрхэн ягаадай; **мать-и-мачеха** – *Tussilago farfara* – уула үбхэн, эгэшэ дүү хоёр; **медуница** – *Pulmonaria* – могойн хэлэн; **медуница мягенькая, медовая роса, медвянка** – *Pulmonaria mollis* – нохойн хэлэн; **мордовник даурский** – *Echinops latifolius* – хонгор зула, морин халаахай; **мята** – *Mentha* – халүүн үбхэн; **мятлик** – *Poa* – хилгана; **незабудка** – *Myosotis* – хүхэ сэсэг; **овсяница даурская** – *Festuca dahurica* – даурийн бүтүүли; **одуванчик лекарственный** – *Taraxacum officinale* – нямня (*хорин.*), нямняхай, шара сэсэг, шабшарахай (*бох.*); **осока** – *Carex* – үлэн үбхэн, үхэр хэлэн, ожорһон, хагда ожорһон, хулһа ожорһон; **осока твердоватая** – *Carex duriuscula* – хара шэрэм; **осот** – *Sonchus* – сагаан халаахай, шортолообхо (*унг.*), шаралдай (*качуг.*); **осот полевой** – *Sonchus arvensis* – сагаан халаахай; **панцерина шерстистая, белокудренник** – *Panzerina lanata* – шэмэдэг; **папоротники** – *Polypodiophyta* – тангалай үбхэн; **пастушья сумка** – *Capsella* – таряанай халаахай; **первоцвет** – *Primula* – түрүүшын сэсэг, түрүүшын ногоон; **перекати-поле** – *Salsola collina* – хамхуул, хамхуул үрмэдэһэн, атаахай, хурай (*аг.*), адаахайтай тэмээн халаахай,

арбагар үбхэн, арбагай ногоон, хадхуул үбхэн (*бох.*); **пион, марьин корень** – *Paeonia anomala* – сиинэ, эхэ эдээн; **пион; повилика** – *Cuscuta* – шүдэр үбхэн; **подорожник** – *Plantago* – таба халаа(та) (*каб.*), хабдар ногоон, гүзээн үбхэн (*каб.*); **подорожник большой** – *Plantago major* – томо таба халаа; **подснежник, прострел** – *Pulsatilla* – ургы; **полевица Триниуса** – *Agrostis trinii* – улаан толгой; **полынь** – *Artemisia* – нилуун үрмэдэһэн (*хорин.*), үрмэдэһэн, үрмэһэн, үрмэдэһэ жэрмэдэһэн (*парн.*); **полынь горькая** – *Artemisia absinthium* – тобош үрмэдэһэн, тобошотой үрмэһэн (*иголь.*); **полынь жёлтая** – *Artemisia* – шара үрмэдэһэн, шаралдай (*зап.*); **полынь метельчатая** – *Artemisia scoparia* – хонин шаралжа; **полынь обыкновенная (чернобыльник)** – *Artemisia vulgaris* – морин үрмэдэһэн, сарбан (*хорин.*); **полынь Сиверса** – *Artemisia sieversiana* – гашуун үрмэдэһэн; **проломник, бахромчатая трава** – *Androsace* – тобош үбхэн; **пырей** – *Elytrigia* – хяаг үбхэн; **пырей ползучий** – *Elytrigia repens* – хяаг, хяаг үбхэн; **пырей развилытый** – *Elytrigia* – аса хяаг; **ромашка, нивяник обыкновенный** – *Leucanthemum vulgare* – балжан гарма (*еравн.*), сагаан сэсэг; **ревень** – *Rheum* – шүүнэ, гэшүүнэ, гэшүүгэнэ, тарнаан; **репейник, лопух** – *Arctium* – носоргоно; **родиола розовая, золотой корень** – *Rhodiola rosea* – алтан үндэһэн; **ряска** – *Lemna* – замаг; **сарана, лилия саранка, мышьяк, пьяная трава** – *Lilium pilosiusculum* – хараана, сарана, хорхинсог; **сарана без коробочки** – һамган хараана, буржагар хараана, хаанай буржагар; **сарана нераспустившаяся** – аранга тибһэн; **сарана (отцветший цветок сараны с семенами)** – хонхолзоо; **сарана (цветок сараны с опавшими лепестками)** – һэмбэгэр; **сарана распустившаяся** – улаалзай; **селагинелла кровяно-красная** – *Selaginella sanguinolenta* – улаан матрын хүмс (*монг.*, *цонг.*); **серпуха васильковая** – *Serratula centauroides* – хонгор зула; **солodka уральская** – *Glycyrrhiza uralensis* – шэхэр үбхэн, шэхэр, хуншар, ураалай шэхэр; **стародубка апенинская** – *Adonis apennina* – шара сэсэг, алтан сэсэг; **сурепица желтая** – *Barbarea* – шара ногоон; **сурепка** – *Barbarea* – шаралдай, шаралдай үбхэн; **таволга водосборolistная** – *Spiraea aquilegifolia* – табилга, эмэгэн шэлбэ; **татарник колючий** – *Onopordum acanthium* – лама тархи; **тимOFFеевка** – *Phleum pratense* – тимOFFеевкэ; **триостренник болотный** – *Triglochin* – амтаахай; **тростник** – *Phragmites* – сагаан хулһан, ожорһон, хулһан; **тысячелистник обыкновенный** – *Achillea millefolium* – үтэшэ үбхэн; **хвойник, эфедра односемянная** – *Ephedra monosperma* – хонин зээрэгэнэ, зээрэгэнэ, зээрэгэнэ (*тунк.*); **хвоц** – *Equisetum* – уһа ожорһон; **хвоц полевой** – *Equisetum arvense* – наһан үбхэн, наһан ногоон; **чемерица Лобеля** – *Veratrum lobelianum* – балшаргана; **чемерица чёрная** – *Veratrum nigrum* – агшаргана; **черемша, лук черемша** – *Allium microdictyon* – халаяр; **чертополох** – *Carduus* – чертополох; **чеснок дикорастущий** – *Allium* – гоогол (*вогм.*); гоогоһон (*зап.*); **чий блестящий** – *Achnatherum splendens* – дэрһэн; **чина луговая** – *Lathyrus pratensis* – хорхинсы, хорхинсог; **чистотел большой** – *Chelidonium majus* – шүдэр сэсэг; **чумерос, копеечник Гмелина** – *Hedysarum gmelinii* – шамарһан; **шалфей лекарственный** – *Salvia officinalis* – шара дэрэ, мүгбэ үбхэн, могойн аман; **шлемник байкальский** – *Scutellaria baicalensis* – буда сэсэг, бэри сэсэг, гүүн хүхэн; **щавель** – *Rumex* – хулһанын шэхэн (*унг.*); **щавель кислый, обыкновенный** – *Rumex acetosa* – хурьган шэхэн (*хорин.*), дааган шэхэн; **щетинник зелёный** – *Setaria viridis* – үнэгэнэй һүүл; **ятрышник** – *Orchis* – сэгрэмэ; **ячмень** – *Hordeum* – ешмээн, арбай (*узм.*); арбай таряан; үхэр арбай (*еравн.*); халтар арбай (*мух.-шуб.*); будаан (*качуг.*); **ячмень короткоостый** – *Hordeum brevisubulatum* – хэрмэн һүүл.

Чужеземные растения – группа растений, произрастающая в естественных условиях в других регионах, странах и континентах. К ним относятся: **Алоэ древовидное, столетник** – *Aloe arborescens* – алоэ, агар зандан модон, агар зандан; **бук, буквое дерево** – *Fagus* – бук, бук модон; **дуб** – *Quercus* – дүүб, сарса; **камфорное дерево** – *Cinnamomum camphora* – хумпараа модон; **каштан** – *Castanea* – каштан; **клён** – *Acer* – клён, сагаан үлтэнэг (*ал.*); **лавр** – *Laurus* – лавр; **липа** – *Tilia* – липиэ; **магнолия** – *Magnolia* – магноли; **мимоза** – *Mimosa* – һэрһэн модон; **олива** – *Olea* – олива; **ореховое дерево** – *Juglans regia* – һамарай модон; **пальма** – *Palmae* (*Arecaceae*) – дала модон; **сандаловое дерево** – *Santalum* – боди модон, зандан модон; **тис** – *Taxus* – улаан модон;

тутовник, шелковица – *Morus* – тут модон, ялма модон; **эвкалипт** – *Eucalyptus* – эвкалипт; **ясень** – *Fraxinus excelsior* – яшал; **виноград дикий** – *Vitis silvestris* – зэрлиг виноград; **кипарис** – *Cupressus* – кипарис; **саксаул** – *Haloxylon* – сарсуул; **самшит, сандал желтый** – *Buxus* – шара модон, шара зандан; **тамарикс, гребенщик** – *Tamarix* – хухай (зап.); **терн, терновник** – *Prunus spinosa* – үүргэнэ; **женьшень настоящий** – *Panax ginseng* – хүн үбхэн, орхоодой, ноён орхоодой (окин.); **лотос** – *Nelumbo* – бадма, бадма сэсэг, бадма ёнхобо (или линхобо), линхобо.

Лекарственные растения – обширная группа растений, органы или части которых являются сырьем для получения средств, используемых в народной, медицинской или ветеринарной практике с лечебными или профилактическими целями [7].

Известны следующие названия: **алоэ древовидное, столетник** – *Aloe arborescens* – алоэ, агар зандан модон, агар зандан; **анис** – *Anisum vulgare* – анис; **багульник** – *Ledum* – тэрэнги; **бадан, чигирский чай** – *Bergenia* – бадан; **берёза** – *Betula* – хуһан; **берёза плакучая** – *Betula pendula* – халбарар хуһан; **богородская трава, чабрец, тимьян** – *Thymus* – ганга; **боярышник кроваво-красный** – *Crataegus sanguinea* – долоогоно; **брусника** – *Vaccinium vitis-idaea* – алирхан; **валериана лекарственная** – *Valeriana* – шонын үбхэн, сабан үбхэн; **вереси, вереск, можжевельник ложноказацкий** – *Juniperus pseudosabina* – арса; **вьюнок полевой** – *Convolvulus arvensis* – шүдэр үбхэн; **горец змеиный, змеевик большой** – *Bistorta major* – баргуудай; **горец перечный (водяной перец)** – *Persicaria hydropiper* – уһан тарна, уһан тарнаан; **горец птичий, спорыш** – *Polygonum arenastrum* – шубуунай тарна; **горечавка** – *Gentiana* – дэгдэ, буха сэсэг; **душица обыкновенная** – *Origanum vulgare* – тэмээн һүүл; **женьшень настоящий** – *Panax ginseng* – хүн үбхэн, орхоодой, ноён орхоодой (окин.); **зверобой** – *Hypericum* – дэгдэ; **календула лекарственная, ноготки** – *Calendula officinalis* – шара сэсэг; **клевер, трилистник** – *Trifolium* – ягаан сэсэг, тоһон шаралжаахай (байк.-куд.); **гурбан халаага, крапива** – *Urtica* – халуун үбхэн (окин.); **ямаан халаахай, крапива двудомная** – *Urtica dioica* – тэмээн халаахай; **крапива жгучая** – *Urtica urens* – халаахай, халгана; **кровохлебка лекарственная** – *Sanguisorba officinalis* – һүдэн, һүдэ гэшэгэнээн (аг.); **ландыш майский** – *Convallaria majalis* – майн сэсэг; **липа** – *Tilia* – липпэ; **лотос** – *Nelumbo* – бадма, бадма сэсэг, бадма ёнхобо (или линхобо), линхобо; **мак** – *Papaver* – намуу сэсэг, мак; **мать-и-мачеха** – *Tussilago farfara* – уула үбхэн, эгэшэ дүү хоёр; **мята** – *Mentha* – халуун үбхэн; **облепиха крушиновая** – *Hippophae rhamnoides* – шасаргана (бох.); **одуванчик лекарственный** – *Taraxacum officinale* – нямняа (хорин.), нямняахай, шара сэсэг, шабшараахай (бох.); **пастушья сумка** – *Capsella* – таряная халаахай; **пион, марьян корень** – *Paeonia anomala* – сиинэ, ехэ эдеэн; **пион; подорожник** – *Plantago* – таба халаа(та) (каб.), хабдар ногоон, гүзээн үбхэн (каб.); **подорожник большой** – *Plantago major* – томо таба халаа; **полынь** – *Artemisia* – нилуун үрмэдэһэн (хорин.), үрмэдэһэн, үрмэдэһэн, үрмэдэһэ жэрмэдэһэн (парн.); **полынь Гмелина (стародуб)** – *Artemisia gmelinii* – хара намжа; **полынь горькая** – *Artemisia absinthium* – тобшо үрмэдэһэн, тобшотой үрмэдэһэн (увола.); **полынь желтая** – *Artemisia* – шара үрмэдэһэн, шаралдай (зап.); **полынь каменная** – *Artemisia rupestris* – ая, сагаан ая, ая ганга, сагаан үрмэдүүл; **полынь обыкновенная (чернобыльник)** – *Artemisia vulgaris* – морин үрмэдэһэн; **сарбан** (хорин.); **полынь Сиверса** – *Artemisia Sieversiana* – гашуун үрмэдэһэн; **полынь холодная** – *Artemisia frigida* – ая, сагаан ая, ая ганга, сагаан үрмэдүүл; **панцерина шерстистая, белокудренник** – *Panzerina lanata* – шэмэдэг; **ревень** – *Rheum* – эшүүнэ, гэшүүнэ, гэшүүгэнэ, тарнаан; **родиола розовая, золотой корень** – *Rhodiola rosea* – алтан үндэһэн; **рододендрон Адамса (душистый)** – *Rhododendron adamsii* – сагаан дали; **солодка уральская** – *Glycyrrhiza uralensis* – шэхэр үбхэн, шэхэр, хуншар, ураалай шэхэр; **тимьян, чабрец, богородская трава** – *Thymus* – ганга; **тысячелистник обыкновенный** – *Achillea millefolium* – үтэшэ үбхэн; **чабрец** – *Thymus* – ганга; **чага (черный березовый гриб)** – *Inonotus obliquus* – шүлтэ; **чеснок дикорастущий** – *Allium* – гоогол (вост.), гоогоһон (зап.); **чистотел большой** – *Chelidonium majus* – шүдэр сэсэг; **шалфей лекарственный** – *Salvia officinalis* – шара дэрэ, мүгбэ үбхэн, могойн аман; **шикша чёрная** – *Empetrum nigrum* – хара шүгсэр.

Каучуконосные растения. Основным каучуконосным растением является гевея бразильская. Из млечного сока этого растения добывают каучук, из которого впоследствии получают резину [8]. В эту группу входит только одно слово: **каучуконос** – *Hevea brasiliensis* – каучугта ургамал, каучуконос, хүн дабирхатай модон.

Дубильные растения – растения, содержащие дубящие вещества, или таниды, в количестве достаточном для промышленного использования [9]. Эта группа представлена названиями: **бадан, чигирский чай** – *Bergenia* – бадан; **герань** – *Geranium* – азаргана, герань; **ель** – *Picea* – хасуури, гасуур модон, хасуурхан (зап.); **ива козья** – *Salix caprea* – шандаруутай бурган (окин.); **лиственница** – *Larix* – шэнэнхэн; **ревень** – *Rheum* – эшүүнэ, гэшүүнэ, гэшүүгэнэ, тарнаан; **щавель** – *Rumex* – хулганын шэхэн (унг.); **щавель кислый, обыкновенный** – *Rumex acetosa* – хурьган шэхэн (хорин.), дааган шэхэн [9].

Красильные растения – растения, вырабатывающие и содержащие в своих органах (корнях, стеблях, листьях, цветках, плодах, семенах) и тканях (древесине, коре) красящие вещества, заключенные в пластидах или растворенные в клеточном соке [10]. Следующие названия присутствуют в этой группе: **барбарис сибирский** – *Berberis sibirica* – шара модон; **виноград дикий** – *Vitis silvestris* – зэрлиг виноград; **дуб** – *Quercus* – дүүб, сарса; **живокоость крупноцветковая** – *Delphinium grandiflorum* – бэри сэсэг, хараалша сэсэг; **клюква** – *Oxycoccus* – ташаргана, клюквэ; **лиственница** – *Larix* – шэнэнхэн; **лук** – *Allium* – һонгино, мангир, мангиган (зап.); **лук алтайский** – *Allium altaicum* – алтайн һонгино; **лук дикий** – *Allium* – гоогол; **лук стареющий** – *Allium senescens* – мангир; **марена сердцелистная** – *Rubia cordifolia* – зүрхэн ягаадай; **рябина** – *Sorbus* – рябина, мүшэ модон [9].

Водные растения – растения, необходимое условие жизни которых – пребывание большей частью в пресной, соленой или солоноватой воде [7]. Они произрастают не только в самих водоемах, но и по их берегам, на сильнообводненных болотах. К ним относят: **водоросль** – *Algae* – замаг, замархан (ал.), замаргадан, замардан (бох.); **водяная лилия, кувшинка** – *Nymphaea* – уһанай замархан; **камыш** – *Scirpus* – хулһан, хулһа ожорһон; **лилия водяная** – *Lilium pumilum* – линхобо сэсэг, лёнхобо сэсэг, тэмээн табгай; **осока** – *Carex* – үлэн үбхэн, үхэр хэлэн, ожорһон, хагда ожорһон, хулһа ожорһон; **ряска** – *Lemna* – замаг; **триостренник болотный** – *Triglochin* – амтаахай; **тростник** – *Phragmites* – сагаан хулһан, ожорһон, хулһан.

Грибы и мхи. Грибы – царство живой природы, объединяющее эукариотические организмы (то есть организмы, имеющие клеточное ядро) и сочетающие в себе некоторые признаки, как растений, так и животных [7]. Мхи – группа растений, включающая наиболее просто устроенные наземные споровые растения, имеющие особые органы размножения – спорангии, в жизненном цикле которых преобладает гаметофит – гаплоидное листостебельное или слоевищное растение [11].

Грибы зафиксированы в наименованиях: **белый гриб** – *Boletus edulis* – сагаан мөөгэ, сагаан хархяаг; **грибы** – *Fungi*, *Mycota*, *Mycophita*, *Mycetalia* – хархяаг, мөөгэ, тэнгэрийн зада (аг.), мөөгэ хархяаг (парн.); **грибок** – мөөгэһэн, хархяаган; **груздь обыкновенный** – *Lactarius resimus* – сагаан хархяаг; **жудевик** – *Lycoperdon* – тэнгэрийн тамхин, тэнгэрийн дулии (аг.); **лисичка желтая** – *Cantharellus cibarius* – үнэгэн мөөгэ; **маслёнок** – *Suillus* – шара мөөгэ, шара хархяаг; **мухомор** – *Amanita* – хорото мөөгэ; **поганка бледная** – *Amanita phalloides* – муухай хархяаг, хоротой мөөгэ; **подберёзовик** – *Leccinum scabrum* – хуһанай хархяаг, хуһан доро ургадаг хархяаг; **подосиновик** – *Leccinum peracidum* – уляһанай хархяаг, улаан толгойто хархяаг; **рыжик** – *Lactarius deliciosus* – шара хархяаг; **синие грибы** (общее название ядовитых грибов) – *Fungi* – хүхэ мөөгэ; **сморчок** – *Morchella* – хара мөөгэ, дылдэ; **сыроежка красная** – *Russula* – улаан хархяаг, сыроежка; **чага (черный березовый гриб)** – *Inonotus obliquus* – шүлтэ; **шампиньон** – *Agaricus* – шампиньон.

Мхи: **мох** – *Bryon*, *Musci* – хубхэн; **сфагнум** – *Sphagnum* – торфын хубхэн.

Нами собрано 472 бурятских наименований дикорастущих растений и грибов, где родовидовые подгруппы «Деревья» представлены 52 наименованиями (11%); «Кустарники, кустарнички и полукустарнички» – 89 (18,9%); «Травянистые растения» – 297 (62,9%); «Чужеземные растения» – 39 (8,9%); «Лекарственные

растения» – 102 (23,3%); «Каучуконосные растения» – 3 (0,6%); «Дубильные растения» – 15 (3,4%); «Красильные растения» – 18 (4,1%); «Водные растения» – 20 (4,6%); «Грибы, мхи» – 31 (6,6%).

По удельному весу значительное место занимают травянистые растения, лекарственные растения, кустарники, кустарнички и полукустарнички, деревья. Наоборот, небольшое число названий растений относятся к грибам и мхам, водным, красильным растениям. Каучуконосные, дубильные растения представлены лишь несколькими наименованиями.

Небольшое количество названий растений и грибов, в сравнении с перечнем произрастающих в Бурятии флоры, свидетельствует об отсутствии у бурят необходимости различия отдельных их видов: *бадма сэсэг* 'лотос и желтый мак'; *сагаан хархяаг* 'груздь, белый гриб'; *шара хархяаг* 'рыжик, масленок'.

Выделенные родовидовые подгруппы в составе лексической группы «Дикорастущие растения» с точки зрения системности не равнозначны. «Деревья», «Кустарники, кустарнички и полукустарнички», «Травянистые растения» характеризуются многоступенчатой иерархической структурой и лексически на-

сыщены, чем «Каучуконосные растения», «Дубильные растения», «Красильные растения», «Водные растения», «Грибы, мхи».

«Грибы и мхи» имеют более упрощенную структуру. Данный факт объясняется степенью значимости биологических единиц в жизни людей.

Список сокращений:

вост. – восточно-бурятский диалект; *диал.* – диалектный вариант; *зап.* – западно-бурятский диалект; *лат.* – латинский термин; *лит.* – литературный вариант; *монг.* – монгольский термин; *парн.* – парное; *сел.* – сельское; *уст.* – устаревшее название;

Говоры бурятского языка:

аг. – агинский; *ал.* – аларский; *байк.* – куд. – байкало-кударинский; *бох.* – боханский; *еравн.* – еравнинский; *иволг.* – иволгинский; *каб.* – кабанский; *качуг.* – качугский; *мух.-шиб.* – мухор-шибирский; *окин.* – окинский; *оронг.* – оронгойский; *сарт.* – сартульский; *тунк.* – тункинский; *унг.* – унгинский; *хорин.* – хоринский; *цонг.* – цонгольский.

Библиографический список

1. Григоренко, Н.А. Лексика флоры и фауны в говорах камчадалов: дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск-Камчатский, 2007.
2. Бурятия = Buryatia: к 350-летию вхождения Бурятии в состав Российского государства. Энциклопедический справочник: в 2 т. – Улан-Удэ, 2011. – Т. 1.
3. Осипов, К.И. Разнообразие флоры сосудистых растений Бурятии // Биоразнообразие Байкальской Сибири. – Новосибирск, 1999.
4. Дикорастущие растения [Э/р]. – Р/д: <http://forum.plantarium.ru/viewtopic.php?id=15312>
5. Коровкин, О.А. Анатомия и морфология высших растений // Словарь терминов. – 2007.
6. Новиков, В.С. Школьный атлас определитель высших растений. – М., 1991.
7. Флора [Э/р]. – Р/д: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
8. Каучуконосные растения [Э/р]. – Р/д: <http://timuriego.com/tehnicheskie-kultury.html>
9. Лесная энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. Г.И. Воробьев. – М., 1985.
10. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. – М., 1969 – 1978.
11. Мхи [Э/р]. – Р/д: <http://www.ecosystema.ru>

Bibliography

1. Grigorenko, N.A. Leksika florih i faunih v govorakh kamchadalov: dis. ... kand. filol. nauk. – Petrozavodsk-Kamchatskiy, 2007.
2. Buryatia = Buryatia: k 350-letiyu vkhozhdeniya Buryatii v sostav Rossiyskogo gosudarstva. Ehnciklopedicheskiy spravochnik: v 2 t. – Ulan-Udeh, 2011. – T. 1.
3. Osipov, K.I. Raznoobrazie florih sosudistikh rasteniy Buryatii // Bioraznoobrazie Baykalskoy Sibiri. – Novosibirsk, 1999.
4. Dikorastutnie rasteniya [Eh/r]. – R/d: <http://forum.plantarium.ru/viewtopic.php?id=15312>
5. Korumkin, O.A. Anatomiya i morfologiya vihsshikh rasteniy // Slovarj terminov. – 2007.
6. Novikov, V.S. Shkoljniy atlas opredelitelj vihsshikh rasteniy. – M., 1991.
7. Flora [Eh/r]. – R/d: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
8. Kauchukonosnihe rasteniya [Eh/r]. – R/d: <http://timuriego.com/tehnicheskie-kultury.html>
9. Lesnaya ehnciklopediya: v 2 t. / gl. red. G.I. Vorobjev. – M., 1985.
10. Bolshaya Sovetskaya Ehnciklopediya: v 30 t. – M., 1969 – 1978.
11. Mkh [Eh/r]. – R/d: <http://www.ecosystema.ru>

Статья поступила в редакцию 20.11.12

УДК 811.11

Cherepanova E.A. SEMANTIC POTENTIAL OF VERBAL LEXEMES OF THE DONATIVE ACTION. This article touches the problem of semantic potential of verbal lexemes of the donative action caused by insufficient research of the concept and importance of this aspect in word meaning studying. Application of logical-philosophical and component analyses allows to carry out an objective analysis of the explicit and implicit content of expressions and also to reveal the main mechanisms of donative action.

Key words: donation, donative action, possessiya change, subject and object interaction, lexical meaning, verbal lexeme, semantic component.

Е.А. Черепанова, ст. преп. каф. иностранных языков Горно-Алтайского гос. университета, г. Горно-Алтайск, E-mail: ekaterinacherepanova@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ ДОНАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Данная статья освещает проблематику семантического потенциала глагольных лексем донативного действия, обусловленная недостаточным исследованием самого понятия и важностью этого аспекта в изучении значения слова. Применение логико-философского и компонентного анализов позволяет провести объективный анализ эксплицитного и имплицитного содержания выражений, а также выявить основные механизмы донативного действия.

Ключевые слова: донативность, донативное действие, изменение посессии, субъектно-объектное взаимодействие, лексическое значение, глагольная лексема, семантический компонент.

Функционирование окружающего мира, принципы взаимодействия его составляющих является предметом исследования

науки с древнейших времен. На сегодняшний день центром научных исследований правомерно считается человек. История и

наука свидетельствуют о том, что все в человеке, в его бытии является результатом его индивидуальной деятельности, с одной стороны, и деятельности предшествующих поколений, общества в целом – с другой. Без деятельного преобразования окружающего и внутреннего мира человек не может ни существовать, ни развиваться. Поэтому одними из центральных понятий в изучении окружающего мира являются понятия деятельности и действия [1, с. 498]. Ключевыми фигурами любой деятельности, а, следовательно, и действия является субъект и объект.

Субъектность как способность быть активным началом в осуществлении действия является характеристикой для различных субъектодействующих феноменов окружающей действительности, которые по-разному проявляют себя субъектно в соответствующих ситуациях. В современном философском знании субъектодействующим феноменом признается завод, город, объединения людей [2, с. 602]. Следовательно, субъектом действия может стать фрагмент окружающей действительности с неантропоморфными характеристиками.

Установить сущность донативного действия становится возможным при рассмотрении происхождения самого понятия. Этимология донативности уходит к латинскому корню *dono*, от которого образованы слова *donum* (дар, подарок; жертва), *donator* (даритель), *donation* (дарение, приношение в дар) [3, с. 266]. Очевидно, что указанная часть слов актуализирует изменение состояния принадлежности некоего объекта.

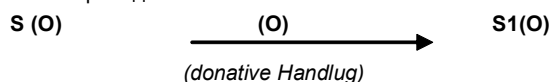

Рис. 1. Донативное действие

- активность субъекта S может основываться на его внутренней интенции, на объективно сложившейся необходимости, в силу имеющихся условий, оказывающих влияние на деятеля;
- активность субъекта S1 возникает при потребности возмещения утраты субъекта S;
- объект способен претерпевать процесс модификации своей целостности.

Рассматривая донативность, главным образом, как действие, логично, что из языковых средств, актуализирующих эту понятийную категорию, наиболее частотным является глагол. Фактология представляет разнообразный перечень глагольных лексем, актуализирующих исследуемое понятие. Следовательно, требуется упорядочить определенным образом языковой материал.

Систематизируя лексические средства, выражающие донативность, анализируется семантическое содержание языковой единицы. Глагольные лексемы, подтверждающие в контекстуальном употреблении многозначность своей словарной дефиниции, являются гиперонимами. Гипонимами, выступают лексические средства, семантическая наполненность которых сужает возможный спектр их применения. Значения гипонимов ограничивают условия своего употребления в речи, гиперонимы же, напротив, характеризуются полисемичностью. Таким образом, классификацию языкового материала можно представить следующей схемой:

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть семантический потенциал следующих лексем-гиперонимов, выражающих ДД: *geben*, *schicken*, *schenken*, *verlieren*, *verkaufen*, *tauschen*, *teilen*.

В своих значениях представленные языковые единицы одновременно отличаются друг от друга и имеют что-то общее. Логично констатировать сходства и различия в семантике обозначенных глаголов, что предполагает выявление элементарных

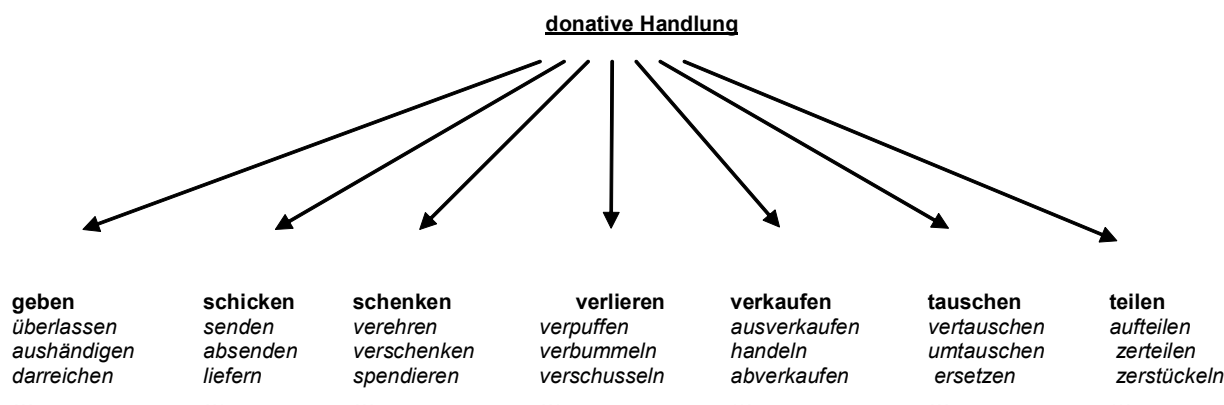

Рис. 2. Систематизация глагольных лексем выражения донативного действия

Следовательно, донативное действие (ДД) трактуется как субъектно-объектное взаимодействие, а донативность рассматривается как понятийная категория, соотносимая в реальности с процессом модификации посессивности, то есть включением или исключением некоего объекта в/из сферу(ы) обладания субъекта. Донативность подразумевает наличие субъекта S, утрачивающего статус обладателя, субъекта, получающего статус обладателя S1 и объекта, претерпевающего смену своего обладателя. Схематически донативное действие может быть представлено следующим образом:

Современные лингвистические исследования субъектно-объектных взаимоотношений посвящены посессивности (Чинчлей К.Г., 1984, Анохина С.П., 1993, Милованова М.В., 2007), принадлежности (Сушкова И.М., 2007, Яцко Т.С., 2010), обладанию (Ждан Н.Т., 1987, Головачева А.В., 2002, Виноградова Н.Г., 2002), притязательности (Степанян В.А., 1979, Малахова В.Л., 2011), отчуждению (Орлянская Е.Г., 2002). Такие исследования помогают понять механизмы реального взаимодействия участников посредством анализа языкового материала. Однако вне лингвистического внимания остается изучение донативности как макросистемы, пронизывающей онтологический мир донативного тезауруса субъекта, что и определяет актуальность проводимого исследования.

Так, в процессе анализа языкового материала были установлены следующие основные характеристики донативного действия и его участников:

- субъектное взаимодействие может быть контактным/дистантным;

смысловых единиц (семантических компонентов, сем, семантических множителей), соответствующие отдельным признакам значения.

Положение о том, что значение каждой единицы языка (в том числе и слова) состоит из набора семантических компонентов – одна из основных гипотез, на которых базируется метод компонентного анализа. Проводя компонентный анализ лексем, выражающих донативное действие необходимо найти те единицы, которые могут считаться включенными в семантику данного слова, то есть посмотреть значение его гипонимов. В лексической семантике метод компонентного анализа принадлежит к числу основных методов описания лексического значения [4, с. 109].

Поскольку сущность значения определяется двумя типами отношений знаковых единиц языка, то выделение сем следует проводить двумя путями – парадигматическими и синтагматическими.

Синтагматический путь проведения компонентного анализа исходит из учета совместной встречаемости в тексте семантически близких слов.

Парадигматический способ предполагает использование словарных определений, представляющий собой разложение смыслового содержания слова на его составляющие. Так, И.В. Арнольд был разработан прием извлечения сем путем сопоставления объяснительных трансформаций словарных дефиниций [5, с. 380]. Теперь проведем аналогичные операции по выявлению смысловых компонентов в лексемах донативного действия.

Анализ дефиниции многозначной лексики **geben** в словаре Deutsch Universal Wörterbuch (DUW) показывает, что данная языковая единица может выражать донативное действие следующими значениями:

- 1 a. etwas in jemandes Hände, Verfügungsgewalt gelangen lassen.
- 1b. als Geschenk, Spende in jemandes Besitz gelangen lassen.
2. zu einem bestimmten Zweck überlassen, übergeben.
5. bewirken, dass etwas vorhanden ist, erzeugen, hervorbringen.

Словарное определение слова показывает, что указанная лексема актуализирует следующие значения: «передача в чьи-либо руки», «передача для обладания или распоряжения», «передача как подарка», «давать как результат». Приведенные значения можно трансформировать в следующие семантические множители лексики:

geben = [an diesem Ort etwas übergeben]+[für einen Zweck übergeben]+[als Resultat von Tätigkeit etwas produzieren].

Рассмотрим контекстуальное употребление данной языковой единицы:

- (1) Der Vater gab Ipsi ein Glas Milch [6, с. 180].

Эксплицитное содержание предложения констатирует выражение одного из семантических компонентов [an diesem Ort etwas übergeben]. Наличие актуализированного семантического множителя в составе значения этой лексики говорит о том, что донативное действие произошло между субъектами, которые находились в зрительной доступности друг для друга. Следовательно, донативное действие характеризуется контактно-субъектно. Данный пример также демонстрирует наличие иной элементарной смысловой единицы [für einen Zweck übergeben], но информация, соотносимая с ней, остается имплицитной. Исходя из типа передаваемого объекта *ein Glas Milch*, возможны такие варианты установления цели действия: *zum Trinken, den Durst zu stillen*.

В следующем примере эксплицитно присутствует и другой компонент значения данной глагольной лексики:

- (2) Der Ofen gibt Wärme [7].

Выраженной семой лексики **geben**, соотносимой с семантическим признаком локализации ДД, настоящего контекста является [an diesem Ort etwas übergeben]. Поскольку данный субъект S передает объект *die Wärme*, как результат своей деятельности в ограниченном пространстве, в котором находится сам (z.B. das Zimmer, die Wohnung, das Gebäude). Компонент [als Resultat von Tätigkeit etwas produzieren] также реализован в данном предложении. Объект является результатом функционирования указанного субъектодействующего феномена человеческой деятельности, являющимся в этом ДД субъектом S. Элемент значения [für einen Zweck übergeben] имплицитен и может быть домыслен в ходе логического анализа, основываясь на привлечении фоновых знаний о механизме функционирования субъекта S исследуемого ДД – *für Erwärmung*.

Семантический потенциал **geben** заключается в способности данной языковой единицы актуализировать донативное действие, соотносимое в реальности с передачей какого-либо объекта субъекту, доступного в актуальный момент времени. Цель действия, выраженного данной лексемой, конкретизируется контекстом.

Следующей рассматриваемой глагольной лексемой является **schicken**.

schicken – 1. veranlassen, dass etwas zu jemandem gelangt, an einem bestimmten Ort gebracht oder befördert wird.

2a. veranlassen sich zu einem bestimmten Zweck, mit einem Auftrag an einen bestimmten Ort zu begeben etwas bringen lassen, etwas irgendwohin bringen lassen.

Данная лексема способна эксплицитно актуализировать действие «передачи в определенное место», «передачи с определенной целью». При характеристике ДД упомянутой глагольной лексемой, берется во внимание тот факт, что субъект, утрачивающий некий объект из сферы своего обладания, своей пространственной принадлежности не меняет, он создает необходимые условия, использует некие средства для того, чтобы передача такого объекта состоялась с преодолением необходимой дистанции.

Таким образом, словарное объяснение позволяет зафиксировать следующие семантические множители рассматриваемой лексики:

schicken = [bewegen etwas an einen Ort zu befördern]+[bewegen etwas zweckgebunden weiterzuleiten]

- (3)... ich schickte ein Telegramm [8, с. 204].

Приведенное в качестве примера предложение эксплицитно актуализирует семантический компонент [bewegen etwas an einen Ort zu befördern]. Непосредственным объектом является не сама телеграмма, а та информация, которую она в себе содержит. Очевидно, телеграмма является доступным, надежным, наиболее приемлемым способом передачи установленного объекта для данного субъекта. Анализируемое межсубъектное взаимодействие в данном примере характеризуется дистантно-субъектно, поскольку объект *ein Telegramm* подтверждает, что он передается субъектом S субъекту S1, находящемуся в некоем отдалении. В приведенном примере ДД присутствует некий посредник, который осуществил перемещение объекта. Установить выявленного фигуранта действия можно исходя из экстралингвистических знаний об объекте.

Лексема **schicken**, таким образом, актуализирует ДД передачи объекта субъекту, находящемуся на некоем удалении от обладателя. Подобное изменение владения подразумевает привлечение дополнительных средств для реализации этого действия, что уточняется контекстом и может зависеть от типа объекта.

Далее рассмотрим глагольную лексему **schenken**. DUW дает следующее определение данной лексеме:

schenken – 1. jemandem etwas zum Geschenk machen, zu dauerndem Besitz geben.

2. jemanden zuteilt werden lassen, verleihen.

Семантическая структура лексики может быть представлена следующим образом:

schenken = [jemandem etwas als Geschenk überreichen]+[etwas zum dauerndem Besitz kostenlos geben]+[jemandem mit etwas als Zeichen der Achtung beehren].

Очевидно, что семантические компоненты **schenken** также актуализируют передачу некоего объекта, основанную на имеющейся симпатии субъекта S. Действие инициируется положительным отношением со стороны субъекта S к субъекту S1.

- (4) Er schenkte ihr zum Abschied eine Kette [9].

Контекст позволяет выделить обозначенные выше смысловые элементы в структуре значения указанной глагольной лексики. В отличие от дарения, которое является запланированным для субъекта S, донативное действие потери является неожиданным. DUW определяет **verlieren** следующим образом:

verlieren – 1. etwas, was man besessen, bei sich gehabt hat, plötzlich nicht mehr haben;

- 2b. durch Trennung, Tod plötzlich nicht mehr haben;

3a. einbüßen;

3b. abwerfen, abstoßen;

5. durch eigenes Verschulden oder ungünstige Umstände etwas Wünschenswertes, Wichtiges nicht halten können.

Исходя из словарной дефиниции лексики, ее семантическая структура принимает следующий вид:

verlieren = [etwas plötzlich nicht mehr haben]+[etwas durch eigene Schuld einbüßen]+[durch einige Umstände etwas nicht mehr haben].

Становится возможным предположить общность донативных действий, выраженных лексемами **schenken** и **verlieren** на основе безвозвратности передаваемого объекта, но в тоже время очевидны их отличия при выявлении этого параметра. Безвозвратность ДД, описанного лексемой **schenken**, базируется на условиях процесса передачи подарка в современном обществе (считается невежливым вернуть подарок; дариться тот предмет, утрата которого является приемлемой для отдающего), лексема **verlieren** актуализирует невозможность получения объекта обратно, в связи с незнанием фигуранта действия S1, которому он был передан. Кроме того, сравниваемые ДД различаются в причинах их совершения: auf Grund des Wunsches (schenken) – auf Grund der Schuld, der Umstände (verlieren).

Рассмотрим выражение семантических компонентов данной лексики в контексте:

(5) Sie ging zum ersten Mal schwanger, *verlor* aber Winzling [8, с. 86].

Эксплицитное содержание предложения актуализирует выделенный элемент значения [etwas plötzlich nicht mehr haben], который соотносится с таким параметром действия как нежелательность со стороны субъекта S. Из традиционных фигурантов ДД контекст репрезентирует отправителя и передаваемый объект. Выявление третьего участника S1 через постановку вопроса к контексту останется безрезультатным. Актуализированный субъект S не имел внутренней интенции к передаче данного объекта, определенные внешние условия инициировали данное событие.

В связи с этим становится возможным установить, что выявленные семасиологические возможности лексемы *verlieren* позволяют актуализировать ДД, не имеющее определенной цели, полезности результатов для субъекта S. Действие, выраженное данной языковой единицей, происходит в виду совокупности неконтролируемых субъектом S условий.

Донативное действие, описываемое лексемой *verkaufen*, предполагает активность субъекта S1 не только как получателя, но и как отправителя, о чем свидетельствует его словарная дефиниция:

verkaufen – 1. jemandem etwas gegen Zahlung einer bestimmten Summe als Eigentum überlassen.

Рассматриваемая лексема актуализирует ДД «передать что-либо в собственность за плату». Это позволяет выделить такие семантические компоненты:

verkaufen = [gegen eine Zahlung etwas geben] + [zum Besitz etwas geben].

В связи с этим схема, отражающая ДД, описываемое глаголом *verkaufen*, имеет следующий вид:

Рис. 3. Субъектно-объектное взаимодействие донативного действия, выраженного лексемами «verkaufen» и «tauschen»

Актуализированное в контексте значение лексемы подтверждает выделенные семантические множители:

(6) Ich *verkaufte* die beiden Ingres- Zeichnungen [10, с. 20].

Целью и ожидаемым итогом ДД, которое выражается этой лексемой, является получение выгоды субъектом S. Соответственно в данном ДД подразумевается также действие передачи со стороны субъекта S1 и наличие объекта O1. Основываясь на словарной дефиниции и знаниях о правилах проведения купли-продажи под объектом O1 подразумеваются денежные средства.

Соответственно семантический потенциал данной лексемы соотносится с актуализацией донативного действия, характеризующегося получением ценностного возмещения субъектом S и подразумевающим активность субъекта S1.

Ситуация донативного действия, характеризующаяся двусторонней активностью субъектов, как в передаче, так и в получении некоего объекта выражается также глагольной лексемой *tauschen*. Исследуем ее семантический потенциал, анализируя словарное толкование:

tauschen – jemandem eine Sache oder Person überlassen und dafür als Gegenleistung etwas anderes von ihm erhalten.

Семантика данного глагола описывает ДД, при котором субъект S не только отдает некий объект O, но и получает равноценный объект O1. Если условия процесса купли-продажи сводят тип получаемого объекта O1 к денежным средствам, то в данной ситуации объект O1 предопределяется имеющимися характеристиками объекта O (его ценностью и полезностью), которым должен соответствовать O1.

В значение лексемы *tauschen* можно определить следующие семантические компоненты:

tauschen = [etwas jemandem überlassen] + [etwas anderes gleichwertiges bekommen]

(7) Er hat das *Zimmer* mit ihm *getauscht* [7].

Объекты O и O1 равноценны по отношению к друг другу и в предложении представлены одной лексемой *das Zimmer*. У говорящего отсутствует потребность употреблять два различных наименования объектов в силу их идентичности.

Очевидно, что семантические возможности данной лексемы могут быть использованы говорящим для выражения передачи некоего объекта, которая подразумевает его замещение аналогичным предметом со стороны субъекта S1.

Ситуация донативного действия, характеризующаяся двусторонней активностью субъектов, как в передаче, так и в получении некоего объекта выражается также глагольной лексемой *tauschen*. Исследуем ее семантический потенциал, анализируя словарное толкование:

tauschen – jemandem eine Sache oder Person überlassen und dafür als Gegenleistung etwas anderes von ihm erhalten.

Семантика данного глагола описывает ДД, при котором субъект S не только отдает некий объект O, но и получает равноценный объект O1. Если условия процесса купли-продажи сводят тип получаемого объекта O1 к денежным средствам, то в данной ситуации объект O1 предопределяется имеющимися характеристиками объекта O (его ценностью и полезностью), которым должен соответствовать O1.

В значение лексемы *tauschen* можно определить следующие семантические компоненты:

tauschen = [etwas jemandem überlassen] + [etwas anderes gleichwertiges bekommen]

(7) Er hat das *Zimmer* mit ihm *getauscht* [7].

Объекты O и O1 равноценны по отношению к друг другу и в предложении представлены одной лексемой *das Zimmer*. У говорящего отсутствует потребность употреблять два различных наименования объектов в силу их идентичности.

Очевидно, что семантические возможности данной лексемы могут быть использованы говорящим для выражения передачи некоего объекта, которая подразумевает его замещение аналогичным предметом со стороны субъекта S1.

В отличие от выше рассмотренных языковых единиц, глагольная лексема *teilen* актуализирует передачу объекта, при которой происходит его разделение, нарушение его целостности. DUW дает следующее определение:

teilen – 2a. etwas unter bestimmten Personen aufteilen

2b. etwas, was jemand besitzt, zu einem Teil einem anderen überlassen.

Анализ словарной дефиниции позволяет выделить такие элементы в структуре значения:

teilen = [etwas geteilt den bestimmten Personen übergeben] + [ein Teil des Eigentums dem anderen übergeben].

Таким образом, семантические компоненты анализируемой языковой единицы лексемы выражают два возможных варианта протекания ДД (рис. 4).

Схема 4a отражает такое ДД, при котором объект O передается субъектом S, в результате чего предполагаемые субъекты S1, S2, S3 получают некую его часть, происходит «деление» объекта.

Схема 4b выражает такое ДД, при котором передача объекта происходит путем его разделения между субъектом S и субъектом S1. Проиллюстрируем схему 4b контекстом:

(9) ... er *teilte* mit mir sein *Mittagessen* [10, с. 197].

Донативное действие, представленное данной глагольной лексемой, характеризуется неполнотой действия, поскольку отдается не весь объект, а только его некоторая часть, т.е. происходит частичная трансформация посессии. Приведенный пример донативного действия соотносится со схемой 4b, поскольку контекст актуализирует только одного субъекта-получателя (*mir*). Анализ предложения позволяет также сделать вывод о том, что субъекты находятся в пространственной близости относительно друг друга, что подтверждает тип передаваемого объекта *Mittagessen*. Субъекты, располагаясь вблизи, имеют возможность распоряжаться таким типом объекта, который находится в их посессивной сфере непосредственно в данный момент времени. Подобные параметры донативного действия не имеют явной экспликации и поэтому требуют дополнительных операций при осмыслении выражения.

Таким образом, семасиологическое содержание лексемы *teilen* способно выразить такое изменение посессии, в ходе которого происходит изменение целостности объекта.

Проведенный компонентный анализ глагольных лексем, актуализирующих донативное действие в современном немецком языке, позволил выявить в их значениях элементарные смысловые единицы, соотносимые с семантическими признаками исследуемого понятия. Выявленные компоненты значения иерархически соотносятся определенным образом. Архисемой, интегрирующей выделенные семантические компоненты, является сема «донативное действие». Ведущими семами, актуализируемыми различными параметрами донативного действия, являющиеся семы, выявленные в ходе трансформации словарных дефиниций в компоненты значения. Такими являются: «передать иному

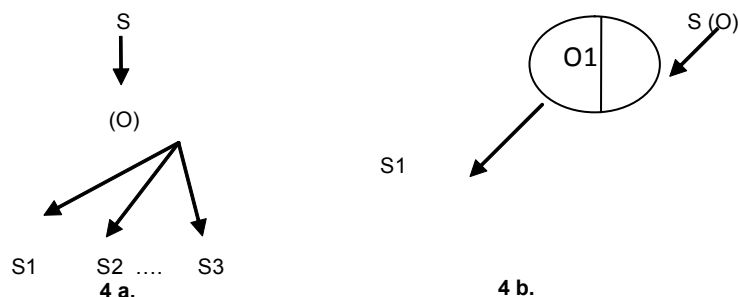

Рис. 4. Субъектно-объектное взаимодействие донативного действия, выраженного лексемой «teilen»

субъекту вблизи», «передать иному удаленному субъекту», «дать некий объект как результат деятельности субъекта», «отдать в дар», «дать, показывая свое положительное отношение к другому субъекту», «утратить в виду своей вины», «отдать с целью получения ценностного возмещения», «отдать с целью получения равнозначного возмещения», «отдать часть», «отдать, разделив что-либо».

Также можно выделить латентные (имплицитные) семы, для выявления которых требуются дополнительные операции логического и лингвистического анализа. Данные семы невозможно выделить в структуре значения языковой единицы из словарной дефиниции, их необходимо домысливать. Примерами таких сем являются следующие:

- для лексики *schenken* – сема «избирательность»;
- для лексики *schicken* – сема «передача объекта посредством чего-либо»;
- для лексики *geben* – сема «целенаправленность действия» варьируется и конкретизируется в зависимости от контекста при употреблении данной языковой единицы;
- для лексики *verlieren* и *schenken* – сема «безвозвратность»;

- для лексики *verlieren* и *schenken* – сема «передача на длительный срок»;
- для лексики *verkaufen* и *tauschen* – сема «активность субъекта S1».

Установление различных сем в семантике глагольных лексем, выражающих ДД, позволило адекватно проанализировать эксплицитно выраженное содержание, а также установить имплицитную информацию относительно субъектного взаимодействия в ДД на материале немецкого языка.

В рамках данной статьи была предпринята попытка определить семантический потенциал глагольных лексем с точки зрения их возможностей актуализации ДД. В ходе анализа было установлено, что лексем, выражающие ДД, сходны в выражении действия передачи некоего объекта, но своими семантическими компонентами различают параметры протекания данного действия. Таким образом, проведенный анализ лексем, являющихся гиперонимами в приведенной классификации языковых единиц, актуализирующих ДД, позволяет определить основные семантические признаки исследуемого понятия.

Библиографический список

1. Балашов, Л.Е. Философия: учебник. – М., 2005.
2. Сайко, Э.В. Пространство и жизнь субъекта. – М., 2004.
3. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь. – М., 1996.
4. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2009.
5. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. – М., 2005.
6. Bank, Z. Der Schwimmer / Z. Bank, 4. Auflage Dezember 2002 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main.
7. DUDEN Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. U. Bearb. Vom Wiss Rat u. D Mitarb. D. Dudenred Unter Leitung von Günter Drosdowski Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989.
8. Grass, G. „Im Krebsgang“ / G.Grass, Steidl Verlag, Göttingen, 2002.
9. Deutsch als Fremdsprache.Wörterbuch./ Office- Bibliothek, Herausgeber: Langenscheidt-Redaktion / Dieter Gutz / Günther Haensch / 1312 Seiten.
10. Remarque, E.M. Die Nacht von Lissabon / E. M. Remarque, Aufbau- Verlag Berlin und Weimar, 1976.

Bibliography

1. Balashov, L.E. Filosofiya: uchebnik. – M., 2005.
2. Sayko, E.V. Prostranstvo i zhiznj subyekta. – M., 2004.
3. Dvoreckiy, I.Kh. Latinsko-russkiy slovarj. – M., 1996.
4. Kobozeva, I.M. Lingvisticheskaya semantika. – M., 2009.
5. Alefirenko, N.F. Sovremennih problemih nauki o yazhike: ucheb. posobie. – M., 2005.
6. Bank, Z. Der Schwimmer / Z. Bank, 4. Auflage Dezember 2002 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main.
7. DUDEN Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. U. Bearb. Vom Wiss Rat u. D Mitarb. D. Dudenred Unter Leitung von Gunter Drosdowski Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989.
8. Grass, G. „Im Krebsgang“ / G.Grass, Steidl Verlag, Göttingen, 2002.
9. Deutsch als Fremdsprache.Wörterbuch./ Office- Bibliothek, Herausgeber: Langenscheidt-Redaktion / Dieter Gutz / Gunther Haensch / 1312 Seiten.
10. Remarque, E.M. Die Nacht von Lissabon / E. M. Remarque, Aufbau- Verlag Berlin und Weimar, 1976.

Статья поступила в редакцию 05.02.13

УДК 811.512.1

Chertykova M.D. PHRASEOLOGICAL COMBINATIONS OF THE MODEL KÖHNI + VERB WITH SEMANTICS OF EMOTION IN THE KHAASS. Verbal-nominal phraseological combinations on the köhni+glarol type are considered by us as a part of semantic group of verbs of emotion, as its certain part. Designating different types of emotional activity, they fill semantic emptiness (lacunas) which aren't designated by emotion verbs. Semantics of the specified combinations is specified: 10 of 13 (ten of thirteen) have a positive shade (a positive connotation), and 2 synonymic rows are distinguished from them with general meanings «to be pleasant» and «to be in good mood».

Key words: Khakass, semantic group, phraseological combination, semantics, verb.

М.Д. Чертыкова, канд. филол. наук, в.н.с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. института им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: chertikova@yandex.ru

ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЯ ПО ТИПУ «КӨҢНІ+ ГЛАГОЛ» С СЕМАНТИКОЙ ЭМОЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ*

Глагольно-именные фразеологические сочетания по типу «көңні+глагол» рассматриваются в составе лексико-семантической группы глаголов эмоции, как её определенная часть. Обозначая различные виды эмоциональной деятельности, они заполняют те семантические пустоты (лакуны), которые не обозначены глаголами эмоции. Уточняется семантика указанных сочетаний: 10 из 13-ти (десять из тринадцати) имеют положительный оттенок (позитивную коннотацию), и среди них выделены 2 синонимических ряда с общими значениями «нравиться» и «быть в хорошем настроении».

Ключевые слова: хакасский язык, лексико-семантическая группа, фразеологическое сочетание, семантика, глагол.

Как и всякая системная группировка, лексико-семантическая группа (далее ЛСГ) глаголов эмоции имеет иерархическую группировку, построенную по принципу уточнения категориально-лексической семы. В семантической классификации ЛСГ глаголов «эмоции» в хакасском языке выделяются глаголы положительных и отрицательных эмоций, подгруппы с общими значениями печали, раздражения, радости, страха, ненависти и т.д., которые связаны между собой парадигматическими отношениями синонимии, антонимии, а также гипонимии. Однако определенное место в составе ЛСГ глаголов эмоции хакасского языка, как и другого любого языка, занимают глагольно-именные фразеосочетания, которые, как и глаголы эмоции, обозначают эмоциональную сферу жизнедеятельности человека и содержат в своей семантической структуре категориально-лексическую сему «испытывать какое-либо эмоциональное переживание или отношение». Считаем, что высказывание Ф.А. Ахмедовой о том, что абсолютное большинство глагольных фразеологизмов являются выразителями человеческого чувства, и это свойство продиктовано тем, что фразеологизмы относятся к числу выразительных средств языка, основывающихся на метафоричности значения, можно отнести и к фразеологизмам со значением эмоции [1]. При отображении эмоций доминирует эмотивная лексика различной частеречной принадлежности.

Глагольно-именные фразеосочетания, обозначающие эмоции человека в хакасском языке, построены по моделям: а) эмоциональная лексика+глагол, например, *пичелге пастыр* (букв. быть придавленным печалью) печалиться (обычно долгое время), *хырт көр* (букв. смотреть раздраженно) раздражаться, ненавидеть, *хырт тут* (букв. держать раздражение) раздражаться, злиться; б) соматическая лексика+глагол, например, *лаар хайыл* (букв. печень таит) страдать, *істі көй* (букв. живот горит) завидовать, *чүрек хайна* (букв. сердце кипит) волноваться, *пу харахтаң көрбеске* (букв. этими глазами не видеть) ненавидеть и т.д.

Цель статьи – описать семантику глагольно-именных фразеосочетаний, образованных по типу «көңні+глагол», определить границы их «семантического пространства» в составе ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке.

Просмотрев работы по исследованию семантики глагола в других языках, можем сказать: немало работ по эмоциональной лексике (не только глагольной) имеется в русистике. Например, в работе И.В. Кашиной «Фразеологизмы со значением эмоционального состояния» проведена семантическая классификация идиом, выявлены их структурные модели, а также дана характеристика особенностям сочетаемости фразеологических единиц со значением эмоции [2]. Также можно отметить диссертацию Н.Б. Швелидзе «Фразеологизмы со значением эмоций в современном русском языке» [3]. Автор дает семантическую характеристику фразеологических единиц, обозначающих эмоции, выявляет их грамматические особенности.

В тюркологии также имеется немалый опыт исследования глагольных систем, в том числе ЛСГ глаголов, и начало этой работе положил Н.К. Дмитриев. Он выделил следующие семантические группы глаголов в татарском языке: глаголы речи, мышления, активного действия и движения [4]. Затем предпринимались попытки сгруппировать наиболее употребительные корневые и синтетические глаголы в казахском языке [5], в юго-западной группе тюркских языков [6] и др. В предложенных семантических классификациях выделены следующие наиболее общие семантические разряды: 1) глаголы движения; 2) глаголы действия; 3) глаголы речи; 4) глаголы, связанные с процессом мышления, зрения и слуха; 5) глаголы состояния.

Также значительным этапом в исследовании глагольной системы в тюркских языках было системное изучение отдельных ЛСГ. Так появились работы по исследованию глаголов движения в турецком языке [7], глаголов чувственного восприятия в тюркских языках [8], глаголов движения в узбекском языке [9] и др., которые проводились на системно-семантическом уровне.

Исследование ЛСГ глаголов тюркских языков Южной Сибири началось в 90-х гг. прошлого столетия представителями Новосибирской научной школы. В их работах сопоставлялись эмотивные глаголы в алтайском, хакасском, тувинском и казахском языках [10], проводилась семантическая классификация и рассматривались семантические и функциональные особенности глаголов интеллектуальной деятельности в алтайском языке [11], глаголов поведения в тувинском языке [12], глаголов движения в тувинском языке [13]. В хакасском же языке системно описаны пока две ЛСГ глаголов – говорения [14] и движения [15]. В названных работах глагольно-именные фразеосочетания рассматривались наряду с глаголами или же не включались в состав ЛСГ.

Включение глагольно-именных фразеосочетаний көңні+глагол «душа+глагол» в состав ЛСГ глаголов эмоции объясняется также их активным употреблением в языке и речи, поэтому их не следует понимать как периферию системы ЛСГ глаголов эмоции. Они показывают богатую картину различных аспектов процесса эмоциональной деятельности в хакасском языке, тем самым они заполняют те семантические пустоты, которые не обозначены соответствующими глаголами эмоции. Эти глагольно-именные сочетания көңні+глагол по своему морфологическому построению образуют некое поле с семантикой эмоции.

Хакасско-русский словарь дает такое толкование существительному көңні: употр. с аффиксом принадлежности 3 л. 1) желание, стремление, воля; *Көңніңнең ползын* Пусть будет по твоему. 2) настроение. 3) в сочет. с *кіреге* душа, сердце; *Көңніне кірбеске* [Ему] не понравится, [ему] не по душе; *Көңнім чаппича* Мне не нравится [16, с. 201-202]. Как видим, в сочетании с глаголами, реализуется третий лексико-семантический вариант значения существительного көңні «душа, сердце». Исключение составляют лишь сочетания *көңні түс* (букв. [его] душа падать) быть не в духе, портиться настроение, а также *көңнін көдір* (букв. поднимать [его] душу), поднимать [его] настроение, дух; ободрить; развеселить.

В собранном нами материале выделяется 13 фразеосочетаний по типу көңні+глагол, характеризующих различные аспекты процесса эмоциональной деятельности. При этом значения этих и остальных устойчивых сочетаний мотивированы от их буквального содержания. В целом же сочетание существительного көңні с глаголами в основном дает значения, группирующиеся в семантическое поле концепта «настроение».

Данные фразеосочетания обозначают как положительные, так и отрицательные эмоции, причем 10 из 13 фразеосочетаний обозначают положительные эмоции. Анализ семантики данных фразеосочетаний позволил нам выделить 2 синонимических ряда:

1. Синонимический ряд с общим значением «нравиться»:

Көңніне кір (букв. входит в [его] душу). Это наиболее распространенное глагольно-именное фразеосочетание со значением «нравиться», которое дифференцируется в объектном отношении: а) ситуация. *Пазох ниме көңніңе кірбин тур?* (О, 24) – Что тебе опять не нравится? б) явление: *Палубаның чахсы хырылып чуулғаны минің көңніме кірген* (О,

13) – Мне **нравилась** надраенная чистота палубы. *Олар хайди тонан салғаннары көңніме кірбинче* (Хч, 1997, № 171, 7) – Мне **не нравится** как они одеты. в) конкретное лицо. *Ористің көңніне Илексей чоо кіредір* (Хч, 11) – Орису очень **нравится** Илексей. г) *Сыын мұустері хыстарның көңніне кіргеннер* (Ап, 175) – Рога марала **нравилась** девушкам.

Көңніне чат (букв. [его] лежать в [его] душу), нравиться, быть по душе. *Кізілер дачаларда кұн иртірчелер, че минің андағ нмее көңнім чатпинча* (Хо, 64) – Люди проводят дни на даче, но мне **не нравится** такое дело. *Андағ чуртас Торичаның көңніне чатпаан* (Хт, 95, 2, 55) – Такая жизнь была **не по душе** Ториче.

Көңніне ал (букв. брать в [его] душу), нравиться, быть удовлетворенным, предпочитать. *Прокуратура сурынызын толдырарға тоғыр полыбысханым хыгырып алып, Андрей пу киректі көңніне албаан* (Хч, 2001, 10, 3) – Прочитав, что он отказался выполнять предписание прокуратуры, Андрею это дело **не понравилось**. *Прайзы аны истіп, көңніне алған паза аның паарсастығ сөстеріне таңнаан* (Чх, 18) – Все, слушая его, **были удовлетворены**, и удивлялись его доброжелательному голосу.

Көңні тарт (букв. тянуть [его] душу). симпатизировать к чему-кому-л. *Че пірсі ахсын чаппас, чоохчы даа полза, хыстың көңнін тартпинчатхан* (Чх, 74) – Но у одного из них рот не закрывается, но, хоть он и разговорчивый, но девушка **не симпатизировала** ему.

2. Синонимический ряд с общим значением «быть в хорошем настроении»:

Көңні чазал (букв. [его] душа излечиваться) веселеть, *Че тұрче поларынаң аның Нунанаң Зоя, хатхырызып ала тоғынчатханнарым көріп, көңні чазалыбысхан* (О, 26) – Но вскоре, видя, как, смеясь работают Нина и Зоя, **ему стало легче (веселее)**.

Көңні чары (букв. [его] душа светиться) быть в хорошем настроении, становиться веселым, бодрым. *Хандыра өскіріп алғам огород тамахтарын, оларны көріп, көңнім чараан* (Хт, 49) – Я здорово выросстил овощи. Смотри на них, мне **было весело**. *Имчі ағаа укол идібіскен. Инейектің саа кірібіскен. Көб дее чараан* (Чх, 42) – Врач ей сделал укол. У бабульки сил прибавилось. И **настроение поднялось**. *Иртен мангуста одыра түскен, түгін тырбайтабысхан, күнге хурудыңан. Аның көңні чарыбысхан* (П-о, 262) – Утром мангуста села, распушила [свою] шерсть, сушилась на солнце. Ей **стало весело**. *Чуртасха хомзынарга маң чоғыл, уламох көңнім чарып парча маңат тоғынған соонда* (Хч, 2001, 5, 7) – Жаловаться на жизнь некогда, наоборот, мне **становится весело**, когда хорошо поработаю. *Аның сөстерін истіп, көңнім чарып килген* (Хч, 2001, 9, 2) – Слушая его слова, у меня **настроение поднялось**.

Көңнін көдір (букв. поднимать [его] душу), поднимать его настроение, дух, ободрить, развеселить. *Иртен тоғысха. Анзын сағысха кир килзе, Күрдейің көңні көдіріле түсче* (Хч, 1997, № 7, 8) – Утром – на работу. Как только вспомнит об этом, у Күрдея **настроение поднимается**. *Пірее хахсы нмее идерге көңнім көдірілген* (Хч, 1998, № 10, 2) – У меня **был настрой** делать что-то хорошее. *Мині айап, көңнімні көдір салдах* (Хч, 2000, 129, 5) – Жалея меня, **подними-ка мне настроение**. *Алиман минің көңнім көдірілзін, мині тоғынзын, чуртазын тіп сағынған* (Д, 110) – Алиман хотел, чтоб у меня **был хороший настрой**, чтоб я работал и жил.

3. Далее следуют фразеосочетания с различной эмоциональной семантикой:

Көңні тол (букв. [его] душа заполняться), удовлетворяться чем-л., быть довольным. *Улуғ алғыс*

республика кінінде хакас ибін турғыс салып, хакас чонның көңнін толдырған кізілерге (Хч, 2000, 131, 6) – Большая благодарность людям, поставившим в республиканском центре хакасскую юрту и тем самым **удовлетворившим** хакасский народ.

Көңнін толдыр (букв. заполнять [его] душу), быть довольным, удовлетворенным. *Че чиит поэзия сағам пістің көңнібісті толдыр полбинча* (Кч, 54) – Но молодая поэзия пока **не может удовлетворить** нас. Данное фразеосочетание отличается от предыдущего каузативным характером, что отражается и на их семантике.

Көңнін часхар (букв. успокаивать [его] душу), успокаивать, утешать. *Көңнім часхарарға сағынзам, Ағбан хастада чөр килчем* (Хч, 2001, 5, 7) – Если хочу **успокоить себя**, [обычно] хожу вдоль реки Абакан. *Аның көңнін ол наа кнугалар, тетрадьтар часхарчалар* (Ит, 134) – Его **успокаивают** эти новые тетради и книги.

4. Семантика последних трех фразеосочетаний имеет отрицательный оттенок.

Көңні түс (букв. [его] душа падать), быть не в духе, портиться настроение. *Тоғыс табылбинчатса, көңнілері улам түс парар* (Хч, 2000, № 138, 3) – Если они не смогут найти работу, то **им станет еще хуже**. *Тура алнында пабамның адын көр салып, көңнім түс парған* (Хч, 2000, № 164, 7) – Увидев возле дома лошадь отца, у меня **настроение упало**. *Көріндеске көрінген соонда көп кізінің көңні түс парча* (Хч, 2001, 10, 6) – После того, как посмотрят в зеркало у многих людей **падает настроение**. Данное фразеосочетание состоит в антонимических отношениях с фразеосочетанием **көңнін көдір** (букв. поднимать [его] душу). поднимать его настроение, дух, ободрить, развеселить.

Көңні хал (букв. [его] душа оставаться) что-л. становится противным, надоесть. *Мин нинче хатап сірерге чоохтап парим, көңнілерің халыбысты, неке* (Зп Шп, 91) – Я сколько раз вам повторяю, вам уже **надоело** наверно.

Көңні хорылдыр (букв. очищать [его] душу). задеть за живое, русск. душу переворачивать. *Даниярның ырлары көңнімні хорылдырыбысханнар* (Д, 30) – Песни Данияра **взбудоражили мою душу**.

Во всех этих фразеосочетаниях существительное **көңні** «[его] душа» используется в притяжательной форме, чего требует его сочетаемость с глаголом в зависимости от контекста. Гораздо реже отмечается его употребление в им.п., например, *көб чох «без настроения»*.

Таким образом, рассмотрены 13 фразеосочетаний, построенные по типу **көңні+глагол**, и выражающих семантику эмоции. Являясь одним из лингвистических средств передачи эмоциональности в хакасском языке, они составляют определенную часть в ЛСГ глаголов эмоции.

Список условных сокращений источников материала

Ат – Татарова В. Аат табызы, повесть, – Ағбан, 1991

Д – Айтматов Ч. Джамиля. Ағбан, 1992

О – Балтыжаков Т., Орис. – Ағбан. – 1975.

Ит – Иртенгі тан. – Ағбан. – 1986.

По – Писательлер – олғаннарға, көглер, чоохтар, ныхмахтар, Ағбан, 1988, 278 с.

Т – Казачинова Г., Халларов А. Той, чоохтар. – Ағбан., 1979.

Хт – Хан тигір, альманах, Ағбан, 1995, № 2, 133 с.

Хч – Хакас чирі, газета.

Чх – Костяков И. Чибек хур, роман. – Ағбан, 1989.

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (Регистрационный номер: 6.8115.2013 от 01.02.2013)

Библиографический список

- Ахмедова, Ф.А. Об особенностях глагольных фразеологизмов со значением эмоций в русском, таджикском и английском языках // Спецпроект: анализ научных исследований: пятая международная научно-практич. интернет-конф. – 18 июня 2010 года [Э/р]. – Р/д: <http://www.confcontact.com/2010specr.php>
- Кашина, И.В. Фразеологизмы со значением эмоционального состояния в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981.
- Швелидзе, Н.Б. Фразеологизмы со значением эмоции в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997.
- Дмитриев, Н.К. Глаголы речи в языках тюркской группы. Глаголы мышления. Глаголы действия. Глаголы движения // Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. – М., 1952.
- Кульмагамбетова, Б.Б. Аффиксальное образование глаголов в современном казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1956.
- Кулиев, Г.К. Семантические группы глаголов (на материале юго-западной группы тюркских языков) // Советская тюркология. – Баку, 1975.

7. Вещилова, В.Ф. Глаголы движения в турецком языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть IV. Лексика. – М., 1962.
8. Юлдашев А.А. Глаголы чувственного восприятия в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961.
9. Халиков, К. Глаголы движения в современном узбекском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самарканд, 1967.
10. Козырев, Т.А. Лексико-семантическая группа эмотивных глаголов в тюркских языках Южной Сибири и казахском (в сопоставительном аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1999.
11. Саналова, Б.Б. Глаголы интеллектуальной деятельности в алтайском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2004.
12. Салчак, А.Я. Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005.
13. Барыс-Хоо, В.С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006.
14. Чертыкова, М.Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). – Абакан, 2005.
15. Чугункова, А.Н. Глаголы движения в хакасском языке: учеб. пособие. – Абакан, 2002.
16. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск. – 2006.

Bibliography

1. Akhmedova, F.A. Ob osobennostyakh glagol'nykh frazeologizmov so znacheniem ehmoциj v russkom, tadzhikskom i angliyskom yazihkakh / Specproekt: analiz nauchnykh issledovaniy: pyataya mezhdunarodnaya nauchno-praktich. internet-konf. – 18 iyunya 2010 goda [Eh/r]. – R/ d: <http://www.confcontact.com/2010spec.php>
2. Kashina, I.V. Frazeologizmih so znacheniem ehmocional'nogo sostoyaniya v sovremennom russkom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1981.
3. Shvelidze, N.B. Frazeologizmih so znacheniem ehmoциj v sovremennom russkom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1997.
4. Dmitriev, N.K. Glagolihi rechi v yazihkakh tyurkskoj gruppih. Glagolihi mihsleniya. Glagolihi deystviya. Glagolihi dvizheniya // Ocherki po metodike prepodavaniya russkogo i rodnogo yazihkov v tatarskoj shkole. – M., 1952.
5. Kulmagambetova, B.B. Affiksajnoe obrazovanie glagolov v sovremennom kazakhskom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Alma-Ata, 1956.
6. Kuliev, G.K. Semanticheskie gruppih glagolov (na materiale yugo-zapadnoj gruppih tyurkskikh yazihkov) // Sovetskaya tyurkologiya. – Baku, 1975.
7. Vethilova, V.F. Glagolihi dvizheniya v tureckom yazihke // Issledovaniya po sravnitel'noj grammatike tyurkskikh yazihkov. Chast' IV. Leksika. – M., 1962.
8. Yuldashev A.A. Glagolihi chuvstvennogo vospriyatiya v tyurkskikh yazihkakh // Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazihkov. – M., 1961.
9. Khalikov, K. Glagolihi dvizheniya v sovremennom uzbekskom literaturnom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Samarkand, 1967.
10. Kozhrev, T.A. Leksiko-semanticheskaya gruppa ehmotivnykh glagolov v tyurkskikh yazihkakh Yuzhnoj Sibiri i kazakhskom (v sopostavitel'nom aspekte): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 1999.
11. Sanalova, B.B. Glagolihi intellektual'noj deyatel'nosti v altajskom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2004.
12. Salchak, A.Ya. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov povedeniya v tuvinskom yazihke: v sopostavitel'nom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2005.
13. Barihs-Khoo, V.S. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov dvizheniya v tuvinskom yazihke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2006.
14. Chertihkova, M.D. Glagolihi govoreniya v khakasskom yazihke (sistemno-semanticheskij aspekt). – Abakan, 2005.
15. Chugunekova, A.N. Glagolihi dvizheniya v khakasskom yazihke: ucheb. posobie. – Abakan, 2002.
16. Khakassko-russkiy slovar'. – Novosibirsk. – 2006.

Статья поступила в редакцию 07.02.13

УДК 821:512.31

Buyantueva G.Ts.-D., Damdinova E. Ju. PSYCHOLOGICAL MOTIVES IN THE BURYAT LITERATURE. In this article the authors explore the stories and novels national writers of Buryatia, identifies the basic psychological motives in his works, especially considering the story.

Key word: buryat literature, psychological motives, motive of mental disorder, broken, motive of fire, motive of memories.

Г.Ц-Д. Буянтуева, канд. филол. наук, ст.н.с. Центра монголоведных исследований Бурятского гос. университета, г. Улан-Удэ, E-mail: buyan1984@yandex.ru; **Е.Ю. Дамдинова**, канд. филол. наук, мл.н.с. Института Монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук, г. Улан-Удэ, E-mail: dlen_71@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В БУРЯТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В данной статье авторы исследуют рассказы и повести народных писателей Бурятии, выявляют основные психологические мотивы в его произведениях, рассматривают особенности их повествования.

Ключевые слова: бурятская литература, психологические мотивы, мотив душевного разлада, надломленности, мотив огня, мотив воспоминаний.

В своих произведениях бурятские прозаики стремятся вызвать у читателя способность заметить и «расшифровать» то, что не лежит на поверхности, но обладает высоким смыслом. Психологические мотивы – это возможность при помощи нескольких слов, фраз передать гораздо большее значение, чем то, которое передают эти слова вне контекста.

Все мотивы в рассказе «Бугын дуунай үеэр» («Олений зов») А. Ангархаева несут значительную семантическую нагрузку. Само понятие мотива предполагает его повторяемость не только в пределах одного текста, но и в творчестве одного и того же писателя. Рассмотрим этот тезис на примере повести «Суранзан» («Сила притяжения»).

Основным признаком, позволяющим считать тот или иной «смысловой повтор» мотивом, служит его пространственно-временная повторяемость. В рассказе «Бугын дуунай үеэр» («Олений зов») этот повтор осуществляется в начале каждого фрагмента с помощью ключевых слов «шиигтэй харанхы хүни» («темная влажная ночь»). К ключевым словам повести «Суранзан» («Сила притяжения») следует отнести слова «тоска», «одиночество», позволяющие выделить основной мотив произведения.

Все события повести «Суранзан» («Сила притяжения») происходят в течение нескольких дней: это исследования в области магнитологии, которые ведет талантливый ученый Дугар Намсараев в лаборатории института и на занятиях со своими сту-

дентами; это его сложные отношения с любимой женщиной Галей, с которой они расстались когда-то и которая теперь замужем за его научным руководителем Солбоном Мархаевым; это притягательная сила, которая тянет Дугара к юной Хорло вроде тех магнитных пленок, которыми он занимается. Мучительными сомнениями, переживаниями, кризисом в профессиональной и личной жизни, а главное – тонкостью талантливой натуры, Дугар похож на своего друга поэта Даши Харламова: у него тоже своя «сила притяжения» – он, наконец, понимает, что всегда любил Ирину, у которой теперь семья и дети.

Сюжет повести можно прочесть как цепь событий, во многом мелодраматических: герой обнаруживает, что Галя, расставшись с ним из-за его почти маниакальной занятости научной работой, родила сына, которого теперь растит с Мархаевым. Мархаев ведет исследования с теми же магнитными пленками, и порой герою кажется, что он украл его изыскания, когда отправил ему записи с просьбой помочь в затруднении. Но если взять только канву фабульных событий и не обратить внимания на поэтические повторы, лейтмотивные образы и метафоры, трудно будет объяснить истинный драматизм того, что происходит с героем – Дугаром Намсараевым, тот нешуточный душевный кризис, выразившийся в неудовлетворенности результатами восьмилетней работы, в чувстве тоски и одиночества, боли от потери любимой.

Всем героям повести присущи эмоциональность, максимализм в делах профессиональных и личных, отсюда разочарования также воспринимаются как беда, утрата чего-то важного. Критик даже по этому поводу писал: «Кое-кому может показаться, что в жизни Намсараева ничего страшного не произошло. Ушла жена – он влюбляется в Хорло. Не ладится с диссертацией – помогает Мархаев. Все это просто... Но... В душе человека ничто бесследно не проходит. Нравственная травма, нанесенная однажды, дает о себе знать долгие годы...» [1, с. 130]. Именно так осознаются читателем необычайно сильное душевное беспокойство Дугара, мучительное осознание трудностей в научной работе, незащищенная диссертация, постоянная напряженность в отношениях с коллегами, друзьями, студентами, фиаско в любви. Такова «сила напряжения» – метафорическое обозначение важного мотива повести. Надо учиться относиться к прошлому так, чтобы оно не сковывало дальнейшее развитие личности и возможность выразить себя.

Дело в том, что, как и в рассказе «Бугын дуунай үеэр» («Олений зов»), в повести «Суранзан» («Сила притяжения») основные события изображены только в случае, если они прошли через внутренний мир героев, отпечатались в их внутренних монологах. Повествование в повести А. Ангархаева представляет собой развернутые монологи-воспоминания, монологи-переживания. Субъективность точек зрения Дугара, Мархаева, Гали, Хорло часто превращает повествование в поток их мыслей и настроений, передающих сложную работу сознания, памяти, чувств. Прежде всего это происходит с Дугаром, чья «диалектика души», борьба самых разных ощущений и ложатся в канву повествования. Мотив воспоминания неизбежен в таком построении повествования.

Вот он встречается с Мархаевым и обсуждает причины того тупика, в котором он оказался со своими исследованиями. И тот не отказывает ему в этом, хотя они влюблены в одну женщину. «Со смешанным чувством зависти, неприязни, уважения смотрел он на Мархаева. Есть в этом человеке какая-то притягательная сила, заставляющая других подчиняться ему. Раз он сумел завоевать Галину любовь, значит, есть в нем что-то такое, чем не обладаю я», – Дугару стало грустно и одиноко. Словно читая его мысли, улыбаясь прищуренными глазами, смотрел на него Мархаев: «Да, она полюбила меня и тебе нужно смириться, тут уж ничего не поделаешь» [2, с. 211]. Ответные слова собеседника также составляют часть внутреннего монолога героя.

Другой фрагмент также показывает, как речь повествователя органично переходит в монолог героя: «Остановившись внезапно, он вспомнил, что не разрешил Мархаеву закурить и папок с собой не дал. Из-за личной неприязни принял холодно. Это все Галя. Она стоит между ними и не только... она мешает работе» [2, с. 213]. А вот пример внутреннего монолога Мархаева, заставшего Дугара уходящим от Гали, в нем борются самые противоречивые чувства: «Мархаев недвижно стоял как вкопанный и когда исчез Дугар, не закрыв двери... и когда Галя опустилась бессильно в кресло... Вот тогда его залила ненависть. Кинуться к ней, невозмутимой, нахлестать по щекам – пусть ей будет так же больно, как и ему... Он так любит ее! Растерянность, незнакомое чувство обманутости... откуда они? Все всегда удавалось ему. Диссертацию защитил блестяще, один из видных ученых, Галю завоевал. И вдруг... этот мальчишка...» [2, с. 243-244].

Такое построение повествования – особенность многих произведений А. Ангархаева, потому что для писателя важна субъективная, глубоко личностная окрашенность не только внутренней речи героев, но и описаний: будь то изображение обстановки в помещении или пейзажная картина. Вот описывается дерево, которое увидено Дугаром во время прогулки за город: «У южного края поляны, раскинув далеко и широко густые ветки, стояла высокая сосна. Ее и не обхватишь. Ей не подвластны черные бури, уничтожающие людей, она считает столетия кольцами в своем теле, словно завертывает в них историю прожитых лет. Она дерзко тянется к небу, держит его своей кроной. Счастливая, могучая сосна. Дугар отвернулся снова к костру» [2, с. 246]. Как всегда, в таких эпизодах главной для читателя оказывается не объективно изображенная картина, а ее восприятие героем, его настроение, его взгляд на мир – прием, характерный для импрессионистической прозы или романтической лирики.

Изображение свидания Дугара с Галей – это лирический контрапункт повести, которому во множестве имеются соответствия в лирике А. Ангархаева. Например, в стихотворении «Пальцы твои»: «Ты молчала, / Мягко проводя пальцами по рубцу, / Наискось пересекшему грудь – / И мне казалось, / Что пальцы твои, / Излучая нежность, / Гладили сердце, уставшее от мучений...» [3].

Далее в этом стихотворении можно обнаружить и лирический сюжет, напоминающий предысторию взаимоотношений героев повести «Суранзан» («Сила притяжения»), причины их расставания и долгой разлуки.

Именно такое поэтическое звучание приобретает внутренний монолог Дугара в повести во время встречи с Галей, напоминающая излияния лирического героя процитированного стихотворения. Он выражен с помощью поэтических приемов – повторов, инверсий, аллитераций, риторических восклицаний: «Он наконец мог рассмотреть ее. Те же широкие, так волновавшие его, брови. Те же углы губ. Только глаза... Она стояла рядом, стояла так, что он понял: она не хочет уходить. Кружилась голова, снова внутри замерла пустота – бездыханная, безжизненная. Вернуть во что бы то ни стало! Вернуть и никогда не расставаться. Как мог он смириться с ее уходом?» [2, с. 222]. Эта смысловая и стилистическая соотнесенность лирики и прозы задана индивидуальностью писателя, одинаково ориентированной на лирическое и эпическое высказывание, и, конечно же, особенностями субъект-объектной структуры.

Повествование, наполненное настроением героя, точка зрения которого и составляет основу того или иного эпизода, ведет к метафоричности, поэтичности изображаемой реальности. Мотивная организация также отличается поэтичностью. Так, метафоричен мотив магнитного притяжения героев, о котором уже упоминалось, или мотив поединка двух мужчин, как в рассказе «Бугын дуунай үеэр» («Олений зов»), который решен в повести «Сила притяжения» по-другому – в соответствии с сюжетным движением – и носит условно-метафорический характер. Разрешение этот поединок получает в момент, когда Дугар узнает, что Мархаев готов помочь ему довести научную идею до результата.

Основным мотивом в сюжете повести «Суранзан» («Сила притяжения») является мотив душевного разлада, надломленности. На это указывают ключевые слова: тоска, боль, беда, страх, злость, растерянность, усталость, безнадежность, одиночество. Этот «букет» кризисных чувств характерен прежде всего для главного героя Дугара. Любая мелочь выбивает его из колеи, настолько обострены эти чувства. Так, его реакция на безобидное поведение студента, уронившего на занятии кружку, который ведет Дугар со студентами, магнитные пленки, не обошлась без слова «боль»: «...больно задело равнодушие».

Словосочетание «боль потери» – это определение состояния Дугара повторится дважды: после первой и повторной встречи с Галей, когда он вначале испытывает чувство близости и вслед за ним – отчуждение любимой, и каждый раз встреча заканчивается печально для героя – она покидает его. Особенно тяжело далась герою вторая встреча: «Медленно шел Дугар по набережной, пьянел от холодного свежего ветра. Но сожаление, боль потери, бессилие не проходили, теснили грудь, тяжестью гнули плечи» [2, с. 223].

Однако ближе к финалу к этим словам прибавятся слова, выражающие чувства с противоположным знаком: «легко», «свободно», «с силой», «радостно». Они появляются в связи с мотивом огня: именно эта семантика составит повторяющийся мотив, глубоко поэтичный. Для читателя становится ясно: переключением в настроении героя связан с тем, что, как он уверен, Галя любит его, и он узнал, что у них есть сын. Перелом в настроении

нии связан с Хорло – то пламя, которое охватило его в радостном обретении сына, «сжигающее его и полыхающее на его лице», теперь полыхает рядом с Хорло – именно ее присутствие оказывало на Дугара освежающее воздействие, именно рядом с ней он узнал, как горит на солнце пламя багульника.

На наш взгляд, с мотивом огня обозначен выход героя из состояния душевной надломленности. И вывод повести хотя и не расставляет до конца точки над «и», но звучит как точка, поставленная в конце повести А. Ангархаева: тяга к красоте мира и природы, любовь к науке, способность творить, получать радость в процессе творчества, священное таинство человеческих отношений, соединяющих людей, – это и есть сила притяжения.

При помощи нескольких слов, фраз автор передает гораздо большее значение (например – «олений зов» в названии и финале), чем то, которое передают эти слова вне контекста, и даже их большее, чем простое лексическое, значение. А стилистический повтор «шиигтэй харанхы үни» («темная влажная ночь») нагружается дополнительными значениями: именно ночью снятся страшные вещие сны или только в ночи можно услышать звуки то ли эха человеческих голосов, то ли трубного крика животных.

Поэтичность точки зрения повествователя – общая черта повестей и рассказов А. Ангархаева. Именно поэтические свойства – богатая ассоциативность, разросшаяся мотивная структура, когда отдельный мотив, перекликаясь с другими, становится неотрывным от них, вырастает в богатый смысловыми оттенками образ.

С мотивом воспоминаний тесно связан мотив душевного разлада, вызывающего у героев состояние тревоги, одиночества, беспокойства, какой-то внутренней надломленности. Он доминирует во всем творчестве А. Ангархаева, составляя смысло-

вое, идейно-художественное единство его прозы, поэзии и драматургии. Но именно чувство вины, тревожной памяти, ответственности и придает его героям нравственное очарование, позволяет видеть в них воплощение живых сложных характеров. А рефлексия, печальное воспоминание часто оборачиваются залогом оптимизма, как в стихотворении А. Ангархаева «С вершины раздумий»: «Мы стоим на вершине раздумий, / А под нами, отвагой полны, / Как поток и гривастый, и шумный, / Все летят и летят табуны ... / Глянь, шагает весна по долине, / Трудной долей не надо корить – / Ширь и ветер подобны святыне, – / Так давай о любви говорить!» [3].

Оппозиция «трудная доля» – счастье любви, неудовлетворенность – уверенность, которую мы увидели и в повести «Сурланзан» («Сила притяжения»), становится для А. Ангархаева устойчивой. Именно ею, считает писатель, движется жизнь, противоречия и сложности только подстегивают человека, стремящегося к «святыне», т.е. вечным ценностям. Именно так решает писатель конфликт в душах своих героев, выраженный в оппозиции «разлад – гармония».

Таким образом, при анализе рассказов и повестей А. Ангархаева мы выделяем такие мотивы, которые станут основополагающими в его творчестве в последующие годы: это, прежде всего, психологические мотивы воспоминаний, душевной надломленности, тревоги, разлада, которые тесно связаны с мотивами любовного поединка, огня, красоты.

Во всех произведениях А. Ангархаева присутствует мотив воспоминаний, являя собой один из ключевых моментов раскрытия авторского замысла. Для его героев воспоминание – постижение самого себя, познание окружающих людей, открытие красоты природы, тревога за будущее человечества, за «поиск вечного в жизни, способность человека перевоплощаться нравственно» [4].

Библиографический список

1. Мартинович, А. Утверждение личности: повести А. Ангархаева «Сила притяжения», «Золото» // Байкал. – 1977. – № 4.
2. Ангархаев, А.Л. Сила притяжения (повести). – М., 1976.
3. Ангархаев, А.Л. Новогодние раздумья. Пальцы твои (стихотворения) // Саяны. – 1984. – 17 янв.
4. Буянтуева, Г.Ц.-Д. Картина мира и ее трансформация в романе А. Ангархаева «Вечный цвет» // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск. – 2010. – № 4.

Bibliography

1. Martinovich, A. Utverzhdenie lichnosti: povesti A. Angarkhaeva «Sila prityazheniya», «Zoloto» // Bayikal. – 1977. – № 4.
2. Angarkhaev, A.L. Sila prityazheniya (povesti). – M., 1976.
3. Angarkhaev, A.L. Novogodnie razdumya. Paljcih tvoi (stikhotvoreniya) // Sayanih. – 1984. – 17 yanv.
4. Buyantueva, G.C.-D. Kartina mira i ee transformaciya v romane A. Angarkhaeva «Vechnihj cvet» // Mir nauki, kuljturih, obrazovaniya. – Gorno-Altajsk. – 2010. – № 4.

Статья поступила в редакцию 11.02.13

УДК 82.09

Damdinova E.Ju. FEATURES OF LYRIC PERCEPTION OF THE WORLD ARE IN IN THE BURYAT POETRY.

Religious and philosophical sources of the Buryat poetry have been investigated in the given work. Peculiarities of cognition and vision of the world in their specific, mental and confessional manifestations have been depicted on the example of Ts. Dondogoy's works.

Key words: the literature, the poetry, philosophical lyrics, religion, Buddhism

Е.Ю. Дамдинова, м.н.с. Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН), г. Улан-Удэ, E-mail: Dlen_71@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИРИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В БУРЯТСКОЙ ПОЭЗИИ

На примере творчества Ц. Дондогой в статье рассматриваются особенности философской лирики в бурятской поэзии.

Ключевые слова: литература, поэзия, философская лирика, религия, буддизм.

На современном этапе национальные обычаи и религиозные воззрения способствуют осмыслению нравственно-эстетического опыта народа, позволяют освоить тайны бытия, задуматься над смыслом жизни. Бурятский народ в силу своей ментальности и миропониманию близок к буддийскому восприятию мира. Стало традицией обращение к буддийской тематике бурятских поэтов. Д. Улзытуев, Н. Нимбуев, Г. Раднаева, М. Чойбонов, Б. Дугаров, Ц. Дондогой при анализе духовного мира своих героев, при выражении своих авторских чувств естественно обращаются к буддийской философии. В творчестве Ц. Дондогой отражены не только философская концепция буддизма, но

и в большей степени традиционное мировоззрение, основанное на глубоких истинах буддизма в народной интерпретации.

Философская лирика Ц. Дондогой многолика. Освоение буддийского мировоззрения Ц. Дондогой начинает с транслитерации на современный бурятский язык со старомонгольского письменного языка популярной мантры «Арбан табан бурханай магтаал» (Прославление 15-ти Будд). Произведение, написанное в жанре прославления близко к фольклорному произведению, поэтому оно понятно читателю. В данном случае Ц. Дондогой не интерпретирует текст и выступает как переписчик и трансформатор текста. С периода проникновения буддизма в Забайка-

лье буряты стремились прежде всего постичь Махаяну, т.е. достичь состояние Будды ради блага (счастья) всех живых существ и через этот духовный подвиг постичь состояние Нирваны.

В стихотворениях «Эхэ зургаан зүйл хамаг амитанай түлөөд» (Ради блага всех живых существ) [1, с. 79], «Үгэн сэн» (Цена слова) [2, с. 24], «Юнэй тула?» (Ради чего) [1, с. 16] поэт раскрывает значение одного из ключевых положений буддизма – десяти черных грехов, совершаемых физически, словесно и мысленно. В них автор раскрывает суть учения и практику реализации, придав этому этическому постулату эстетическую форму, сохраняя при этом нравоучительный и дидактический смысл произведения. Например: «Ради чего на земле / Люди рождаются? / Этот простой вопрос / Задали людям. / – Чтобы поест! – / Ответил прожорливый. / – Нажить богатство! – / Сказал жадный. / – Повелевать! – / Указал чванливый. / – ha-ha-hu-uu! Женщину! – / Хмыкнул похотливый. / – Раз ты родился человеком / Совершенствуясь и развиваясь, / Облик благодатной земли / Ты должен улучшить! – / Нравоучительно сказал философ» [1, с. 16].

В стихотворении на обличении четырех грехов (прожорливость, чванливость, похотливость) показана система истинных ценностей, которые человек может признать смыслом и целью жизни. Для усиления эмоционального воздействия автор применяет выразительные средства (эпитет, метафора, сравнение) и иронический тон, что позволяет с новой стороны взглянуть на буддийский закон о причинах бед и страданий человека.

Примечательно в контексте стихотворения «нуга жаншаг» («Книга мертвых: о пути бардо»), где Дондогой раскрывает сакральный момент смерти. Истинный поэт всегда решает проблемы жизни и смерти, добра и зла, предназначения человека. Автора не удовлетворяет положение, когда человек, как разумное существо, проживает только одну жизнь и со смертью умирает, исчезает душа. Она согласна с аксиомой, что бренное тело человека бывает молодым и старым, сильным и слабым, а душа человека – это особая нематериальная, духовная субстанция, которая живет в теле реального человека и вместе с материальным телом испытывает все страдания и лишения индивидуума. Но поэтесса не согласна с тем, что со смертью тела умирает и душа. В такой позиции раскрывается буддийская философская концепция жизни после смерти. Душа не стареет, она, возможно, устает, но не теряет свою суть даже в момент наступления смерти. В стихотворении поэтический воспроизведен обряд вызова души умершего и беседа ламы с ней. Лама убеждает душу усопшего, что она должна найти новую форму для перерождения, доказывает, что душа уже не может пребывать в той телесной оболочке, которая перестала существовать физически. Она не оставляет следов на песке и не может поколебать огонь лампы, т.е. не оказывает влияния на материальный мир: «Обернись, на тень свою взгляни – / Нет ее у тебя, / Взгляни, обернувшись на следы свои – / Нет их у тебя, / Попробуй пройдись по воде – / И всплеска не будет. / Лишь запахом пищи питаешься – / Попробовать ее ты не в состоянии» [3, с. 65].

Библиографический список

1. Дондогой, Ц. Энээхэн ногоон дэлхэй дээрэ. – Улаан-Удэ, 2002.
2. Дондогой, Ц. Уянгын дэбтэр. – Улан-Удэ, 1975.
3. Дондогой, Ц. Шулунуудай тарни. – Улан-Удэ, 1975.
4. Молодцева, Е.Н. Тибет. Сияние пустоты. – М., 2001.

Bibliography

1. Dondogoy, C. Ehnehekhkhehn ногоон dehlkhehyj dehehreh. – Ulaan-Udeh, 2002.
2. Dondogoy, C. Uyangijn dehbtehr. – Ulan-Udeh, 1975.
3. Dondogoy, C. Shuluunuudayj tami. – Ulan-Udeh, 1975.
4. Molodceva, E.N. Tibet. Siyane pustotih. – M., 2001.

Статья поступила в редакцию 11.02.13

УДК 81'27; 81'42

Loutovinova O.V. **PRECOMMUNICATIVE LINGUISTICALLY RELEVANT MEANS OF SELF-REPRESENTATION OF A LINGUISTIC PERSONALITY IN VIRTUAL DISCOURSE.** The article views a linguistic personality in virtual discourse as a new type of an interlocutor who is characterized by displaced real identity in virtual world. It analyses nick, origin and the title of a blog as linguistically relevant means of self-representation of this linguistic personality type.

Key words: discourse, virtual discourse, linguistic personality, virtual linguistic personality, self-representation, nick, avatar, the title of a blog, origin.

О.В. Лутовинова, канд. филол. наук, доц. каф. английской филологии Волгоградского гос. социально-педагогического университета, г. Волгоград, E-mail: con_atore@mail.ru

ДОКОММУНИКАТИВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫЕ СРЕДСТВА САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Статья рассматривает языковую личность в виртуальном дискурсе как новый тип коммуниканта, характеризующийся смещенной реальной идентичностью в виртуальной среде, и анализирует ник, ориджин и название блога как основные докоммуникативные лингвистически релевантные средства саморепрезентации данного типа языковой личности.

Ключевые слова: дискурс, виртуальный дискурс, языковая личность, виртуальная языковая личность, саморепрезентация, ник, аватара, название блога, ориджин.

Новые информационные технологии, появившиеся в конце прошлого века, и ставшие основой для возникновения Интернета как быстрого и эффективного средства связи, способствовали появлению новой коммуникативной среды, расширившей границы человеческого общения и позволившей выделить новые типы дискурса.

Рассматривая дискурс как центральную единицу речевой деятельности, основными характеристиками которой выступают: 1) целенаправленное социальное действие, 2) действие, обусловленное экстралингвистическими факторами, 3) действие, имеющее вероятностную природу [1, с. 136–137], сегодня уже можно говорить о том, что Интернет стал основой для возникновения различных типов дискурса, таких, как интернет-дискурс, компьютерный дискурс, сетевой дискурс, виртуальный дискурс.

Поскольку целью статьи является выделение и описание докоммуникативных лингвистически релевантных средств саморепрезентации языковой личности в виртуальном дискурсе, охарактеризуем данный тип дискурса. Рассматривая виртуальный дискурс, прежде всего, необходимо отметить, что сегодня термины, имеющие в своем составе слово «виртуальный» («виртуальная реальность», «виртуальное пространство», «виртуальная культура», «виртуальное сознание» и т.п.), относятся к ряду так называемых «модных» терминов, появляющихся в тот или иной период развития науки в любой отрасли знания, и без которых не обходится ни одно представление результатов исследования.

«Модные» термины имеют широкий диапазон эксплуатации, вследствие чего характеризуются определенной расплывчатостью в понимании и беспорядочностью в употреблении, поскольку часто, как отмечает Г.Г. Слышкин, выполняют в научной работе не столько информативную, сколько парольную функцию [2, с. 38]. Например, для лингвистики на современном этапе развития такими модными терминами являются «дискурс», «концепт», «фрейм» и некоторые другие, которые насчитывают многообразие вариантов определения. С появлением новой социокультурной среды, возникшей на основе Интернета, и ее попаданием в круг исследовательских интересов, ряд подобных терминов пополнился еще одним – «виртуальный», и нередко исследователи употребляют его как синоним к словам «интернетный» или «сетевой» и приравнивают виртуальный дискурс к коммуникации в Интернете в целом. Однако виртуальный дискурс является только частью всего того многообразия различных форм и способов человеческого взаимодействия, которые возникли на основе Интернета, и представляет собой текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности. Виртуальная реальность здесь понимается как вид символической реальности, которая создается на основе компьютерной и некомпьютерной техники, а так же реализует принцип обратной связи, то есть является коммуникативной (или интерактивной) виртуальной реальностью [3, с. 58]. Символическая реальность представляет «пространство человеческого воображения, в котором феномены (предметы и явления) материального мира выступают в качестве специальных заменителей – знаков и символов, с помощью которых человек организует свою активность и посредством которых осуществляется его взаимодействие с другими людьми и окружающей его природной средой» [4]. Основной целью существования и функционирования такой виртуальной реальности будет передача или взаимообмен информацией между людьми, то есть коммуникация [5, с. 14].

Виртуальный дискурс, как и любой другой тип дискурса, объективно выделяется на основе своих конститутивных признаков: участников, их целей, ценностей, стратегий, прецедентных феноменов, жанров.

Участники виртуального дискурса представляют собой новый тип языковой личности – виртуальный – характеризующийся смещенной реальной идентичностью в виртуальной среде. На наш взгляд, проблему языковой личности в виртуальном дискурсе нужно рассматривать как одну из центральных проблем исследования, поскольку именно человек является мерилом и главным содержанием виртуального мира. В отличие от мира реального, в котором человек предстает только его частью, в мире виртуальном кроме людей, которые могут быть редуцированы до набора вербальных сообщений разной степени истинности, подробности и ответственности, практически ничего нет [6, с. 56; 7, с. 76]. Кроме того, как справедливо отмечает Г.Н. Трофимова, «формула 'личность = текст или личность = язык' становится в Интернете аксиомой, так как все речевые индивидуальные особенности оказываются на виду в буквальном смысле слова» [8]. Виртуальность партнеров по коммуникации, их физическая непредставленность, анонимность, «дообраиваемость» друг друга на основе интерпретации получаемых текстов приводят к тому, что ряд параметров, являющихся неотъемлемой частью языковой личности в реальном общении, нивелируется в рамках виртуального дискурса, и у виртуальной языковой личности появляются новые ценности, цели, стратегии, коммуникативные ориентиры.

Одной из основных целей языковой личности в виртуальном дискурсе является саморепрезентация, то есть представление себя другим членам виртуального социума. Следует отметить, что для личности в виртуальном пространстве очень важно, чтобы ее воспринимали именно такой, какой она сама себя позиционирует. Приписывая себе какие-то характеристики и качества, одобряемые или осуждаемые в определенном сетевом сообществе, пользователь Сети представляет себя другим в нужном ему свете, тем самым удовлетворяя необходимые для него на данном этапе потребности. Поскольку в виртуальном мире, в отличие от объективной реальности, почти невозможно заявить о себе, не вступая в коммуникацию, а уж тем более, получить признание, то основным средством саморепрезентации виртуальной языковой личности будет ее коммуникативное поведение. Только проявляя себя в общении, виртуальная личность может быть замечена и оценена другими, поскольку весь свой жизненный «багаж», незримо сопровождающий ее в объективной реальности и влияющий на ее восприятие другими, она оставляет «за порогом» виртуального мира.

Однако прежде, чем раскрыться в процессе коммуникативного поведения, участникам виртуального дискурса необходимо привлечь к себе внимание потенциальных партнеров по коммуникации, так или иначе заинтересовать их. Средствами, используемыми для достижения данной цели, являются: 1) ник, или сетевое имя, которое берет себе на том или ином сетевом ресурсе пользователь для идентификации, которым он затем именует и с которым неразрывно связывается его образ внутри данного ресурса, 2) аватара, представляющая собой небольшую картинку, целью которой является визуальная репрезентация виртуальной языковой личности, и сопровождающая все сообщения пользователя в форуме или блоге, а также прикрепляемая в профиле, содержащем набор данных, предоставляемых пользователем для первичного ознакомления других с собой, 3) ориджин, или подпись, прикрепляемая после основного текста сообщения в письмах или на форумах и содержащая какое-то краткое высказывание, 4) блог или домашняя страница, создаваемые пользователями Сети. С позиций лингвистики из перечисленных средств саморепрезентации языковой личности в виртуальном дискурсе релевантным является исследование ника и ориджина, а также названия блога или домашней

страницы. Аватара для лингвистов представляется интерес только как иконический компонент креолизованного текста, который она составляет в «цепке» с ником.

Поскольку саморепрезентация языковой личности в виртуальном дискурсе является одной из центральных проблем исследования виртуального коммуникативного пространства, полное освещение всех используемых способов саморепрезентации виртуальной языковой личности требует отдельного глубокого исследования, которого до настоящего момента, по нашим данным, сделано еще не было. В данной статье нам хотелось бы наметить перспективы подобного исследования и показать возможные направления отмеченных средств саморепрезентации.

В виртуальном дискурсе сетевой ник является наиболее важным средством саморепрезентации, поскольку для того, чтобы начать общение, проявить себя коммуникативной личностью, пользователь Сети должен каким-то образом представить себя, как-то назвать, чтобы стать узнаваемым другими пользователями.

Сетевой ник представляет собой аналог личного имени, по которому человека знают в реальной действительности. Личное имя как социолингвистическая единица является одним из главных персональных языковых идентификаторов человека. «Собственное имя воспринимается носителем не само по себе и, может быть, даже не по соответствию неким качествам, присущим носителю подобного имени (во всяком случае, не в первую очередь). Основным пафосом восприятия себя через имя является самоидентификация, ее две диалектически взаимосвязанные стороны: быть таким, как все, быть не таким, как все» [9, с. 181].

Как показывает наблюдение, ничего не означающий набор символов, например, *dfjsghtrut*, *ьлапкркл*, *123456* или что-то подобное в качестве ника берется в большинстве случаев пользователем, заходящим на тот или иной ресурс в качестве флудера или гостя, имеющего целью только посмотреть, что представляет собой посещаемый им ресурс. В остальных случаях ники, как правило, значимы. В процессе собственного наименования тот или иной пользователь Интернета обязательно вкладывает какой-то смысл в собственное сетевое имя, свой ник. При осмысленном выборе ника всегда присутствует попытка что-либо отразить, каким-либо образом выделиться из массы себе подобных, представить себя определенным образом, оставаясь в то же самое время анонимным. Необходимо отметить, что даже если ник был выбран по принципу «слово понравилось», и его носитель не вкладывал в свое именование особого смысла, тот при создании образа данного пользователя другие участники виртуального дискурса все равно так или иначе будут пытаться интерпретировать этот ник, наделяя, согласно проводимой интерпретации, обладателя ника какими-то определенными характеристиками.

Среди ников, выбранных для анализа посредством сплошной выборки (2000 ников) можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся виды:

1. Ники, представляющие собой личные имена (*Настюля*, *Ташик* и т.д.).

2. Ники, косвенно отображающие возраст пользователей (*Дядька_Ден*, *Тётушка*Поли*, *Малышочка*, *Made in USSR* и пр.).

3. Ники, отображающие профессию, образование, род деятельности (*Стоматолог*, *Психолог*, *Учитель*, *кутаеведка*, *Lawyer*, *Saleswoman*, **Studentka** и др.).

4. Ники-географические названия (*Карелочка*, *Волжаночка*, *Уралочка*, *Сибиряк*, *Черноморец*, *Игорь-СПб*, *AlexTver24*, *Женёк25RUS*, *Antony~69*, *Tiger*58* и др.).

5. Ники, созданные на основе названий флоры и фауны (*ЛасковыйКотенок*, *Милая_лисичка*, *\$Волчица\$*, *Подлая!!Гадюка!!*, ***редиска***, *ОДИНОКИЙ ВОЛК*, *Белладонна*, *Дикий Зверь*, *=*Подорожник**, *Shark*, *Wilddog**, *<Goldenfish>* и др.).

6. Ники, отображающие психоэмоциональное состояние коммуникантов (*Грустно_мне*, *&Одинокая&*, *Тоска***зеленая*, *Зовущий смерть!!!*, *Ивета-с-того-света*, *СердцеПокусочкам*, *Душа_под_сапогом*, *Взгляд_е_никуда*, *ОдинокаяПташечка*, *LonelyHeart3*, *One&Cold*, *FrozenАнютка*, *Нашедшая_любовь*, *ДушаПоЁм*, *Smiling Face*, *LifelsCool!!*, *HappyAnnetta*, *Happyman* и т.п.).

7. Ник, отражающие самооценку пользователей (**Мечтательная**, *СПАДКАЯ*, *Фаворит*, *Препестная*, *Причуда!!*, *Красотка_Полли*, *ранимая душа*, *Чёрный_бриллиант*, *Шалая*, *PoeticNature*, *пестеуана*, *Wiselmp*, *YoungSoul*, *cunning*, *Miss_Fitness* и т.д.).

8. Ники с сексуальной тематикой (*Хочутебясильно*, *Учитель_секса*, *БезТруссофф*, *Supersexy*, *SexyGirl*, *SexMaster*, *Damsky_ugodnik*, *Сэксапильная*, *ЮбкаНаСтупе*, и др.).

9. Ники-«инкогнито» (*ОднаИзМногих*, *Кое-кто-то*, **незнакомка**, *Мсттер Икс*, *Неважно_кто*, *Prosto ya*, *Nekto*, *From Nowhere*).

10. Ники-названия предмета, которым обладает пользователь (чаще всего в качестве ников этой группы приводятся марки дорогих машин, фирм-производителей одежды, косметики, парфюмерии и т.п., которыми пользуется коммуникант).

11. Ники с явным или скрытым юмором (*Баба Яга*, *Квазимодо*, *Даа_с_@* и т.п.).

Используя метод интерпретативного анализа, можно проанализировать каждую группу выделенных ников, выделив те или иные стратегии, преследуемые языковой личностью в процессе коммуникации. Некоторые ники явно и прямо указывают на то, что ищут их обладатели или ждут от партнеров по коммуникации. К таким никам, например, относятся ники с сексуальной тематикой. Ники данного вида очень ярко говорят о намерениях своих авторов, и создание такого ника чаще всего служит для экономии времени, отсеивания ненужных кандидатов, а так же рекламы самого себя с определенной стороны. У обладателей ников-географических названий совсем другие цели. При посещении региональных чатов или форумов, автор такого ника преследует цель выделиться из остальной массы общающихся тем, чем не может выделиться никто другой, а при посещении чатов и форумов общероссийского масштаба подобные ники, наоборот, могут служить способом привлечения внимания земляков, с которыми общение виртуальное при благоприятном стечении обстоятельств может перейти в реальное, или найдутся общие темы для разговора. Так, например, ник *Карелочка* в каком-либо камчатском чате будет восприниматься совсем по-другому, чем в чате Петрозаводска, а *Владивостокчанка* обязательно привлекающая внимание на форуме Калининграда, на Приморских сайтах вполне может остаться незамеченной. Другие же ники интерпретировать сложнее. Так, например, пользователи, берущие ники с отражением профессиональной деятельности, могут как действительно работать по отраженной в нике специальности, так и только лишь проявлять интерес к данной сфере, быть озабочены ее предметом, характером и т.п. и демонстрировать в своем коммуникативном поведении ассоциации, связанные с той или иной профессией в рамках того социума, к которому они принадлежат и т.д.

Помимо перечисленных видов, в Сети часто встречаются ники-аббревиатуры, смысл которых известен только их авторам, ники-прозвища, которыми когда-то в процессе реального общения звали их авторов, самоуничижительные ники, выбирая которые, авторы считают, что прячут за «невзрачной оберткой» «вкусную начинку», тем самым в какой-то момент общения могут предстать совсем в ином свете и завоевать расположение собеседника, ники, подчеркивающие национальность своих создателей, ники-личные ассоциации, ники-культурные ассоциации и т.п. Следует отметить, что построить полную классификацию всех сетевых ников на основе функции саморепрезентации практически невозможно, поскольку порой сам автор ника может не вкладывать в выбираемый ник никакого смысла, объясняя свой выбор только одним – «слово понравилось». К тому же, как правило, чем взрослее человек, тем менее он ассоциирует себя с выбранным ником.

Еще одним немаловажным фактом в проблеме сетевого ника является его восприятие другими, то есть насколько адекватно партнеры по общению интерпретируют заложенный в нике смысл. Исходя из того, что процесс интерпретации происходит на основе своих собственных знаний, опыта, моральных ценностей и т.д., интерпретация получается не всегда адекватной.

Ориджин представляет собой своеобразную подпись, которая создается пользователем, сохраняется в настройках, а затем автоматически прикрепляется ко всем сообщениям от лица пользователя. Как правило, местом прикрепления ориджина является конец сообщения, от которого он отделяется жирной горизонтальной чертой или какими-либо другими графическими символами, хотя на некоторых ресурсах ориджина могут прикрепляться и под аватарой. Синонимами, которые употребляются вместо слова «ориджин» – «подпись», «девиз», «P.S». Ориджин может быть как собственным сочинением, так и заимствованным, причем далеко не всегда с указанием авторства или хотя бы знака цитирования. Ориджинами служат как прозаические высказывания, так и высказывания в форме четверостиший, причем часто написанные в строчку, а не строфой, поскольку написание строфы может быть технически невозможным на ресурсе, используемом для общения.

В Интернет-ориджин (от англ. *origin* – происхождение) перешел из сети Фидонет, где являлся последней строкой электронного письма и был создан для сообщения служебной технической информации, о том, откуда письмо отправлено, о режиме работы станции отправителя и т.п. Однако пользователи Фидонета помещали в эту строку, кроме адреса своей станции, какое-нибудь короткое, но емкое изречение, часто с юмором, или же содержащее интересную мысль. В силу метонимии и сами эти высказывания также стали называться ориджинами. Анализируя ориджины, взятые из сети Фидонет, мы заметили только единичные случаи использования фраз, которые могли бы так или иначе раскрыть образ коммуниканта. В интернет-общении же количество подобных ориджинов является доминирующим. Мы думаем, что данный факт можно объяснить тем, что пользователи сети Фидонет не обладали той степенью анонимности, которая есть у участников виртуального дискурса.

Анализируя отобранные методом сплошной выборки ориджины (2000 единиц), и принимая во внимание мотивы, которые могут лежать в основе саморепрезентации языковой личности с их помощью, мы можем выделить следующие группы:

1. Ориджины, отражающие жизненные принципы, цели и установки. Это своего рода жизненный девиз. В ориджинах данной группы просматривается отношение коммуниканта к жизни: «*Быть собой и ни о чем не жалеть*», «*Чувства первичны, поступки вторичны*», «*Важнее быть, чем казаться*», «*Грешу и кайся*» и др.

2. Ориджины, раскрывающие душевное состояние в тот или иной период.

Большинство ориджинов данной группы представляют собой выплеск негативных эмоций или переживаний по какому-то поводу: *Говорят, что нужно лишь мгновение, чтобы заметить особенного человека, час, чтобы оценить его, день, чтобы полюбить, но затем потребуется целая жизнь, чтобы забыть его*. Хотя встречаются и крайне радостные «*Я просто счастлива!!!!*», «*You make my sun shine, darling!*». Когда человек колеблется, находится в смятении или страдает, он ищет того, кто может его выслушать, поддержать. Довольно большое количество (104 штуки из 1200 ориджинов) проанализированных нами ориджинов имело начало «*Мне плохо без...*»: «*Мне плохо без тебя*», «*Мне плохо без него*» и т.д. Ориджины данной группы очень эмоциональны, а порой даже пишутся заглавными буквами, что в интернет-коммуникации обозначает крик.

3. Отражение своих собственных характеристик, которые видятся наиболее значимыми: *Мечтатель в первом поколении, То фея я прекрасная, то ведьма я ужасная, В тихом омуте черти водятся, Меня всегда преследуют умные мысли, но я оказываюсь быстрее, Зеленоглазая бестия, Каждый человек по своему прав. А по-моему, нет, Я такая ж простая как все и др.*

4. Ориджины, отражающие образ жизни, какие-то привычки и хобби: *Формула 1 рулит!*, *Продам душу за сигарету, Забодай тебя Зидан!* и др.

5. Ориджины-подписи, созданные на манер подписей в письмах.

Здесь можно встретить разнообразные варианты заключительной строки письма, включающей в себя, как имя коммуниканта, так и какое-то пожелание, напутствие от него другим: «*Джельетта*», «*С уважением, Сергей Николаевич*», «*С наилучшими пожеланиями!*», «*Ваша Саша (Маша, Наташа, тетя Даша)*» и др. Авторы данных ориджинов воспринимают их как последнюю строку письма, вежливое и корректное окончание разговора.

6. Ориджины, отражающие характер блога, ника или определенной выложенной темы. Например, ориджин «*Не бейте мух, они ж, как птицы!*» очень хорошо подходит нику GreenInsect, «*Коррекция детской лопухости*» в сочетании с ником Chebur и аватаром с изображением чебурашки создают цельную картину и т.п.

7. Ориджины рекламного характера, дающие ссылку на какие-то ресурсы, важные или интересные для их авторов. В данном случае ориджин имеет все функции, присущие рекламе. Ориджины такого рода часто могут использоваться на сайтах, где ссылки на другие сетевые ресурсы в текстах сообщений запрещены, однако ориджины являются одной из составных частей заполняемого профиля: *Мое скромное хобби вот тут – http://...*, *А это авторская страничка – http://...* и др.

8. Ориджины-любимые высказывания, которые кажутся правильными, интересными изречениями, остроумными утверждениями и т.п.: *Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно, Из него вышел толк. Осталась одна бестолочь* и т.п.

9. Ориджины, практически не поддающиеся интерпретации и становящиеся понятными либо после объяснения, либо непонятными вообще, поскольку были созданы под влиянием минутного настроения, без вкладывания какого-либо смысла: *Что у нас на ужин?*, *Гол-хо-це, Кофейник там, кофейник здесь – не так уж это, наверное, важно, когда ищешь комету, Ну, должны же, коты, пес возьми!* и др.

Разумеется, полной и адекватной интерпретации всех ориджинов дать невозможно, однако при помощи их анализа все же можно выделить определенные стратегии языковой личности в виртуальном дискурсе, попытаться понять те цели, которые она преследует в коммуникации, чего ожидает от общения, что может предложить. В форуме, более регламентированном по своей структуре, чем блог, пользователь имеет меньше средств для саморепрезентации, видимо, по этой причине многие пользователи форумов нередко изменяют свои ориджины.

В блогах и дневниках, помимо использования ника и ориджина, участники виртуального дискурса имеют возможность саморепрезентации и с помощью названия. Название дневника – это первое (вместе с ником), на что обращает внимание читатель, который первый раз видит дневник, и оно, прежде всего, имеет функцию отражения содержания дневника, то, о чем в нем идет речь, какие основные темы затрагиваются и т.п. Подбор интересного названия является гарантией того, что читатель хотя бы один раз в дневник заглянет. Следует отметить, что, в отличие от произведений, характеризующихся большей однородностью в повествовании, какой-то сюжетной линией, дневник содержит описание жизни автора, хронологическое отражение событий различного рода, вследствие чего подобрать точное название, которое адекватно отражало бы содержание дневника, очень не просто. Видимо, по этой причине 10% дневников (от проанализированных нами 4000 дневниковых названий) имеют в качестве названия слово «дневник» или его производные: «дневничок», «diary», «дайрик», «днев» и др. Часто за словом «дневник» следует ник его автора, например, «*Дневник Маленькой Женщины*», «*Дневник Стича*», «*Дневник старухи Шапокляк*» и др.

Все названия дневников, полученные нами методом сплошной выборки (около 4000 единиц), мы сгруппировали согласно тем факторам, которые являются привлекательными для читателя современного сетевого дневника. В первую группу мы включили названия, состоящие из незавершенной мысли, отрывка из известной цитаты, которые можно трактовать по-разному. Сюда следует отнести так же и те названия, смысл которых не выводится из сочетания слов, их составляющих. Для того чтобы понять, что же будет составлять содержание дневника с подобным названием, читатель должен заглянуть в него и просмотреть хотя бы несколько постов, в противном случае понять суть не представляется возможным: «*А я тебя нет*», «*Будем?*», «*все так...*», «*место...*», «*time until...*» и т.п.

Ко второй группе мы отнесли названия, которые сообщают читателю о том, что дневник представляет собой описание каких-то переживаний автора, его чувств, настроения, душевного состояния и т.п.: «*И все-таки я живу*», «*Настроения Саши Дашковой*», «*Уголок моего одиночества*», «*Там, где сердце...*» др. Следует отметить тот факт, что дневники подобной тематики охотно читаются и комментируются.

Третья группа сходна со второй на основе того, что в названии содержится коннотация с чем-то личным, приватным, не доступным для посторонних глаз. Только этим личным могут быть не всегда чувства, а какие-то события в жизни автора дневника, его поступки, о которых он не рассказывает в реальной жизни. Названия данной группы строятся на основе употребления какого-то слова, ассоциирующегося с местом, доступ в которое открыт обычно только его владельцу: «*Чердачок мыслей*», «*Из глубины*», «*Лоркина норка*», «*Тихий чуланчик*», «*Внутренний дворик*», «*Портфельчик с замочком*» и др. Очень часто в названии подобного рода встречается слово «сундук» и его производные: «*Сундук*», «*Мой сундук*», «*Сундук в чулане*», «*Сундушок*», «*Сундушок под замком*», «*Тайна моего сундушка*» и т.п., что вызывает ассоциацию чего-то запретного от чужих глаз.

В четвертую группу вошли те названия, которые немного раскрывают либо тематику дневника, либо характеризуют личность автора. Среди них, например, можно встретить «*Вирус ответственности*», говорящее о личностных качествах автора, «*Бабушка русского балета*», намекающее на возраст автора и имеющийся у него опыт в житейских делах и т.п.

5. Пятую группу составляют те названия, которые намекают на существование некой тайны, чего-то интересного и загадочного, к чему можно приобщиться, читая дневник. Например, автор пишет в названии «*Иногда и искренна*», заявляя тем самым, что искренна она не всегда и не со всеми, а вот когда и при каких обстоятельствах это происходит, можно узнать из дневника.

В шестой группе мы объединяем названия, так или иначе связанные с сексуальной тематикой. И хотя в содержании дневника большинство постов могут быть о том, как автору не повезло во время сессии или как он провел время на море, название все равно связывается с сексуальной тематикой: «Хочу тебя здесь», «Скажи девственности – нет!», «Открытая зона ПОРНОЭСТЕТА» и т.п.

Названия дневников, которые привлекают своей нетипичностью, странностью, непонятностью мы отнесли к седьмой группе. То, что странно, непонятно, непознано, неординарно, должно, несомненно, вызвать (и вызывает) интерес. Быть не таким, как все, модно, это привлекает внимание, создает популярность: «Чудастики», «Странные дни», «Восемь пирогов и одна свечка», «Змея, которая съела слона», «Аномальное течение реки» и др.

Восьмая группа состоит из названий, в которых содержатся запрет, ограничение, предостережение. Среди них можно встретить «Не прислоняться!», «Тут склеп, одумайся, входящий!», «Секретная зона», «Нехорошая квартира», «Не влезай – убьют» и т.п. Подобные названия рассчитаны на естественное человеческое любопытство, на желание «вкусить запретный плод».

В девятой группе мы собрали те названия, в которых проводится параллель между дневником и каким-либо культурно-массовым мероприятием, зрелищем или формой искусства: «Театр Абсурда», «Танец святого Бумма», «Studio», «Амфитеатр», «Сплошной цирк», «На театральных подмостках», «В жанре оперетты» и т.д. Таким названием автор дневника как бы обещает своему читателю захватывающее чтение, получение эстетического удовольствия от читаемого.

К десятой группе относятся названия, отражающие авторские раздумья на страницах дневника: «Мыслишки», «Мои мысли», «Размышляя о...», «Мысли нараспашку», «Размышления старой больной черепахи», «Думая по поводу» и т.п.

Одиннадцатую группу составляют названия, в которых автор дневника негативно или принижающее отзывается о своем «детстве». В подобных названиях показана некая небрежность, с которой автор определяет основную тематику дневника, видно отношение к нему как к чему-то мелкому и не стоящему вниманию: «...челуха...», «Мелочи жизни», «Ни-че-го», «Полночный бред», «Помойное ведро», «Выгребная яма», «Занудство в высшей степени» и др.

В двенадцатой группе мы объединили те названия, которые имеют яркую рекламную функцию, прямо заявляя, что данные дневники самые лучшие. Чаще всего дневники с подобными названиями принадлежат подросткам, которые считают, что,

громко заявив о себе, прорекламировав свои достоинства, можно завоевать чуть ли не весь мир: «Самый лучший дневник на свете!», «Самый прекрасный дневничок самой прекрасной девочки на свете», «То, что очень-очень-очень интересно» и т.п.

В тринадцатую группу входят те названия дневников, которые содержат ненормативную лексику.

Четырнадцатая группа представлена названиями, содержащими повелительное наклонение или модальную конструкцию в качестве призыва прочитать дневник: «Прочтите и задумайтесь!», «Вам следует это прочитать», «Прочтите! Рекомендую» и др. Чаще всего авторы дневников с подобными названиями относятся к возрастной группе от 14 до 20 лет. В силу юношеского максимализма многие из них считают, что такой призыв в названии дневника заставит читателя заглянуть в него.

Наша классификация, разумеется, не является исчерпывающей. Она представляет собой один из возможных способов анализа тех причин, которые побуждают пользователя Сети заглянуть в тот или иной дневник, отражает их интересы и ценности, показывает, что является значимым. Через название дневника автор старается привлечь внимание читателей к своему произведению, и название подбирается, исходя из того, что сам автор дневника считает интересным и привлекательным. Таким образом, автор показывает, на что он сам бы обратил внимание в первую очередь, читая чужой дневник. В этом отношении название дневника обладает саморепрезентативной функцией, отражает интересы и ценности своих авторов. Учитывая еще и тот факт, что «чистых» авторов, которые вели бы только свой дневник, не читая других, не существует, что каждый автор в то же самое время и читатель, можно говорить о том, что название дневника объективно отражает как интенции авторов дневников в процессе коммуникации, так и читателей, и может служить одним из источников получения материала в процессе исследования ценностной составляющей языковой личности в виртуальном дискурсе.

Подводя некоторые итоги, отметим, что исследование докоммуникативных средств саморепрезентации языковой личности в виртуальном дискурсе является не только актуальной лингвистической проблемой, изучение которой позволяет заполнить пока еще недостаточно изученный «сегмент» в языковой картине виртуального мира, произвести ее категоризацию и описание, но и представляет интерес для участников виртуального дискурса, каждый из которых стремится быть успешным и признанным другими, реализовать те или иные потребности, осуществление которых затруднено в силу тех или иных причин в реальном мире.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
2. Слышкин, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000.
3. Розин, В.М. Существование, реальность, виртуальная реальность // Концепция виртуальных миров и научное познание. – СПб., 2000.
4. Речицкий, В. Открытость информации как универсальное требование // Индекс / Досье на цензуру. – 2004. – № 20 [Э/р]. – Р/д: <http://www.index.org.ru/journal/20/rechizki20.html>
5. Иванов, А.Е. Философские и психологические аспекты виртуальной и социальной реальности и их взаимосвязь: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2004.
6. Бондаренко, Т.А. Виртуальная реальность: социально-философский анализ. – Ростов-на-Дону, 2006.
7. Войскунский, А.Е. Метафоры Интернета // Вопросы философии. – 2001. – № 11.
8. Трофимова, Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – М., 2004 [Э/р]. – Р/д: <http://planeta.gramota.ru/gnt-52.html>
9. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации. – М., 2007.

Bibliography

1. Arutyunova, N.D. Diskurs // Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj. – M., 1990.
2. Slishshkin, G.G. Diskurs i koncept (o lingvokulturnom podkhode k izucheniyu diskursa) // Yazikovaya lichnostj: institucionalnij i personalnij diskurs: sb. nauch. tr. – Volgograd, 2000.
3. Rozin, V.M. Suthestvovanie, realnostj, virtualnaya realnostj // Konceptiya virtualnihkh mirov i nauchnoe poznanie. – SPb., 2000.
4. Rechickij, V. Otkrihtostj informacii kak universalnoe trebovanie // Indeks / Dosje na cenzuru. – 2004. – № 20 [Eh/r]. – R/d: <http://www.index.org.ru/journal/20/rechizki20.html>
5. Ivanov, A.E. Filosofskie i psikhologicheskie aspektih virtualnoj i socialnoj realnosti i ikh vzaimosvyazj: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. – M., 2004.
6. Bondarenko, T.A. Virtualnaya realnostj: socialno-filosofskij analiz. – Rostov-na-Donu, 2006.
7. Voyjskunskij, A.E. Metaforih Interneta // Voprosih filosofii. – 2001. – № 11.
8. Trofimova, G.N. Yazihkovoj vkus internet-ehpokhi v Rossii. Funkcionirovanie russkogo yazihka v Internetе: konceptualno-suthnostnihe dominantih. – M., 2004 [Eh/r]. – R/d: <http://planeta.gramota.ru/gnt-52.html>
9. Kashkin, V.B. Osnovih teorij kommunikacii. – M., 2007.

Статья поступила в редакцию 14.02.13

УДК 821.161.1

Savos'kina T.A. «THE WOES FROM WIT» IN THE CONTEXT OF GYNECOCRACY MYTH OF THE RUSSIAN AGE OF ENLIGHTENMENT. The article deals with the functioning and transformation of the myth about women's exclusive authority in Russia in the A.Griboedov's comedy «The Woes from wit». It is noted, that the treatment of the dramatist to the era of the reign of Catherine the Great contribute to the establishment of such feminoocracy problems as a woman-a monarch, favoritism, women's power in the family. The author's attitude to these problems is disclosed in the play at different semantic and evaluation levels.

Key words: gynecocracy, feminocracy, myth, favoritism, Age of Enlightenment, demythologization.

Т.А. Савоськина, канд. филол. наук, доц. каф. зарубежной литературы ИГГУ,
г. Измаил, E-mail: nauka2008@rambler.ru

«ГОРЕ ОТ УМА» В КОНТЕКСТЕ ГИНЕКРАТИЧЕСКОГО МИФА ЭПОХИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В статье прослеживается функционирование и трансформация мифа об исключительной власти женщины в России на материале комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Отмечается, что обращение драматурга к эпохе царствования Екатерины Великой способствует постановке таких проблем феминократии, как женщина-монарх, фаворитизм, женская власть в семье, авторское отношение к которым раскрывается в пьесе на разных смысловых и оценочных уровнях.

Ключевые слова: гинеκραтия, феминократия, миф, фаворитизм, Просвещение, демифологизация.

В «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина на вопрос парижанина «Уважаете ли вы женщин?», следует ответ русского путешественника: «У нас женщина на троне». В лаконичном ответе персонажа заключена целая история «русского матриархата» эпохи Просвещения. Размышляя об этом культурно-историческом феномене, известный историк Е.В. Анисимов пишет: «В XVIII веке мы сталкиваемся с поразительным парадоксом: в стране повсеместно господствуют нормы Домостроя XVI в., русское общество однозначно трактует женщину как существо второго сорта, а у верховной власти могущественнейшей империи на протяжении почти 75 лет непрерывно находятся женщины, причем из самой изысканной, наиболее бесправной касты: вдовицы (Екатерина I, Анна Иоанновна, Екатерина II) и девица (Елизавета Петровна)» [1, с. 329].

Женское самодержавие, пришедшее на смену петровской империи, положило начало формированию гинекратического мифа в культуре русского Просвещения. Миф об исключительной власти и силе женщины в России нашел свое репрезентативное отражение не только в литературе, живописи, скульптуре, медальерном искусстве «галантного века», но и в памятниках культуры первой трети XIX столетия, среди которых достойное место занимает комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума».

Интерес драматурга к феминократии впервые отметил Ю.Н. Тынянов. Анализируя сюжет «Горе от ума», он приходит к выводу о том, что «это комедия о безвременье, о женской власти и мужском упадке» [2, с. 380]. В дальнейшем литературоведы не раз указывали на женскую природу фамусовского общества, но при этом оставляли за пределами своего внимания историко-генетический и культурологический контекст данной проблемы. В этой связи специальный интерес представляет прочтение комедии Грибоедова через призму гинекратического мифа эпохи русского Просвещения, что позволит проследить не только функционирование, но и трансформацию культурного мифа XVIII в. в художественном дискурсе драматургического произведения.

Среди культурных кодов XVIII века, используемых Грибоедовым в комедии, доминирует код Екатерины Великой. Аппеляция драматурга к исторической фигуре привлекает внимание к проблеме «женщина и политическая власть», авторское отношение к которой раскрывается в пьесе на разных смысловых и оценочных уровнях. Так, в первом действии комедии историко-культурный контекст «золотого века» представлен имплицитным образом Екатерины Великой. Самой показательной аллюзией на императрицу являются известные слова Чацкого, обращенные Софье: *А тетушка? Все девишкой Минервой? / Все фрейлиной Екатерины первой? / Воспитанниц и мосек полон дом?* [3, с. 49]. Исследователи неоднократно указывали на алогизм фразы Чацкого: никакая фрейлина Екатерины I не могла ее пережить на 100 лет. В литературоведении существуют разные толкования этой оговорки: в ней усматривают остроту, нацеленную на Амфису Ниловну Хлестову, тетушку Софьи (В.А. Филиппов), «понятный лишь Софье намек» по поводу молодящейся тетушки (С.А. Фомичев), отсылку к эпохе Екатерининского цар-

ствования (Е.В. Пчелов). Однако с точки зрения заявленной темы оговорка грибоедовского героя получает дополнительные коннотации: её можно рассматривать в качестве ключевого элемента в создании гинекратического подтекста в шутке Чацкого. Сопоставление тетушки Софьи одновременно с Минервой и фрейлиной Екатерины I – это не только добродушная насмешка Чацкого в адрес родственницы его возлюбленной на эксплицитном уровне текста, но и, как верно заметил Е.В. Пчелов, имплицитная отсылка к Екатерининскому «золотому веку». Подтекст высказывания героя оказывается гораздо богаче и шире, чем его текст. Известно, что в период своего царствования Екатерина Великая позиционировала себя как «торжествующую Минерву». В отличие от своих предшественниц, она подняла эту аллессию на принципиально новый уровень: Минерва не только символически воплощала те или иные стороны жизни страны, не только означала императрицу, но и безраздельно отождествлялась с ней. В этом смысле античный антропоним в реплике Чацкого отсылает реципиента к традиции государственного мифотворчества XVIII в., в котором Екатерина-Минерва воплощала собой идеальный образец русской женщины, умеющей «подать и реализовать ставший мужественным характер в форме вечно-женственного» [4]. Эта андрогинность русских императриц подчеркивает Е.Е. Приказчикова – исследователь культурных мифов в русской литературе второй половины XVIII – нач. XIX вв., – является важнейшей составляющей гинекратического мифа русского Просвещения [5, с. 42-43]. Римская богиня Минерва, сочетающая в себе феминные и мускулинные свойства (она одновременно богиня мудрости и богиня-воительница), становится репрезентантом гинекратического мифа Екатерининского правления в пространстве русской культуры эпохи Просвещения. Эффектные образы Екатерины-Минервы, покровительствующей науке и искусству, созданы в своих одах М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, В.В. Петров: *Не дорожа твоим покоем / Читаешь, пишешь пред напоем / И всем из твоего пера / Блаженство смертным проливаешь* [6, с. 74]; *Иль где в сиянии короны / Премудрость подает законы, / Восстань, Платон, и посмотри: / У нас Минерва на престоле, / Её покорствуем мы воле, / Ей ставим с верой алтари* [7, с. 399]. В окружении Муз и Добродетелей она изображена на полотне итальянского живописца Стефано Торелли «Екатерина в образе Минервы, покровительница искусств», скульптурной композиции Ж.-П.-А. Тассара «Екатерина II в образе Минервы, восстанавливающей искусства на руинах античности».

Другая ипостась Екатерины – это богиня-воительница, не уступающая доблести Марса: *Минерва росса громы мечет, / Стамбул во ужасе трепещет* [8, с. 72], – с восторгом пишет А.П. Сумароков о Екатерине в торжественной оде на взятие Хотина. Подобная номинация русской императрицы имеет место и в медалях И.-Л. Эксклейна, И. Егера и И. Гасса, изготовленных в честь военных побед России над Турцией. Одическая традиция аллегорической презентации Екатерины Великой как Минервы сохраняется и в первой трети XIX столетия. В этом смыс-

ле показательно отношение П.А. Вяземского к императрице. Поэт довольно иронически высказывался о занятиях женщин политикой, но при этом высоко ценил государственную деятельность Екатерины II. В стихотворении «Петербург» (1818г.) он пишет о «блестящем веке» Екатерины Великой в комплиментарной манере: *Минервы нашей ум Европу изумлял: / С успехом равным он по свету рассыпал / Приветствие в Ферней, уставы самодетам, / Иль на пути в Стамбул открытый лист победам. / Полсветом правила она с брегов Невы / И утомляла глас стоустныя молвы* [9, с. 113].

В отличие от своего современника Грибоедов разрушает одическую традицию ХШ столетия. Драматург использует в *Горе от ума* образ римской богини с целью демифологизации Екатерины как государыни. Существенным представляется в шутильном высказывании Чацкого о тетушке Софьи упоминание «воспитанниц» и «мосек». В своем стилистическом осуществлении ирония локализуется в этих двух словах: первое из них подразумевает знаменитый Смольный институт, основанный русской императрицей для образования и воспитания женщин «новой породы», способных сделать блестящую придворную карьеру; второе – связано с Екатерининской модой на маленьких комнатных собачек. Известно, что многочисленные любимые левретки жили в личных покоях государыни и спали на мягких подстилках, сшитых из ее старых собольих шуб. Игра неравноценными по своему содержанию культурными стереотипами выступает как одна из форм иронической оценки Грибоедовым феминных проявлений Екатерины-монарха, образ которой в начале пьесы приобретает пародийный оттенок.

Небезынтересно отметить, что содержание реплики Чацкого не ограничивается двумя семантическими слоями. Немаловажное значение имеет и то, что многозначная шутка обращена к Софье, чье имя, как и Минервы, означает «мудрость». Чацкий сознательно вовлекает свою возлюбленную в некую интеллектуальную словесную игру, от исхода которой зависит решение собственной логической загадки: кто она, Софья, спустя три года – разумная девушка, способная, как и раньше, понять и оценить шутку своего единомышленника, или его оппонент, отягощенный наследием «века минувшего».

По ходу развития идеологического конфликта снисходительно-насмешливое отношение Чацкого к Екатерине и ее государственной деятельности сменяется инвективой, которая становится главным средством выражения взглядов героя на «минувший век», являющийся идеалом для Фамусова и его поколения. Мифологизация «Минервина века» в словах Фамусова достигает гротеска, когда он ставит в пример своему племяннику Максиму Петровича, с образом которого в комедию входит тема фаворитизма. Е.Е. Приказчикова отмечает, что вопрос о статусе мужчины в «женском» мире был главным вопросом в контексте гинеκραтического мифа русской литературы эпохи русского Просвещения. «До второй половины XVIII века образ фаворита не воспринимался в качестве литературной темы, тем более, поэтической», – пишет исследователь, а в эпоху «Торжествующей Минервы», когда институт фаворитов из альковной тайны превратился «в открытое, почти государственное учреждение», этот культурно-исторический феномен нашел широкое отображение в панегирической поэзии XVIII столетия [5, с. 44]. Центральное место в одическом пантеоне принадлежало знаменитым фаворитам Екатерины II – графу Г. Орлову и «светлейшему князю» Г. Потемкину. Орлов в героическом ореоле изображен в поэтических текстах М. Хераскова («Чесмесский бой»), Г. Державина («Афинейский витязь»). «Мифологические и античные проекции Орлова как бога Марса, нового Сципиона творят в культурном пространстве русской словесности миф о *герое-фаворите*» [5, с. 44]. В случае с Потемкиным актуализируется культурный миф о просвещенном покровителе поэзии. В поэтических панегириках А. Сумарокова («Ода Григорию Александровичу Потемкину», «Двадцать две рифмы»), В. Майкова («Его высокопревосходительству Григорию Александровичу Потемкину», «Сонет графу Григорию Александровичу Потемкину 1775 года сентября 30 дня») преимущественно отмечаются заслуги Екатерининского фаворита как просветителя и покровителя русских поэтов: он – *Любитель чистых муз, наперсник Аполлона* и *истинный российский Меценат*.

Однако служилое дворянство во имя процветания Отечеству во времена Екатерины II постепенно выродилось в свою противоположность – «службу не делу, а лицам». Поэтому о любимцах Екатерины II писали не только в хвалебном, но и в сатирическом ключе. «Героям-фаворитам» в одической поэзии противопоставлялись «ничтожные» (А. Ланской, А. Мамонов, П. Зубов) в мемуарно-эпистолярной литературе («Записки» Е. Дашковой, «Записки» Г.Р. Державина), «шуты, шпыны

и балагуры» в журнальных статьях Д. Фонвизина («Несколько вопросов, могущих возбудить особое внимание»).

Сатирическую традицию изображения «вельможи случая» эпохи русского Просвещения продолжает развивать Грибоедов в «Горе от ума». «Великий» дядя Фамусова как раз из того «полка шутов», всяма умеющих угождать «матушке Государыне»: *упал он больно, встал здорово*. Статус фаворита Максиму Петровичу обеспечен монаршей милостью и подкреплен карьерным ростом (*при государыне служил Екатерине, в чины выводит, пенсии дает*), титулами (*весь в орденах*), личным благосостоянием (*он не то на серебре, / На золоте едал*). Достойным приемником дяди Фамусова в пьесе является Молчалин. Его притворная любовь в угоду дочери своего начальника и благодетеля, в спальню которой он ходит как на службу, а также холуйство перед влиятельными лицами есть проявление в «веке нынешнем» усвоенной житейской философии Екатерининского времени – «быть в случае».

Тема фаворитизма соотносится с одним из центральных мотивов пьесы – мотивом ложного ума. Панегирик Фамусова о былом умении жить провоцирует язвительные филиппики Чацкого. В его развернутых высказываниях «золотой век» Екатерины – эпоха торжества ложной мудрости, сущность которой определяют раболепство придворных *охотников поподличать везде*, пиры в *великолепных палатах с роскошными забавами* и бесправие крепостных, равных по своему положению животным. *Времена Очаковские и покоренья Крыма* как воспетая героическая страница Екатерининской истории ушли в прошлое, оставив после себя в измельчавшем обществе ее почитателей, продолжающих *сужденья черпать из забытых газет*.

Наступление конца гинеκραтического мифа, связанного с эпохой «Торжествующей Минервы», олицетворяет в грибоедовской пьесе Графиня бабушка. По оригинальной версии Е.В. Пчелова, она являет собой живое воплощение Екатерины. Фокусируя внимание на немецком акценте Графини (*он пешит, все в страхе, влопыхах*), употребление слов, характерных для Екатерининского времени (*бусурманы, фармазон, вольтерьянец*), собственном наименовании персонажа – она «бабушка», чьим заветам и традициям был верен внук императрицы – Александр I, исследователь резюмирует: в сатирическом апогее третьего действия «сам образ императрицы, незримо присутствующий ранее, обретает реальные черты стареющей и не понимающей новые времена графини» [10, с. 309]. Действительно, финальные слова Графини бабушки – *Поетем, матушка, мне, прафо, не под силу, / Когда-нибудь я с пала та в могилу* [3, с. 109] – оказываются созвучными как по семантике, так и по эмоциональному настрою стихам из оды А.Н. Радищева «Вольность»: *Блестящий меч повержнет славы, / Минервин храм стал обветшалый* [11, с. 4]. В своей совокупности они намечают конец безраздельному господству ореола, осенявшего образ Минервы-Екатерины II.

Эпоха Минервы уходит в небытие, но ее гинеκραтическое наследие, выйдя за пределы императорского двора, прочно укоренилось в частной и общественной жизни, что убедительно продемонстрировал в своей комедии Грибоедов. Москва в изображении драматурга – это суровый синклит женщин, под диктатором которых находятся мужчины. Во главе женского ареопага, имеющего свою внутреннюю иерархию, стоят «государственные дамы», от расположения которых во многом зависит протекция по службе и общественное мнение. К таким влиятельным женщинам в московском обществе относится Татьяна Юрьевна, у ней «*чиновные и должностные* – / *Все ей друзья и все родные*» [3, с. 83]. В первой редакции о ее муже было сказано: *...занимает пост из первых в государстве... / С женой в ладу, по службе ею дышит, / Она прикажет, он подпишет*. В своих комментариях к «Горе от ума» С.А. Фомичев отмечает, что прототипом этого женского персонажа была некая Прасковья Юрьевна Кологривова, «прославившаяся особенно тем, что муж ее однажды спрошенный на бале одним высоким лицом, что он такой, до того растерялся, что сказал, что он муж Прасковьи Юрьевны, полагая, вероятно, что это звание важнее всех его титулов» [12]. Подобная комическая ситуация еще ранее была обыграна в пьесе Д. Фонвизина «Недоросль», где в одной из сцен родственники Простаковой представляют Стародуму аналогичным образом: *Я сестрин брат, Я женин муж, А я матушкин сынок*. Данная типологическая параллель отражает характерный дух эпохи – дух торжества «российского матриархата». Как для Фонвизина, так и для Грибоедова этот историко-культурный феномен становится объектом комического изображения. Расширяя представления о принципах дворянского общежития и участия в нем женщин, автор «Горе от ума» использует прием восходящей градации, посредством которого он усиливает образ «государствен-

ной дамы» Татьяны Юрьевны еще более влиятельным лицом для московского окружения – Марьей Алексеевной. Финальная реплика: *Ах! боже мой! Что станет говорить / Княгиня Марья Алексеевна!* [3, с. 130] передает безграничную власть женщин над мужчинами.

Мужчины находятся не только в общественной, но и семейной зависимости от женщин, возложивших на себя мужские функции – быть главными в доме. Положение мужчин в семье точно определил Чацкий: *Муж-мальчик, муж-слуга из жениных пажей – / Высокий идеал московских всех мужей* [3, с. 129]. Продолжая сатирические традиции Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, Грибоедов создает комические персонажи женщин, которые в его портретных зарисовках, как и у его предшественников, уподоблены мужскому племени. Советница из комедии «Бригадир», Простакова из «Недоросля» являются предтечей образов Натали Дмитриевны Горич, княгини Тугоуховской, которые имплицитно реализуют значение метафоры: военачальник в юбке. Метафорическое моделирование женских персонажей осуществляется через их речевое и опосредованное поведение, основу которого составляет приказ, обращенный к мужчине и требующий беспрекословного выполнения. Бывший военный, Платон Михайлович вынужден признать, что теперь он является «работником» своей супруги на балах: *Тебе в удобность, как ни грустно, / Пускаюсь по команде в пляс* [3, с. 110]. Авторитарный стиль женского поведения наиболее ярко раскрывается через интонационный рисунок их энергичных и волевых реплик. Внешняя заботливость Натали Дмитриевны о муже по сути представляет распоряжения, предполагающие немедленное выполнение действия: *Ах, мой дружок!... / Ты распахнул весь и расстегнул жилет... Мой милый, застегнись скорей... / Да отойди подальше от дверей, / Сквозной там ветер дует назад!* [3, с. 88-89]. Выразительные штрихи к портрету Платона Михайловича – его заключительные слова и авторские ремарки: *Лакей (с крыльца) В карете барыня-с и гневается изволит. / Платон Михайлович (со вздохом) Иду, иду* [3, с. 110]. «Здесь не только от слов, – отмечает Г.О. Винокур, – но о и от ритма заключительной строчки, образуемой ею рифмы, призванной заменить собой недосказанную мысль, веет той тоскливой и вместе с тем комической безнадежностью, в духе которой выдержан весь этот образ» [13, с. 273].

Еще в большей степени авторитарность проявляется у княгини Тугоуховской, которая, словно на маневрах, приказывает своему мужу строго перемещаться в заданном направлении: *Князь, князь, сюда. – Живее. Князь, князь! Назад!* [3, с. 90-91]. Для создания комического эффекта Грибоедов выбирает такие побудительные словесные формы, семантически эквивалентные командам «Смирно», «Марш», «Отставить». В этом смысле показательна и фамусовская похвала московским дамам с применением скалозубовских выражений: *А дамы?... / За картами когда восстанут общим бунтом, / Дай Бог терпение... / Скомандовать велите перед фрунтом! / Присутствовать пошли-те их в Сенат! / Ирица Власьевна! Лукерья Алексеевна! / Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андреевна!* [3, с. 64]. Императивная и военная лексика грибоедовских стихов в сочетании с парно рифмующимися женскими именами вызывают ассоциацию с женским победоносным маршем в честь «захвата» мужчин. Единственный, кто не подчинен московскому матриархату – это Чацкий, для которого дамское угодничество унижительно. Его саркастическое замечание Молчалину: *Я езжу к женщинам, да только не за этим* [3, с. 83], – выражает одновременно и реакцию Грибоедова на статусные новации русского «женского общества».

Таким образом, автор «Горе от ума» последовательно разрушает в комедии панегирическую традицию гинеκραтического мифа, сложившуюся в культуре русского Просвещения. В условиях меняющейся социокультурной ситуации Грибоедов, идя вслед за Новиковым, Фонвизиным, Радищевым, критически переосмысливает главную составляющую мифа XVIII века – андрогинность русской женщины, которая привела к изменению социальных ролей, нарушению патриархальных гендерных схем. А.А. Бестужев-Марлинский в своих мемуарах вспоминает рассуждения драматурга на тему женского доминирования в обществе: «... если бы мельница дел общественных меньше вертелась от вееров, дела шли прямее и однообразнее, места не доставались по связям родственников или меценатов в чепчиках... покой браков был бы прочнее, а дети умнее и здоровее» [14, с. 53-54]. Как видим, феминность осознавалась А.С. Грибоедовым как духовная, социальная и политическая проблема эпохи безвременья Александра I.

Библиографический список

1. Анисимов, Е.В. Женщины у власти в XVIII веке как проблема // Вестник истории, литературы, искусства. – М., 2005.
2. Тынянов, Ю.Н. Сюжет «Горе от ума» // Пушкин и его современники. – М., 1969.
3. Грибоедов, А.С. Сочинения. – М., 1988.
4. Ильин, И.А. О вечно-женственном и вечно-мужском в русской душе // Собр. соч.: в 10 т. – М., 1997. – Т. 6. – Кн. 3.
5. Приказчикова, Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2010.
6. Державин, Г.Р. Фелица // Сочинения. – СПб., 2002.
7. Петров, В.П. На сочинение нового Уложения // Поэты XVIII века: в 2 т. – Л., 1972. – Т. 1.
8. Сумароков, А.П. Ода государыне императрице Екатерине Второй на взятие Хотина и покорения Молдавии // А.П. Сумароков. Избранные произведения. – Л., 1957.
9. Вяземский, П.А. Петербург // Стихотворения. – Л., 1958.
10. Пчелов, Е.В. Образ и эпоха Екатерины Великой в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» // Е.Р.Дашкова: Великое наследие и современность. – М., 2009.
11. Радищев, А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. – М.; Л., 1952. – Т. 1.
12. Фомичев, С.А. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий. – М., 1983.
13. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
14. Грибоедов, А.С. Его жизнь и гибель в мемуарах современников. – Л., 1929.

Bibliography

1. Anisimov, E.V. Zhenthinin u vlasti v KhVIII veke kak problema // Vestnik istorii, literaturih, iskusstva. – M., 2005.
2. Tihyanov, Yu.N. Syuzhet «Gore ot uma» // Pushkin i ego sovremenniki. – M., 1969.
3. Griboedov, A.S. Sochineniya. – M., 1988.
4. Iljin, I.A. O vечно-zhenstvennom i vечно-muzhskom v russkoy dushe // Sobr. soch.: v 10 t. – M., 1997. – T. 6. – Kn. 3.
5. Prikazchikova, E.E. Kul'turniye mifih i utopii v memuarно-ehpistol'yarnoy literature russkogo Prosvetheniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Ekaterinburg, 2010.
6. Derzhavin, G.R. Felica // Sochineniya. – SPb., 2002.
7. Petrov, V.P. Na sochinenie novogo Ulozheniya // Poetih KhVIII veka: v 2 t. – L., 1972. – T. 1.
8. Sumarokov, A.P. Oda gosudarhne imperatrice Ekaterine Vtoroy na vzyatie Khotina i pokoreniya Moldavii // A.P. Sumarokov. Izbranniye proizvedeniya. – L., 1957.
9. Vyazemskiy, P.A. Peterburg // Stikhotvoreniya. – L., 1958.
10. Pchelov, E.V. Obraz i ehpkha Ekaterinih Velikoy v komedii A.S. Griboedova «Gore ot uma» // E.R.Dashkova: Velikoe nasledie i sovremennostj. – M., 2009.
11. Radithev, A.N. Poln. sobr. soch.: v 3 t. – M.; L., 1952. – T. 1.
12. Fomichev, S.A. Komediya A.S. Griboedova «Gore ot uma». Kommentariy. – M., 1983.
13. Vinokur, G.O. Izbranniye rabotih po russkomu yazhku. – M., 1959.
14. Griboedov, A.S. Ego zhiznj i gibelj v memuarakh sovremennikov. – L., 1929.

Статья поступила в редакцию 19.12.12

УДК 821.161.1

Hizribekova A.K. SUBJECT, OBJECT AND PREDICATE IN AVAR PROVERBS, PACKAGED IN A TWO-PART PROPOSAL. In the present article questions of research of syntax Avarian paremiya are considered. Materials, given in work, represent a great interest in respect of linguistic studying of paremiya of Avarian language.

Key words: *paremias, Avar, Dagestani language, subject, object, predicate, dvusostavnye suggestions.*

А.К. Хизрибекова, доц. каф. теоретических основ и технологий начального языкового образования, факультет начальных классов ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: timur.60@mail.ru

СУБЪЕКТ, ОБЪЕКТ И ПРЕДИКАТ В АВАРСКИХ ПАРЕМИЯХ, ОФОРМЛЕННЫХ В ВИДЕ ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В настоящей статье рассматриваются вопросы исследования синтаксиса аварских паремий. Материалы представляют большой интерес в плане лингвистического изучения паремий аварского языка.

Ключевые слова: *паремии, аварский, дагестанские языки, субъект, объект, предикат, двусоставные предложения.*

Объектом исследования в настоящей работе является материал, до сих пор не подвергавшийся анализу с точки зрения синтаксиса – пословицы и поговорки аварского языка. Актуальность темы обусловлена, в первую очередь, тем, что аварские пословицы и поговорки до сих пор мало исследованы, особенно в лингвистическом плане. Многие фундаментальные вопросы лингвистического изучения пословиц и поговорок дагестанских языков, в том числе и аварского языка, все еще остаются неизученными и до конца невыясненными. Это обстоятельство обуславливает необходимость исследования проблем, связанных с пословицами и поговорками. Научная новизна исследования определяется, прежде всего, тем, что данное исследование представляет собой попытку специального исследования синтаксиса паремий аварского языка. Результаты настоящего исследования могут быть использованы при разработке проблем и вопросов, связанных с исследованием паремиологического фонда народов Дагестана в лингвистическом аспекте.

Как известно, и в русском, и в дагестанских языках предметом синтаксиса является слово, но в его отношениях и связях с другими словами в речи. Именно в результате соединения слов, потребления их в определенных формах строятся синтаксические единицы, называемые словосочетанием и предложением. Субъект предложения выражается подлежащим. Но возможны и другие соотношения. Субъект и подлежащее, объект и дополнение, предикат и сказуемое определенным образом и соотносительны между собой. Но они не являются тождественными. Подлежащее и дополнение – это члены предложения, представленные определенными словами, а субъект и объект – это не члены предложения, не слова, а предметы мысли, которые находят отражение в предложении, но сами остаются вне структуры предложения.

«Задача пословицы – не просто передать обобщение, выразить, то, что наблюдал народ, то, чему он хочет научить, а сделать это в самой сжатой форме» [1, с. 10]. Стремлением к предельно сжатой форме и обусловлено единообразие приемов, однородный выбор лексических и стилистических средств. Пословицы и поговорки издавна считались сокровищницей народной мудрости, средоточием человеческого опыта, источником общепонятных образов и языковых метафор. Отражая народные представления о добре и зле, окружающем мире, человеческих отношениях и выражая их в чеканных словесных формулах, пословицы и поговорки «органично совмещают в себе достоинства народной энциклопедии, поэтических шедевров и неотразимых в своём изяществе фигур ораторского искусства» [2, с. 3]. Народ смело переводит слово из одной морфологической категории в другую. Пословица не всегда сочетается и с обычными нормами синтаксиса. Говоря о влиянии всей системы языка на оформление пословиц, нужно учитывать не только лексические, но и структурно-грамматические особенности пословиц конкретного языка. Существенно в данном случае то, что пословица оформляется как предложение. На этом и основывается дальнейшее рассмотрение связи оформления пословиц с системой языка и с их функционированием в речи.

Для правильной разработки многих аспектов синтаксиса дагестанских языков очень важное значение имеет выяснение в них структуры **простого предложения**.

Дагестанским языком, как и другим иберийско-кавказским языком, характерно наличие двух основных конструкций предложения: номинативной и эргативной, что обусловлено различным построением предложений с переходной и непереходной формами глагола (при непереходном глаголе субъект действия ставится в именительном падеже, при переходном – в эргативном).

При **номинативной** конструкции предложение состоит из двух главных членов: подлежащего (субъекта), выраженного именительным падежом имени, и сказуемого (предиката), выраженного непереходным глаголом. При **эргативной** конструкции он состоит из трех главных членов: подлежащего (субъекта), выраженного эргативным падежом имени, прямого дополнения в именительном падеже (объекта) и сказуемого (предиката), выраженного переходным глаголом. Кроме этих двух основных конструкций, в дагестанских языках различаются еще и другие: **безличная, дативная, генитивная, локативная**.

Аварский язык относится к языкам эргативного строя. Поэтому в предикативную основу предложения может входить два или три компонента. Двухкомпонентные предикативные основы имеют предложения номинативной структуры. Трехкомпонентными структурами предикативной основы характеризуются предложения эргативной, дативной (аффективной), посессивной, локативной структур. Все эти типы основ встречаются и в пословицах. Рассмотрим некоторые из них.

Номинативная конструкция предложения формируется непереходным глаголом или неглагольным сказуемым. Подлежащее (субъект) бывает выражено именем в именительном падеже.

В предложениях с глагольным типом сказуемого глагол (предикат) в классе (если классный глагол) согласуется с подлежащим (субъектом). Такими являются пословицы: *Рихъарал хьытал – х1атазе къварилъи, кешаб мац1 – бот1рое къварилъи*. «Рваная обувь – беда для ног, плохой язык – беда для головы». *Чу рильгъадасан лъала, чи раг1удасан лъала*. «Коня узнают по езде, человека – по словам».

В предложениях номинативной структуры в качестве предиката часто встречается именным тип сказуемого, выраженно существительным в именительном падеже, при этом предикативный суффикс присоединяется непосредственно к форме именительного падежа. Например: *Замана – тохтир*. «Время – лекарь». *Барщараб роль – ц1а*. «Поспевшее зерно – пожар». *Ракъ – месед*. «Земля – золото».

В номинативных конструкциях аварских паремий в качестве подлежащего встречаются и субстантивированные причастия или прилагательные: *Бугелатан – къарумал*. «Чем более имущий (богаче), тем жаднее». *Лъикл1ри гъабурасе – жиндиего, кешл1и гъабурасе гъебги жиндиего*. «Сотворивший добро – себе, сотворивший зло – тоже себе».

Эргативная структура предложения в аварском языке характеризуется: 1) наличием переходного (активного, агентивного) глагола в роли предиката; 2) выражением субъекта (агенса) родительным активным падежом; 3) выражением объекта именем в именительном падеже.

Эргативная конструкция может быть полной и неполной структуры, может отсутствовать объект, который подразумевается как обобщенный, обозначающий все, что семантически согласуется с глаголом, например: *Х1амица – гъабула, чоца –*

кванала. «Осел дедает, лошадь съедает». *Нильерго гъвеца х1ан-ч1ч1ч1они, чияр бац1ица квер хъваларо*. «Если своя собака не укусит, чужой волк не тронет».

В первом предложении объект множественный, обобщенный (осел производит все, что потом лошадь съедает), во втором случае единичный объект, т.к. объектом этих глаголов является *лъак1* «шаг».

В позиции субъекта в пословицах эргативной структуры встречаются и названия предметов. Они совмещают в себе и значение орудийности: *Гьит1инаб г1ошт1оца к1удияб гъвет1 къот1улеб*. «Маленький топор рубит большое дерево». *Ц1одороб раг1уца хвалченги цин ч1езабула*. «Умное слово сабли останавливает».

Дативная конструкция в аварском языке формируется предикатами со значением восприятия, чувства, желания, необходимости, эмоционального отношения. Примеры: *Бах1арчиясе бах1арчияги, чое ц1алги кидаго батилеб*. «Герою герой и лошади кнут всегда найдутся». *Мац1азе ахир – гъалмагъар*. «Сплетням конец – скандал». В пословицах названия лиц, имена встречаются не так часто. Например: *Айдемирие рах1ат ва рохел, Айзанатие – маг1у ва къварилъи*. «Айдемиру удовольствие и радость, а Айзанат – слезы и печаль». *Нич – Г1айшатие, ц1ал – Г1ашурае*. «Позор для Айшат, плети – Ашуре» [3].

Предложения локативной структуры характеризуются тем, что в роли субъекта в них выступает имя в одном из локативных падежей, а предикат, в зависимости от семантики, выражен

разными словами: *Чода лъала жиндирго бет1ергъанасул лъак1*. «Лошадь знает шаг своего хозяина». Чаще в позиции субъекта встречаются названия животных: *Бакъараб г1анк1ида роль макъиль бихъула*. «Голодной курице пшено снится».

В литературе в качестве локативной структуры рассматривается в основном один тип предложения, в котором предикат выражен сочетанием инфинитива, основного глагола: *гъабизе* «делать», *лъугъине* «случиться» и т.д. В таких конструкциях зачастую отсутствует имя субъекта, действие воспринимается обобщенно. С этим же падежом встречаются предложения, обозначающие нечаянное действие субъекта. Глагол – сказуемое при этом выражено непереходным глаголом, а объект – именем в именительном падеже. Такие конструкции составляют особый залог, например: *Цо-цо хъатла ханасулеги кколеб*. «Иногда ошибается и у хана».

Глагол *кколеб* «случается» встречается в локативной структуре в значении глагола-связки. В таких конструкциях субъект выражен именем в аблативе первой серии (серии суперэссива), а сказуемое выражено существительным в именительном падеже: *Бечелъи бук1ун – гъардохъаби, росу бук1ун – рухъ гъеч1ел* «Имея добро – голодранцы, имея село – бездомные».

Таким образом, в аварских паремиях встречаются структуры всех типов, свойственные аварскому языку, где субъект и подлежащее, объект и дополнение, предикат и сказуемое определенным образом и соотносительны между собой.

Библиографический список

1. Назаревич, Ф.А. Пословицы и поговорки народов Дагестана. – Махачкала, 1997.
2. Тарланов, З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. – Петрозаводск, 1999.
3. Алиханов, З.М. «Авар халкъиял кичаби ва абиял» («Аварские народные пословицы и поговорки»). – Махачкала, 1974.

Bibliography

1. Nazarevich, F.A. Poslovicij i pogovorki narodov Dagestana. – Makhachkala, 1997.
2. Tarlanov, Z.K. Russkie poslovicij: sintaksis i poetika. – Petrozavodsk, 1999.
3. Alikhanov, Z.M. «Avar khalkjhiyal kicabi va abiyal» («Avarskie narodnihe poslovicij i pogovorki»). – Makhachkala, 1974.

Статья поступила в редакцию 17.02.13

УДК 821.161.1

Shabaeva L.A., Magomedova S.A. HUMANISTIC PATHOS TO DRAMATURGIES A.-P. SALAVATOVA (ON EXAMPLE OF THE PLAY «KARACHACH»). In article is analysed play A.-P. Salavatova «Karachach» («Chernokosaya»), which was for the first time put(deliver)ed in 1949, after ruin of the author on front in 1942. The Main attention is spared humanistic idea good, mercy and eternal subjects such as friendship, faithfulness, love.

Key words: *dramaturgy, play-fairy tale, humanistic ideas, eternal subjects, good, mercy, love, friendship, faithfulness, national idea.*

Л.А. Шабеева, канд. филол. наук, доц., зав. каф. дагестанской литературы, ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: leilatarki@mail.ru; **С.А. Магомедова**, канд. филол. наук, доц. каф. дагестанской литературы, ФГБОУ ВПО «Дагестанский гос. педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: leilatarki@mail.ru

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПАФОС ДРАМАТУРГИИ А.-П. САЛАВАНОВА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ «КАРАЧАЧ»)

В статье анализируется пьеса А.-П. Салаванова «Карачач» («Чернокосая»), которая впервые была поставлена в 1949 г., после гибели автора на фронте в 1942 году. Основное внимание уделяется гуманистическим идеям добра, милосердия и вечным темам, таким как дружба, верность, любовь.

Ключевые слова: *драматургия, пьеса-сказка, гуманистические идеи, вечные темы, добро, милосердие, любовь, дружба, верность, национальная идея.*

А.-П. Салаванов – это известный кумыкский драматург, один из основоположников, наряду с А. Курбановым, дагестанской героической драмы. А.-П. Салаванов, как известно, является автором трех пьес: «Красные партизаны», «Айгази» и «Карачач». Наряду с пьесами, насыщенными идеями социальной и классовой борьбы, он создал пьесу «Карачач», пронизанную идеями борьбы добра и зла.

Его творчество приходится на 20-30-е годы прошлого столетия. 30-е годы были очень бурным временем массовой борьбы по ликвидации безграмотности, всеобщего обязательного обучения, культсанштурма. Издавались газеты, книги, различные поэтические сборники. Была созданы Кумыкский и другие нацио-

нальные театры. В Дагестан приезжали бригады русских писателей из Москвы в составе Н. Тихонова, В. Луговского, П. Павленко и других. Состоялся I съезд дагестанских писателей.

С одной стороны, это была атмосфера активного творчества, бурного развития дагестанской литературы. Но с другой стороны, это был с конца 20-х годов период жестких регламентаций в области художественного творчества и период массовых репрессий. А. Акаев, Б. Астемиров, А. Тахо-Годи, Р. Нурув, Г. Гаджибеков, Т. Бейбулатов и многие другие были репрессированы. И все эти репрессии, видимо, драматически сказывались на внутреннем состоянии писателей и А.-П. Салаванова, так как многие из них были для него бесконечно дороги. В 30-е годы в

советской литературе утверждается основополагающий ее метод соцреализма, с его незыблемыми принципами партийности, классовости, интернационализма.

В условиях жестких регламентаций 30-х годов XX века некоторые писатели в поисках идей добра и милосердия обращались к сказочным и другим фольклорным, а также классическим литературным сюжетам, в которых разрабатывались общечеловеческие проблемы. Отдельные дагестанские писатели переключились от проблем революционной борьбы, связанной с переделкой действительности и перевоспитанием сознания людей в духе социализма, к давно отвергнутым официальной идеологией общечеловеческим темам добра, милосердия и любви [1, с. 6].

В этот период и А.П. Салаватов в поисках идей добра и милосердия обращается к сказочному сюжету и пишет пьесу «Карачач» («Чернокосая») в 1940 году по мотивам одноименной кумыкской сказки. Впервые эта пьеса была поставлена в 1949 г., после гибели автора на фронте в 1942 г.

Исследователи называют «Карачач» пьесой – сказкой, т.к. в ее повествовании реальное сочетается с фантастическим, наряду с реальными людьми присутствуют черти и ведьмы.

С. Говоров отмечает, что «пьеса «Карачач» насыщена глубокой любовью драматурга к народу, неиссякаемой верой его творческое могущество, богата тщательной обрисовкой сценических образов, отмечается четкой расстановкой классовых сил, оригинальностью обработки сюжета, яркой и интересной фабулой и прекрасным литературным языком» [2, с. 90].

В пьесе автор затрагивает такие «вечные темы», как дружба и верность. Он блистательно раскрывает тему зависти и коварства на материале национальной жизни. Все три пьесы А.-П. Салаватова на русский язык перевел и опубликовал доктор филологических наук, профессор К.И. Абуков, а перевод поэтических текстов пьес осуществил доктор филологических наук, профессор К.Г. Ханмурзаев.

Сюжет пьесы «Карачач» был заимствован Салаватовым из родного фольклора. Но в этой пьесе, по мнению К. Абукова, А.-П. Салаватов пошел дальше фольклорного сюжета: «в его сказке больше социальной конкретики, больше земных начал, переосмысленных и окрашенных в сказочные тона... «Карачач» – это явление вневременное, надклассовое, т.к. в ней затронут глобальный вопрос бытия – вопрос о природной, изначальной сути человека...» [3, с. 29].

Сказки, подобные сказке о Карачач, поборнице добра и справедливости, как считал С. Говоров в своей книге «Кумыкский театр», широко бытуют у многих народов, сюжеты их в большинстве случаев схожи между собой и повествуют об извечной борьбе молодого, благородного, справедливого начала в жизни со старым, одряхлевшим, отмирающим. Авторы «Истории дагестанской советской литературы», в частности, Зульфугарова М.И., называют пьесу «Карачач» «пленительной поэтической сказкой, утверждающей верность, дружбу, высокие моральные качества человека» [4, с. 199].

Пьеса «Карачач» состоит из пролога и трех актов. В прологе пьесы, из монолога Месей (это жена бедняка Касыма), мы узнаем о том, что ей приходится воспитывать двух дочерей Касыма Карачач и Ажий, и это обстоятельство ее очень тяготит. И она, недолго думая, решает избавиться от них. Месей заманивает ничего не подозревающих детей под тутовое дерево, подстраивает все так, что девочки проваливаются в глубокий ров, откуда им не выбраться.

Затем действие переносится в ханский дворец. А здесь свои проблемы. Хан одинок в своих хоромы, у него нет детей. «Сорок одну женщину я осчастливил, взяв в жены, но ни одна из них не родила мне наследника», – говорит он. К тому же хан опечален еще и тем, что его жеребцы чахнут день ото дня, хотя

по его приказу их кормят хурмой и шербетом. И он ищет причину всех своих бед... Хан советуется со своим везиром, кадием, но они не могут ему ничем помочь. Вдруг происходит затмение и появляется черт с разбойником. Разбойник в разговоре с ханом представляется защитником обиженных и обездоленных, а хана упрекает в равнодушии к судьбам других людей, в частности, бедняка Касыма, у которого «жена сгубила его детей, и он, бедняга, покинув свой дом, бродит подобно волку, отбившемуся от стаи. И никто не сочувствует горю человека», – говорит разбойник. Здесь автор устами разбойника призывает людей к сочувствию к чужому горю, к состраданию, к доброте. А черт советует хану допросить Месей. «Эта женщина, – говорит он, – хитрее чертей и коварнее дьяволов. В грязь и крови она утопает, может, и к твоей беде она причастна», – говорит черт.

Хан вызывает к себе Месей и дает ей три дня срока, чтобы она разгадала тайну его конюшни. Но эту тайну разгадывает молодой юноша по имени Гайдарбек, который приводит к хану сестер Карачач и Ажий и просит его быть к ним снисходительным, так как они были сброшены в ров, и только чувство голода вынудило их есть корм, предназначенный для ханских лошадей.

Карачач и Ажий просят у хана прощения, и они готовы служить у него во дворце прислугами. Ажий готова шить и готовить во дворце, а Карачач обещает родить хану девочку с мальчиком. В конце концов, они остаются во дворце. Хан женится на Карачач, а Ажий выходит замуж за везира. Проходит время, весь дворец ждет появления наследников, которые вот-вот должны родиться. Даже слуги радуются, поскольку надеются, что хан на радостях освободит их, подарит им свободу. Но тут сестра Карачач Ажий, притворяясь любящей сестрой, замышляет недоброе, т.к. она оказалась очень завистливой и коварной. Ажий завидует младшей сестре, поскольку она, как ей кажется, добилась большего в жизни. Ажий с помощью угроз заставляет служанку Татув совершить тяжкое преступление – она крадет новорожденных детей Карачач, а вместо них преподносит хану двух щенят. Разгневанный хан приказывает выгнать Карачач с ее щенками из дворца.

Спустя некоторое время появляются новые герои – Табулду (Найденыш) и Сувсар (Царица вод). Это дети Карачач. Оказывается, Татув пожалела детей и не убила их, как ей приказывала Ажий. Она положила их в сундук и спустила в реку.

В последнем третьем акте все герои встречаются во дворце хана. Из монолога Татув становится ясно, что она узнала детей Карачач (девушку по браслету и родинке на правой щеке, а юношу – по кинжалу с белой рукояткой из слоновой кости). Здесь встречаются Касым, Карачач и Татув – старая служанка. Карачач просит Татув найти ее детей. В это время Ажий, почувствовав неладное, натравливает хана на гостей, наговаривает на них, убеждая хана в том, что его гости задумали ограбить его, хана. Татув, желая искупить свою прошлую вину, делает все, чтобы свести Карачач с детьми, «это мой человеческий долг» – говорит она.

В конце концов, пьеса заканчивается на счастливой ноте, все счастливы, зло наказано, добро побеждает. Эта пьеса, пронизанная идеями благородства, добра и милосердия, в условиях репрессий конца 30-х годов звучала весьма актуально, она призвала людей быть верными тем идеалам, которые были выработаны человечеством тысячелетия назад. В этой пьесе развенчиваются своекорыстие, зависть, подлость – вечные и недобрые спутники людей. В современных условиях отхода литературы и искусства от принципов партийности, классовости и возвращения к национальным истокам, к национальной идее, а также к общечеловеческим гуманистическим идеям добра и милосердия, идеи пьесы «Карачач» и сегодня звучат довольно актуально.

Библиографический список

1. Абдулатипов, А.-К.Ю. Литература Дагестана и современность: перечитывая и переосмысливая // Вестник II кафедры литератур народов Дагестана и Востока ДГУ. – Махачкала, 2002.
2. Говоров, С. Кумыкский театр. – Махачкала, 1955.
3. Абуков, К.И. Предисловие // Салаватов А.-П. Айгази. – Махачкала, 1988.
4. История дагестанской советской литературы. – Махачкала, 1967. – Т. 2.

Bibliography

1. Abdulatipov, A.-K.Yu. Literatura Dagestana i sovremennostj: perechitihvaya i pereosmihsliyaya // Vestnik II kafedrih literatur narodov Dagestana i Vostoka DGU. – Makhachkala, 2002.
2. Govorov, S. Kumihskij teatr. – Makhachkala, 1955.
3. Abukov, K.I. Predislovie // Salavatov A.-P. Ayjgazi. – Makhachkala, 1988.
4. Istoriya dagestanskoy sovetskoy literaturih. – Makhachkala, 1967. – T. 2.

Статья поступила в редакцию 17.02.13

УДК 811.112.2'373

Aleksanyan A.R. THE PROBLEM OF MONO-REFERENCE AND POLY-REFERENCE OF METAPHORS IN GERMAN INTERNET DISCOURSE (BASED ON METAPHORS THAT CORRESPOND TO ENERGY CARRIERS).

The paper addresses metaphors that correspond to energy carriers and primary energy sources as referents; a definition of mono-referent and poly-referent metaphors is given, and their motivational and semantic nominative attributes are described.

Key words: metaphor, motivational attribute, referent, energy carrier, energy source, motivation.

А.Р. Алексанян, преп. каф. теории и практики перевода Пятигорского гос. лингвистического университета, г. Пятигорск, E-mail: annouchka28@gmail.com

ПРОБЛЕМА МОНО- И ПОЛИРЕФЕРЕНТНОСТИ МЕТАФОР В НЕМЕЦКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕТАФОРИЗАЦИИ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ)

В работе описаны метафоры референциально соотносимые с энергоносителями и источниками энергии на предмет их моно- и полиреферентности, затрагивается проблема моно- и полиреферентности, а также определяются мотивационные и семантико-номинативные свойства.

Ключевые слова: метафора, мотивационный признак, референт, энергоноситель, источники энергии, мотивация.

Энергия и энергетическая отрасль играют одну из ключевых ролей в жизни человеческой цивилизации. Не удивительно, что энергетическая проблематика выступает как крайне актуальная тема во всех типах дискурса СМИ, в том числе в современном новостном дискурсе. Проблемы энергопотребления, энергоснабжения и энергосбережения рассматриваются с разных сторон, а сами энергоресурсы находят широкое метафорическое воплощение.

В данной статье мы рассматриваем некоторые наиболее употребительные метафоры в немецком языке на предмет их возможной референциальной соотносительности с одним или несколькими энергоносителями. Исходя из поставленной задачи, главное внимание мы уделим тому, какие мотивационные и семантико-номинативные свойства присутствуют в метафорах, позволяющие либо универсально использовать их в именовании многих энергоносителей, либо только одного. Мы также ставим задачу выявить те ограничения, которые присутствуют в метафорах с монореферентной соотносительностью, жестко закрепляя их за тем или иным энергоносителем.

Анализ корпуса метафор, отобранного в современном немецкоязычном Интернет-дискурсе методом сплошной выборки, референциально соотносящихся с энергоносителями и источниками энергии показал, что все метафоры, можно разделить на две группы, которые мы будем именовать как монореферентные и полиреферентные. Под монореферентными метафорами мы понимаем метафоры, референтом которых является только один вид энергоносителей или энергии. Полиреферентными выступают метафоры, соотносимые в дискурсе с несколькими видами энергии и энергоносителей.

Обратимся к данным группам подробнее. Группу монореферентных метафор образуют: *das schwarze Gold*, *Ölpest*, *Gasstreit*, *das schwarze Gift*, *der Ölregen*, *der schwarze Tod*, *Ölbonanza*, *der schwarze Regen*, *die Tränen des Teufels*, *Erdölfieber*, *Öl-Sucht*, *Exkrement des Teufels*, *Achse des Öls*, *Geschenk Gottes*, *Zugpferd*, *Zeitbombe*, *Gas-Blockade*, *Kriegsziel*, *Gas-Geißel*, *Gaskrieg*, *zähes Glück*, *schwarzes Glück*, *das blutige Geschäft*, *brauner Teufel*, *Suchtstoff der Weltwirtschaft*, *Elixier der Welt*, *Element der Globalisierung*, *der schwarze Schmierstoff*, *die heilsame Salbe* и др.

Обращение к теме мотивации является целесообразным, так как анализ метафорического процесса невозможен без описания мотивирующей и мотивированной основ, мотивационных признаков, способствующих созданию образности. Мотивация представляет собой мотивированность слов их системно-ассоциативными отношениями с другими единицами языка [1].

Метафорическая мотивация отражает тесную взаимосвязь структуры и семантики лексической единицы. В.Н. Телия (1988) отмечает мотивационный макрокомпонент значения слова, находящийся в ведении семантической компетенции, поскольку он имеет дело с ассоциативными механизмами мышления; «глубина» представления достигается здесь соотношением с «первоисточником», а поверхностное представление – с самим «телом» знака. Так как метафора основана на ассоциациях, то в ней также представлен мотивационный макрокомпонент [2].

Мы считаем, что релевантным параметром, во многом определяющим референциальное употребление метафоры и ее номинативный потенциал, является легший в основу мотивационный признак. Под мотивационным признаком метафоры нами понимается определенный макрокомпонент значения слова, легший в ее семантическую основу при создании метафоры. Зачастую мотивационный признак можно проследить через внутреннюю форму метафоры, которая имеет разную степень прозрачности. Степень прозрачности внутренней формы показывает насколько явным (или скрытым) является мотивационный признак с точки зрения современного состояния языка. Он раскрывает во многом логическую связь и фокус внимания, присутствовавшие в момент создания метафоры. В нашем случае это будет метафорически осмысленная связь некой онтологической области или ее части с именуемым энергоносителем.

Анализ материала показал, что наиболее ярким мотивационным признаком, жестко закрепляющим метафору за определенным энергоносителем, является естественный цвет энергоносителя или основной ассоциативный признак, конвенционально приписываемый ему. Например, для нефти это черный цвет (хотя естественный природный цвет темно-бурый). Компонент *schwarz* появляется в ряде метафор, обозначающих нефть: *das schwarze Gold*, *das schwarze Gift*, *der schwarze Regen*, *der schwarze Saft*. Например:

Öl wird immer knapper und die Menschheit sucht verzweifelt nach neuen Quellen, um die Gier nach dem schwarzen Gold zu stillen [3].

Цветовой признак позволяет нам однозначно идентифицировать данную метафору с нефтью, но как именно характеризуется этот энергоноситель авторами статей и какова его прагматическая оценка, раскрывает определяемый компонент данных метафор.

Так, метафоры *der schwarze Tod*, *das schwarze Gift*, *die schwarze Gefahr*, представляют и оценивают нефть в большинстве случаев с негативной стороны. Она сравнивается с опасностью, ядом, смертью и чумой. Данные сравнения связаны, в первую очередь, с экологическими катастрофами, вызванными утечкой нефти. Подобные катастрофы часто происходят в современном мире и широко освещаются в новостях, а последствия и ущерб разлившейся нефти послужили основанием к возникновению метафор с негативной семантикой. Сам энергоресурс метафорически наделяется разрушительными качествами и свойствами. Например:

Das Öl-Leck im Golf von Mexiko ist dicht – vorerst! Doch das ist noch lange kein Grund zum Jubeln. Es wird etliche Jahre dauern, bis die Folgen der schlimmsten Öl-Katastrophe aller Zeiten beseitigt sind! Kann der Mensch diese Ölpest überhaupt jemals beseitigen? Oder sind wir dem schwarzen Gift hilflos ausgeliefert? [4].

Одними из последствий нефтяной катастрофы в Мексиканском заливе были осадки, которые получили название *der schwarze Regen*. Дождь действительно содержал компоненты нефти, испарившиеся с поверхности залива на месте катастрофы (хотя в других же статьях по данной тематике присутствовало мнение эксперта, что нефть не может испаряться).

Bei den Fischern an der US-Küste geht die Angst um. Seit beinahe fünf Wochen strömen mehr oder minder ungehindert Millionen Barrel Öl aus dem Bohrloch der explodierten BP-Plattform "Deepwater Horizon". Schon diese Katastrophe allein zerstört die Existenz unzähliger Küstenfischer. Was passiert, wenn nun auch noch verheerende Wirbelstürme über die Südküste der USA fegen? Die vom Schicksal gebeutelten Fischer rechnen mit dem Schlimmsten. Einige fürchten sogar, der Hurrikan könnte Öl aufsteigen lassen und als schwarzen Regen über das ganze Land verteilen [5].

В редких исключениях мотивационным признаком метафоризации нефти может выступать какой-то другой цвет. Как указывалось выше естественным природным цветом нефти является бурый, что отражено в метафоре *Brauner Teufel*. Метафора *das rote Gold* мотивирована цветом крови, так как из-за нефти проливается кровь в многочисленных конфликтах.

Eigentlich müsste man Erdöl das „rote“ Gold nennen – soviel Blut klebt an ihm. Was den Wohlstand der industrialisierten Welt vordergründig in ungeahnte Höhen führte, entpuppt sich bei genauerem Hinsehen als Geißel für die ganze Menschheit [6].

Положительной семантикой обладает очень малое количество метафор, соотносимых с нефтью. К ним относятся *das schwarze Gold* и *das schwarze Glück*.

Seit der Entdeckung des schwarzen Goldes geht es nur noch darum, wer wie viel vom Erdölkuchen abbekommt [7].

Цвет выступает как мотивационная база в отношении нескольких видов возобновляемых источников энергии. Так гидроэнергия называется голубой, ветряная энергия невидимой, геотермальная энергия оранжевой, а биотопливная энергия зеленой. Данные цвета обусловлены тем, что традиционно вода ассоциируется с голубым цветом, раскаленное ядро Земли – с оранжевым, а воздух – с прозрачностью. Например:

Dafür tauchten neue Probleme auf. Die größte Sorge bereitet derzeit die Gefahr einer weltweiten Klimaveränderung durch den Kohlendioxid-Ausstoß fossiler Brennstoffe. "Die grüne Energie der Biomasse" hätte den Vorzug, dass die Kohlendioxid-Bilanz mittelfristig im Gleichgewicht bleibt. Völlig CO₂-frei ist "Die unsichtbare Energie des Windes", die aber unter anderem den Nachteil hat, dass sie nicht allenorten und zu allen Zeiten verfügbar ist. "Die klare Energie des Wassers" lässt sich ebenfalls nur beschränkt nutzen. "Die blaue Energie des Meeres" gehört bislang zu den eher exotischen Möglichkeiten der Stromerzeugung. Und auch die Erdwärme – "Die orange Energie der Erde" – kann nur unter besonders günstigen Bedingungen wie in Island die Energieprobleme lösen [8].

Другим значимым мотивационным признаком, влияющим на жесткую референциальную связь, является физическое естественное состояние энергоносителя. Именно жидкая консистенция нефти послужила созданию таких метафор как *Costail von Gefahrenstoffen*, *der giftige Lebenssaft* или *Injektion*.

Жидкая и густая консистенция нефти позволяет метафорически выступать ей как средство лечения. В таких метафорах нефть представлена как мазь (*die heilsame Salbe*), инъекции (*Injektion Öl*) и лечебная сыворотка (*Antiserum*), которые могут помочь больному справиться с болезненным состоянием.

Комбинация мотивационных признаков (цвет и консистенция) представлены в таких метафорах, как *die schwarze Suppe*, *die schwarze Flüssigkeit*, *der schwarze Strom unserer Lügen*. В них нефть выступает как коктейль из опасных веществ, поток лжи или инъекция.

Schwarz und todbringend quillt der giftige Lebenssaft unserer industriellen Gesellschaft in das empfindliche Ökosystem des Ozeans. Und die ganze Welt sieht hilflos zu, am Fernseher, sieht zu, wie unsere ganzen Illusionen an die Oberfläche kommen, dieser endlos emporquellende schwarze Strom unserer Lügen [9].

Зачастую метафоры в дискурсе представляют собой композиты или словосочетания, содержащие в качестве одного из компонентов наименования энергоносителей. Например, для метафор, соотносимых с нефтью, в процессе метафорического словосложения присутствует компонент *Öl*. Ряд метафорических композитов составляющие *Ölsucht*, *Ölsüchtige*, *Ölfieber*, *Ölpest*, *Ölrausch*, *Ölboom*, *Öldorado*, *Ölbonanza*, *Ölregen*, а примером словосочетания может служить *Injektion Öl*.

Для монореферентных метафор, соотносимых с газом, характерны, соответственно композиты и словосочетания с ком-

понентом *Gas*. Конфликты, разногласия, войны из-за энергоресурсов способствовали появлению таких метафор, как *Gasstreit*, *Gaszoff*, *Gas-Zank*.

Повышение цен на энергоресурсы послужило причиной появления в текстах СМИ метафор как *Ölboom* и *Gasboom*. Состояние энергетического рынка и биржевые сделки нашли свое метафорическое отражение в метафоре *Biomassenboom*.

Angesichts des anhaltenden Bioenergie-Booms haben der NABU und der Deutsche Verband für Landschaftspflege (DVL) klare Rahmenbedingungen für eine ökologische und effiziente Nutzung nachwachsender Rohstoffe gefordert. "Der intensive Anbau von Raps und Mais zu energetischen Zwecken leistet oft nur geringe Beiträge zum Klimaschutz, hat aber deutlich negative Auswirkungen auf die Artenvielfalt", sagte NABU-Präsident Olaf Tschimpke anlässlich einer gemeinsamen Tagung "Energiepflanzen aus Sicht des Natur- und Umweltschutzes" der beiden Verbände [10].

Иную сущность имеют метафоры, являющиеся производными от других метафор или фразем. Трансформации узусных метафор и фразем, замена компонентов или аллюзии позволяют использовать уже имеющуюся языковую единицу в новом качестве, в зависимости от контекста и интенций. В их метафорической основе лежат определенные семантические взаимосвязи и ассоциации, присутствующие в языковом социуме. Так, например, метафоры *die schwarze Pest* и *der schwarze Tod* являются примерами вторичной метафоризации, отойдя от своего первичного значения и именования чумы.

Метафора *Öl regiert die Welt*, произошедшей от известной фраземы *Geld regiert die Welt*. В примере присутствует субституция одного понятия другим на основе их сходства (вместо денег миром правит нефть). *Geld* и *Öl* ассоциируются с атрибутами власти. Сохранившаяся структура фраземы и компонентный состав позволяют ассоциировать получившуюся метафору с первоисточником и его семантикой.

В следующем примере *Schwarzes Gold – Öl regiert die Welt* мы видим комбинацию субституции на основе параллелизма нефти с долларом и расширения компонентного состава. Например:

1. *Schwarzes Gold – Öl regiert die Welt*

Frankfurt (ots) – Für Öl war die Welt offenbar schon immer bereit nahezu jeglichen Kompromiss einzugehen. Für Öl wurde gelogen und Krieg geführt. Ganze Regierungen entledigen sich moralischer Bedenken, denn Öl begründet den Reichtum ganzer Nationen und führte Entwicklungsstaaten an die wirtschaftliche Spitze. Kurzum man könnte behaupten: Öl regiert die Welt – schließlich begründet der Rohölpreis letztlich auch den Dollarkurs [11].

Источником метафоры *Achse des Öls* можно рассматривать фразему-неологизм „ось зла“ (*Achse des Bösen*). Ось зла – это термин для обозначения режимов стран, спонсирующих, по мнению США, терроризм или разрабатывающих оружие массового поражения и способных передать его террористам. Термин (от англ. *Axis of evil*) был использован президентом США Джорджем Бушем в ежегодном обращении к Конгрессу в 2002 году в отношении Ирака, Ирана и КНДР, а затем был калькирован в многие европейские языки.

Ось нефти составляют те страны, которые обладают собственными нефтяными ресурсами и могут выступать как враждебный лагерь основному потребителю нефти и политическому гегемону – США.

Einige Beobachter dieses Wettstreits, der so genannten "petropolitics", haben bereits eine "Achse des Öls" identifiziert, wonach Russland, China und möglicherweise der Iran als "Gegengewicht zur amerikanischen Hegemonie" agieren und den USA ihre Ölversorgung und strategischen Interessen streitig machen. Schon jetzt werden die USA mit den Machtressourcen der Organisation Erdölexportierender Länder (OPEC) konfrontiert: Die OPEC kann aufgrund der Kapazitätsgrenzen anderer Ölproduzenten seit Ende der 1990er Jahre wieder ihre Kartellpolitik betreiben, damit den Ölpreis hochhalten und in wirtschaftlichen und politischen Einfluss ummünzen [12].

Метафора *Öl ist der Dorn in unserem Portemonnaie* является производной от фраземы *jemandem ein Dorn im Auge sein* (как бельмо на глазу). Авторы новостных текстов говорят о том, что цены на нефть постоянно растут, а высокие цены на бензин бьют по карману потребителей, постоянно напоминая о себе.

Bei Öl ist das anders. Öl ist das Schmiermittel der Weltwirtschaft, Öl ist das Mittel, das unsere Autos antreibt und Öl ist der Dorn in unserem Portemonnaie wenn die Benzinpreise mal wieder steigen [13].

Широко представлена при образовании метафор и интертекстуальность, обыгрывающая некоторые широко известные в языковом социуме контексты. Например, появление метафоры „Blut für Öl“ связано с программой Oil-for-Food Programme. Программа «Нефть в обмен на продовольствие», начатая Организацией Объединённых Наций в 1995 году и прекращённая в конце 2003 года, позволяла Ираку продавать нефть на мировом рынке в обмен на продовольствие, медикаменты и другие предметы, необходимые простым гражданам Ирака, но не позволяла ему восстановить свои вооружённые силы. Во время войны США с Ираком появился лозунг „Blut für Öl“, так называли движение против войны в Ираке.

Im ersten Golfkrieg war ein Slogan der Friedensbewegung "Kein Blut für Öl". Von Kritikern hieß es damals, man könne die komplexen Hintergründe dieses Krieges nicht auf das Öl reduzieren. Im Rahmen von Peak Oil sieht das wieder ganz anders aus, oder? [14].

Метафоры Öldorado и Gasdorado отсылают нас к мифологическому понятию Eldorado «страна сказочных богатств». Сказочным богатством в нашем случае является нефть. Мотивационной базой послужило звуковое сходство исходного понятия из области мифологии Eldorado. В приведенном примере речь идет об Арктике, новые неосвоенные земли, потенциально сулящие богатства, по аналогии с легендой.

Der Kampf ums Öl führt zu riesigen außenpolitischen Verwicklungen. Jetzt streiten sich die Anrainerstaaten der Arktis auch noch um Gebietsansprüche am Nordpol, dem letzten noch unerschlossenen Öldorado [15].

Иной характер имеют метафоры, соотносимые с несколькими видами энергоносителей. Они и образуют другую группу, широко представленную в дискурсе.

Зачастую энергоносители выступают как референтное родовое понятие без дифференциации по видам, а сама метафора в подобных случаях более обобщающая и не имеет в своей мотивационной основе ярких признаков конкретных энергоносителей. В зависимости от общей семантики контекста метафора может получать положительную или отрицательную семантику и коннотацию. Например, такие метафоры, как Тreibstoff, Schmiermittel, Schmierstoff, Instrument, Druckmittel применимы в обозначении к широкому кругу энергоносителей. Так метафора Тreibstoff может выступать как Тreibstoff für Umweltzerstörung, Тreibstoff des Wachstums, Тreibstoff der Konflikte, Тreibstoff für den Wirtschaftsmotor, Тreibstoff des Industriezeitalters, Тreibstoff der Industriegesellschaft. Компонент Schmiermittel присутствует в метафорах Schmiermittel des Fortschritts, Schmiermittel der Industriegesellschaft, Schmierstoff für die Wirtschaft, Schmiermittel der Zivilisation, Schmiermittel der Globalisierung.

Очень часто нефть и газ встречаются в одном контексте, поэтому по своей сути метафоры, обозначающие их, являются полиреферентными. Метафоры, имеющие в своей основе компоненты Тreibstoff и Schmiermittel, имеют совершенно разную коннотацию. Тreibstoff представляет энергоресурсы как топливо, от которого зависит развитие стран и экономики, то есть топливо будущего и индустриального века, от которого зависит благосостояние человечества.

Die Industriegesellschaften stehen an einem historischen Wendepunkt: 150 Jahre lang war Erdöl der Treibstoff der aufstrebenden Nationen. Der Zugang zur billigen Ressource sichert ihnen auch heute noch Wohlstand, Überfluss und Macht. Doch unaufhaltsam nähert sich das Ende des Ölzeitalters. Geologen sehen den "oil peak", also den Zeitpunkt des Fördermaximums, kommen. Ab der Wendemarke wird die Weltölproduktion langsam sinken, und das heißt weniger Energie für alle [16].

Нефть и газ часто фигурируют в метафорах как средства и инструменты политического давления, например: politisches Druckmittel, Machtinstrument, politisches Instrument. В первых двух метафорах нефть является топливом для развития экономики, что позволяет говорить о положительной семантике метафоры. С другой стороны, метафоры обозначают нефть, газ и другие виды ресурсов как топливо, из-за которого начинаются конфликты, войны, и преступления, то есть несут отрицательную оценку.

Nigerianisches Öl – Treibstoff für Verbrechen.

Zehn Jahre nach der Hinrichtung Ken Saro-Wiwas und weiterer acht Menschenrechtsaktivisten in Nigeria leben die Menschen im ölreichen Niger-Delta sehr gefährlich, wenn sie gegen Ölfirmen protestieren oder verdächtigt werden, die Ölproduktion zu behindern. Zu diesem Ergebnis kommt ein am 03.11.2005 veröffentlichter Bericht von amnesty international (ai). Bewohner der nigerianischen Ölregion werden immer wieder Opfer schwerer Übergriffe durch nationale Sicherheitskräfte, insbesondere durch die 2004 zum Schutz der Ölfirmen gegründete "Joint Task Force". Menschen werden erschossen und vergewaltigt, Häuser und Dörfer zerstört. ai fordert die Regierung Nigerias auf, die Übergriffe unabhängig untersuchen zu lassen [17].

Некоторые метафоры представляют энергоносители как средство для шантажа (Mittel der Erpressung), которое также активно используется в политических отношениях.

Vor allem die Opec-Hardliner wie Iran und Venezuela scheuen nicht davor zurück, ihren Rohstoff als politische Waffe und Mittel der Erpressung gegen den Westen einzusetzen [18].

Энергетика метафорически представлена как убийца, который оказывает уничтожающее воздействие на природу, окружающую среду и климат. Метафора Killer соотносится с нефтью, углем, биомассой, то есть абсолютно с разными энергоносителями, например:

Zahlreiche Wissenschaftler warnen deshalb ausdrücklich vor dem Bau neuer Kohlekraftwerke. Dennoch halten sowohl die Bundesregierung als auch die Energiewirtschaft unbeirrt an dieser Steinzeitechnologie fest. Auch in vielen anderen Industriestaaten und großen Schwellenländern wie China, Indien und Südafrika ist der massive Zubau neuer Klimakiller geplant [19].

Часто энергоресурсы метафорически сравнивают с динозаврами. Авторы новостных сообщений, заголовком которых является именно эта метафора (Brennende Dinosaurier) сразу же обращают внимание на то, что нефть, газ и атомная энергия являются источниками энергии из прошлого века, и в будущем людям необходимо переходить нечто новое. Авторы проводят аналогию с динозаврами и говорят о том, что данные энергоносители «вымрут» также как вымерли динозавры. С другой стороны существует теория, что нефть является «ископаемым топливом», то есть биологическими останками динозавров, что и используется как игра слов в метафоре Brennende Dinosaurier.

Brennende Dinosaurier

Die heutige Energiewirtschaft ist nicht zukunftsorientiert

Das Verfeuern fossiler Brennstoffe heizt das Weltklima auf – und früher oder später gehen die Ressourcen zur Neige. Fossilien sind Zeugnisse vergangenen Lebens – und manchmal recht wertvoll. Ähnlich verhält es sich mit den fossilen Brennstoffen: Erdöl, Erdgas und Kohle sind totes Material. Aber noch nie waren sie uns so wertvoll wie heute [20].

Цветовой признак присутствует также в метафорах, соотносимых с возобновляемыми источниками. Но в данном случае в качестве признака выступает только один цвет – зеленый, так как источники энергии, не наносящие вреда окружающей среде, принято называть зелеными: grüne Treibstoffe, grüner Strom, grüne Energie. Зеленый цвет традиционно выступает либо как конвенциональный символ экологичности, либо символ растительного происхождения. Зеленым золотом называют биотопливо или биомассу. Биомасса и биоэтанол являются дорогими и ценными видами топлива на сегодняшний день, что дает основания для их сравнения с золотом. Сами же «зеленые» энергоносители выступают как генерализующие понятия для целых направлений в энергетике. Именно генерализирующая функция позволяет метафоре выступать полиреферентной.

Die neuen Möglichkeiten, Strom, Wärme und Biosprit aus nachwachsenden Rohstoffen zu gewinnen, werden die Landwirtschaft grundlegend verändern. Strom und Wärme vom Acker und Wald werden eine große Zukunft haben. Grünes Gold statt schwarzes Öl zeigt einen wichtigen Zukunftsweg [21].

Рассмотрев материал на предмет референциальной соотнесенности метафор можно сделать следующие выводы. Метафоры, соотносимые с энергоносителями, по своей референциальной сущности могут быть как монореферентными, так и полиреферентными. Для монореферентных метафор характерно наличие такого мотивационного признака, который позволяет нам однозначно соотносить метафору с одним видом энергоносителя. В качестве наиболее «жестких» мотивационных признаков

выделяются цвет и физическая консистенция энергоносителя. В метафорах, референциально соотносимых с нефтью, практически постоянно фигурирует метафора schwarz, которая обозначает природный цвет нефти.

Жидкая консистенция нефти как мотивационный признак послужила созданию ряда метафор. Так, появились метафоры Injektion, Cocktail von Gefahrenstoffen. В ряде метафор используется комбинация мотивационных признаков, цвета и консистенции.

Метафоры, соотносимые только с одним энергоносителем, часто образуются в результате метафоризации и деривационных процессов номинативных единиц, например Gas и Öl. Также для монореферентных метафор характерно использование названия энергоносителя в многокомпонентных метафорах, например: Öl regiert die Welt, Blut für Öl, Öl ist der Dorn in unserem Portemonnaie, Achse des Öls.

Библиографический список

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2004.
2. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988.
3. Hoffnung auf das Arktis-Öl. Studie der US-Regierung. // Süddeutsche Zeitung [Э/р]. – Р/д: <http://www.sueddeutsche.de/geld/studie-der-us-regierung-hoffnung-auf-das-arktis-oel-1.592115>
4. Kann die Öl-Pest jemals beseitigt werden? // BILD [Э/р]. – Р/д: <http://www.bild.de/news/2010/aller/kann-oel-pest-jemals-beseitigt-werden-13326078.bild.html>
5. Menschen fürchten schwarzen Öl-Regen. // Rheinische Post [Э/р]. – Р/д: <http://www.rp-online.de/panorama/ausland/menschen-fuerchten-schwarzen-oel-regen-1.2005993>
6. Benjamin Seiler Der Kampf um das schwarze Gold. // Zeitschrift [Э/р]. – Р/д: <http://www.zeitschrift.com/magazin/49-oelwaffe.ihtml>
7. Schwerpunkt Öl. Schmiermittel für Korruption. // Amnesty International [Э/р]. – Р/д: <http://www.amnesty.ch/de/aktuell/magazin/50/schmiermittel-fur-die-korruption>
8. Madanjeet Singh Das Zeitalter der Sonne – Die Energien der Zukunft // T-Online [Э/р]. – Р/д: <http://www.leuschner.business.t-online.de/rezensionen/rc9905singh.htm>
9. David Rotter Die Öl-Katastrophe: Sinnbild für das Ende einer Ära. // Sein Online [Э/р]. – Р/д: <http://www.sein.de/gesellschaft/nachhaltigkeit/2010/die-oel-katastrophe-sinnbild-fuer-das-ende-einer-aera.html>
10. Energiepflanzen für Klima und Umwelt. [Э/р]. – Р/д: <http://www.nabu.de/themen/landwirtschaft/biomasse/07389.html>
11. U. Schauch Für Öl war die Welt offenbar schon immer. // Ad Hoc News [Э/р]. – Р/д: <http://www.ad-hoc-news.de/schwarzes-gold-oel-regiert-die-welt-/de/News/21577007>
12. Josef Braml Die USA – Notwendigkeit eines neuen Energiekurses. Die Sucht nach Öl schwächt nicht nur die Wirtschaft. [Э/р]. – Р/д: <http://www.bpb.de/themen/HL5K4T.html>
13. Gunnar G. Jütte Abhängigkeit von Russland: Putin und das Öl. [Э/р]. – Р/д: <http://russland.ru/ruwir0010/morenews.php?iditem=18826>
14. Hubertus Volmer Ein Wettlauf mit der Zeit. [Э/р]. – Р/д: <http://www.n-tv.de/politik/dossier/Ein-Wettlauf-mit-der-Zeit-article34499.html>
15. Fritz Vorholz Auf dem Weg ins Solarzeitalter. Auf dem Weg... // ZEIT [Э/р]. – Р/д: <http://www.zeit.de/2008/44/Klima>
16. Das Ende des Öls. [Э/р]. – Р/д: www.greenpeace.ch/uploads/tx_ttproducts/datasheet/RZ-Oel-Spezial.pdf
17. Nigerianisches Öl – Treibstoff für Verbrechen. // Amnesty International [Э/р]. – Р/д: <http://www.lebenshaus-alb.de/magazin/003330.html>
18. Andreas Oldag Die Angst ist zurück. // Süddeutsche Zeitung [Э/р]. – Р/д: <http://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/657/493008/text/>
19. Strom aus Kohle: Steinzeitechnologie und Klimasünde [Э/р]. – Р/д: <http://www.wvf.de/themen/klima-energie/klimakiller-kohle/>
20. Gerhard Samulat Brennende Dinosaurier [Э/р]. – Р/д: <http://www.wissenschaft-online.de/artikel/864784&z=859070>
21. Grünes Gold statt schwarzes Gold. [Э/р]. – Р/д: <http://www.sonnenseite.com/Zukunft,ZUKUNFT+ERDE+-+Teil+11+-+Gruenes+Gold+statt+schwarzes+Oel,17,a3746.html>

Bibliography

1. Akhmanova, O.S. Slovarj lingvisticskikh terminov. — M., 2004.
2. Teliya, V.N. Metaforizaciya i ee rolj v sozdanii yazikovoy kartinih mira. Rolj chelovecheskogo faktora v yazihke. Yazihk i kartina mira. — M., 1988.
3. Hoffnung auf das Arktis-Öl. Studie der US-Regierung. // Suddeutsche Zeitung [Eh/r]. — R/d: <http://www.sueddeutsche.de/geld/studie-der-us-regierung-hoffnung-auf-das-arktis-oel-1.592115>
4. Kann die Öl-Pest jemals beseitigt werden? // BILD [Eh/r]. — R/d: <http://www.bild.de/news/2010/aller/kann-oel-pest-jemals-beseitigt-werden-13326078.bild.html>
5. Menschen fürchten schwarzen Öl-Regen. // Rheinische Post [Eh/r]. — R/d: <http://www.rp-online.de/panorama/ausland/menschen-fuerchten-schwarzen-oel-regen-1.2005993>
6. Benjamin Seiler Der Kampf um das schwarze Gold. // Zeitschrift [Eh/r]. — R/d: <http://www.zeitschrift.com/magazin/49-oelwaffe.ihtml>
7. Schwerpunkt Öl. Schmiermittel für Korruption. // Amnesty International [Eh/r]. — R/d: <http://www.amnesty.ch/de/aktuell/magazin/50/schmiermittel-fur-die-korruption>
8. Madanjeet Singh Das Zeitalter der Sonne – Die Energien der Zukunft // T-Online [Eh/r]. — R/d: <http://www.leuschner.business.t-online.de/rezensionen/rc9905singh.htm>
9. David Rotter Die Öl-Katastrophe: Sinnbild für das Ende einer Ära. // Sein Online [Eh/r]. — R/d: <http://www.sein.de/gesellschaft/nachhaltigkeit/2010/die-oel-katastrophe-sinnbild-fuer-das-ende-einer-aera.html>
10. Energiepflanzen für Klima und Umwelt. [Eh/r]. — R/d: <http://www.nabu.de/themen/landwirtschaft/biomasse/07389.html>
11. U. Schauch Für Öl war die Welt offenbar schon immer. // Ad Hoc News [Eh/r]. — R/d: <http://www.ad-hoc-news.de/schwarzes-gold-oel-regiert-die-welt-/de/News/21577007>
12. Josef Braml Die USA – Notwendigkeit eines neuen Energiekurses. Die Sucht nach Öl schwächt nicht nur die Wirtschaft. [Eh/r]. — R/d: <http://www.bpb.de/themen/HL5K4T.html>
13. Gunnar G. Jütte Abhängigkeit von Russland: Putin und das Öl. [Eh/r]. — R/d: <http://russland.ru/ruwir0010/morenews.php?iditem=18826>
14. Hubertus Volmer Ein Wettlauf mit der Zeit. [Eh/r]. — R/d: <http://www.n-tv.de/politik/dossier/Ein-Wettlauf-mit-der-Zeit-article34499.html>
15. Fritz Vorholz Auf dem Weg ins Solarzeitalter. Auf dem Weg... // ZEIT [Eh/r]. — R/d: <http://www.zeit.de/2008/44/Klima>
16. Das Ende des Öls. [Eh/r]. — R/d: www.greenpeace.ch/uploads/tx_ttproducts/datasheet/RZ-Oel-Spezial.pdf
17. Nigerianisches Öl – Treibstoff für Verbrechen. // Amnesty International [Eh/r]. — R/d: <http://www.lebenshaus-alb.de/magazin/003330.html>
18. Andreas Oldag Die Angst ist zurück. // Suddeutsche Zeitung [Eh/r]. — R/d: <http://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/657/493008/text/>
19. Strom aus Kohle: Steinzeitechnologie und Klimasünde [Eh/r]. — R/d: <http://www.wvf.de/themen/klima-energie/klimakiller-kohle/>
20. Gerhard Samulat Brennende Dinosaurier [Eh/r]. — R/d: <http://www.wissenschaft-online.de/artikel/864784&z=859070>
21. Grünes Gold statt schwarzes Gold. [Eh/r]. — R/d: <http://www.sonnenseite.com/Zukunft,ZUKUNFT+ERDE+-+Teil+11+-+Gruenes+Gold+statt+schwarzes+Oel,17,a3746.html>

Статья поступила в редакцию 18.02.13

УДК 81'373.612.2

Alkenova S.N. CONCEPTUAL DOMAINS OF IMITATIVE LEXEMES OF THE ENGLISH LANGUAGE. This article is devoted to the investigation of the database of imitative lexemes of the English language with purpose to underline major conceptual domains among the latter and to perform their interrelation in meaning as well as in reference. The quantitative estimation of the imitative lexemes is referred to perform their role with their system of gradation, difference in structure.

Key words: imitative lexemes, conceptual domains, corpus linguistics, structure.

С.Н. Алькенова, аспирант каф. английского языка, ассистент каф. иностранных языков, г. Горно-Алтайск, E-mail: alkenova2013@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДОМЕНЫ ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию базы данных подражательных лексем английского языка в рамках выделения среди последних концептуальных доменов, а также рассмотрение их взаимоотношений, как по значению, так и по референции. Количественная оценка подражательных лексем направлена на выявление их роли с их системой градации, разницей в структуре.

Ключевые слова: имитативы, концептуальные домены, корпусная лингвистика, структура.

Настоящая статья посвящена исследованию базы данных подражательных лексем английского языка в рамках выделения среди последних концептуальных доменов. Общий подсчет базы данных составил 970 лексем. Наиважнейшим источником информации для пополнения базы данных оказались: Англо-русский словарь В.К. Мюллера [1], Новый Большой англо-русский словарь Ю.Д. Апресяна [2], Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language [3].

Когнитивные домены как форма представления имитативов предполагают понимание значения слов на фоне структурированного знания, основанного на практическом опыте, традициях, культуре, образующих своеобразную предпосылку для понимания значения. Можно сказать, что говорящие знают значение слова только через понимание того фонового домена, который мотивировал концепт, закодированный в слове. При таком понимании слов и их смыслы не находятся в прямых отношениях друг к другу, слово к слову, а строят эти отношения через связи с общими для них фоновыми доменами и указаниями на то, как их значения вписываются в отдельные составляющие компоненты таких доменов.

Идея о том, что когнитивная система человека приобретает форму структур знания, хранящихся в долговременной памяти, прочно утвердилась во многих дисциплинах: так, в психологии она присутствует как схема, в гештальтпсихологии и искусственном интеллекте это фреймы, скрипты, домены и т.д.

Наш подход к концептуальным доменам основан на представлении о том, что язык является промежуточным концептуальным уровнем между сознанием и окружающим миром, где реальность – это пространство, в котором размещены объекты и происходят различные события, связанные в нашем сознании посредством языка, который выстраивает их в определенные концептуальные сюжеты внутри какого-то домена действительности.

Существо человеческого знания – содержание сознания – дробится посредством языка на ряд связанных друг с другом малых пространств. Концептуальные домены обладают рядом характеристик, одной из которых является их внутренняя эволюция от одного отрезка времени к другому: то, как язык выстраивает реальность, отличает один период от другого.

Следующим атрибутом концептуального домена является его внутреннее устройство, которое, так или иначе, включает количество единиц, его составляющих, а также их размещение в зависимости от объема и характера содержания, вносимого в данный домен. Речь идет, в первую очередь, о включении лексических единиц как в их индивидуальном выражении, так и в сочетании с другими смысловыми элементами с различной частеречной принадлежностью. Кроме того, насколько объемным нужно признать присутствие деривативов по отношению к базисной лексеме. Несмотря на ту роль, которую имитативы играли в становлении речевого общения, в настоящее время они находятся на периферии лексикона любого языка, а потому их связанность с денотатом не может быть проигнорирована. Это не только связь определенной лексемы с одушевленным или неодушевленным объектом, но и дистрибуция внутри каж-

дого класса, например, англ. глагол *to bark* относится только к собакам, лисам и белкам (ср. русское: Они вчера долго *лая-лись*). Кроме того, ни один из имитативов, соотносённых с миром насекомых, не может быть приложен к человеку, в то время как мир человека и мир высших животных в своих звуковых привычках могут пересекаться.

Известно также, что границы концептуальных доменов расплывчаты, домены пересекаются, содержание отдельных их частей может входить и в другие домены. Структура концептуального домена складывается из основной и периферийной зон, последние характеризуются неустойчивостью и размытостью.

Динамический характер концептуального домена заключается в том, что если происходят изменения в содержании отдельных единиц за счет внутренних процессов или денотативной соотносённости, то остальные элементы этого домена могут также подвергнуться изменениям, раздвинув или сузив его границы, или даже перейдя в другой домен.

Лексические значения считаются психологическими сущностями, т.е. своего рода мыслями или идеями. Более того, изменения значения объясняются как вызванные разного рода психологическими процессами. Движущие механизмы, которые, как полагают, лежат в основе семантических изменений и чье присутствие можно установить посредством классификационного изучения истории слов, соответствуют моделям мышления человеческого сознания. Любой концепт – это не только факт лингвистики, но и когнитивная способность человеческого сознания.

В основе концептуального домена лежит семантическое подобие и ограничения, накладываемые содержанием самих лексических единиц на вхождение или не вхождение последних в указанный домен.

Многие когнитивисты подчеркивают неразложимую связь концептуализации значения с энциклопедическим (всего человечества) и индивидуальным знанием (эксперта / неэксперта) о любой сущности в рамках личного или общественного опыта, культурного, социального или исторического. Категории, включенные в концептуальный домен, характеризуются такими явлениями как включение в домен по иерархическому признаку, подобию и, соответственно, сводимостью.

Таким образом, в настоящий момент можно выделить следующие концептуальные отношения в качестве основы семасиологических связей между смыслами: таксономическую категоризацию, сводимость, подобие в прямом и переносном понимании.

Так или иначе, мы находим подобие между концептуальными отношениями как в пределах самих слов, так и тех, что существуют между словами. В обоих случаях при построении концептуальных доменов мы ищем связи между концептами, а задействованные механизмы мышления (в пределах слова или всего лексикона), похоже, те же самые [4].

Настоящее исследование, основанное на значительной базе данных, проводится в русле того направления, которое называется корпусной лингвистикой. Такой подход выглядит привлекательным по той простой причине, что он дает не имеющую параллелей эмпирическую базу для исследования собранного

материала. Что еще важно подчеркнуть, – это определенное теоретическое сближение между когнитивной семантикой и дистрибутивным анализом корпуса данных. Указанное сближение покоится, по меньшей мере, на следующих факторах: оба подхода базируются исключительно на употреблении; дистрибутивная перспектива при всей своей структурированности все-таки нацелена на текст; количественная оценка дистрибутивного корпусного анализа направлена на выявление роли имитативов с их системой градации, разницей в структуре, ономастическим выделением физических черт у денотатов.

Явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в процессе его деятельности, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, временные, пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, а потому концептуальные домены являются моделью сознания человека.

Каждый домен позволяет изучать соотношение семантики, морфологии и фоно- и графотактики в пределах как одного, так и многих доменов, выстроенных на материале имитативов. Степень грамматикализации единиц домена точно соответствует степени грамматикализации (соотношению грамматически оформленных и нулевых форм) английского текста [5].

Различие в понимании того, что такое лексико-семантическая система в разных направлениях и школах языкознания, Ю.Н. Караулов обосновывает следующими ответами на два основных вопроса: 1) признается ли отдельность, самостоятельность и тождество слова; 2) какая роль отводится контексту: «Если лингвист исходит из признания самостоятельности за отдельным словом как основной единицей языка, то эта посылка дает возможность исследовать системные отношения и вширь и вглубь: изучение полисемии позволяет воссоздать систему значений, систему лексико-семантических вариантов (внутри) одного слова, а анализ взаимоотношений слов друг с другом воссоздает «внешние» связи слова, определяющие динамику паронимическую, гипонимическую, аллонимическую. При непризнании самостоятельности слова основным «строительным блоком» системы оказывается в одном случае – семантическое поле; в другом – любой речевой отрезок, своего рода «образец»» [6, с. 5].

Лексико-семантические группы слов (для нас – концептуальные домены) представляют собой собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка. Неизолированность лексико-семантических групп друг от друга Ю.Н. Караулов объясняет тем, что «связи между ними осуществляются двумя основными способами: 1) путем своеобразного параллелизма или соприкосновения всего круга значений одной группы с кругом значений другой группы; 2) посредством разных семантических связей одного члена группы с другими словами, не входящими в данную группу. Эти способы могут реализовываться и в комбинированном виде» [6, с. 27].

В заключение автор приводит определение лексико-семантической системы в современном ее понимании, которое для российского языкознания можно считать общепринятым: «К лексико-семантической системе относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие типов их группировок и характер взаимодействия друг с другом (лексическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика)» [6, с. 14].

Ю.Н. Караулов также признает, что отказ от понятия определяющего, или доминирующего, компонента при установлении обобщенного представления о семантическом содержании слова, или усредненного значения слова, приводит к возникновению серьезных трудностей при классификации и упорядочении лексики [6, с. 98]. Таким образом, иерархия на уровне компонентов есть необходимая предпосылка иерархии значений [6, с. 99].

Все единицы базы данных английских имитативов удалось сгруппировать в 100 концептуальных доменов на основе «Тезауруса слов и фраз» С.Р. Роже [7]. Мы постарались сохранить те группировки и их названия, что присутствуют в указанном тезаурусе. Ниже приводится вариант распределения имитативов английского языка по основным концептуальным доменам (далее КД). Каждая группа КД подкреплена примерами имитативов, где **N.** – существительное; **V.** – глагол; **Adj.** – прилагательное; **Adv.** – наречие; **Int.** – междометие; цифры 4, 16, 1, 2 (**N.** – 4; **V.** – 16; **Adj.** – 1; **Int.** – 2) – количество лексем в данной группе КД; цифры в скобках (*smack* (16, 36, 53, 65, 98); *clap* (66, 83)) указывают на то, что та или иная лексема присутствует в нескольких группах КД:

1. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Specific Sounds [sudden and violent sounds]

Snap. – **N.** *smack* (16, 36, 53, 65, 98); *clap* (66, 83); **V.** *tap* (34, 64); *knock* (45, 65, 85); **Adj.** *lapping*. **Int.** *crash! bang!* (**N.** – 4; **V.** – 16; **Adj.** – 1; **Int.** – 2);

2. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound Specific Sounds [repeated and protracted sounds] **Roll.** – **N.** *cuckoo* (10, 33); *peal* (6, 12, 14, 78, 83). **V.** *drum* (13, 33, 50); *roar* (6, 9, 10, 31, 78, 79, 95); **Adj.** *rolling*. (**N.** – 12; **V.** – 18; **Adj.** – 1);

3. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Specific Sounds **Resonance.** – **N.** *ring*. **V.** *chime* (2, 11); *plash* (30). (**N.** – 1; **V.** – 12);

4. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Specific Sounds **Non-resonance.** – **N.** *thud* (1); *thump* (65). (**N.** – 2);

5. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Sound in general **Faintness.** – **N.** *whisper* (88); *murmur* (79); **V.** *purl* (13, 30); *babble* (30, 49). (**N.** – 11; **V.** – 10);

6. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Sound in general **Loudness.** – **N.** *clatter*; *boom* (72, 73); **V.** *thunder* (54, 56, 95); *roar* (2, 9, 10, 31, 78, 79, 95); **Adj.** *purling*. (**N.** – 10; **V.** – 6; **Adj.** – 4);

7. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Specific sounds [Hissing sounds] **Sibilation.** – **N.** *hiss* (55); **V.** *buzz* (8, 10); *fizzle* (32); **Adj.** *hissing*; *wheezy*. (**N.** – 1; **V.** – 13; **Adj.** – 2);

8. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Specific sounds [Harsh sounds] **Stridor.** – **N.** *creak*; *shriek*; **V.** *burr*; *yelp* (10); **Adj.** *creaking*. (**N.** – 4; **V.** – 12; **Adj.** – 2);

9. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Specific sounds **Cry.** – **N.** *bark* (10, 51, 53, 56); *hullabaloo*; **V.** *roar* (2, 6, 10, 31, 78, 79, 95); *yell* (79); **Adj.** *crying* (10). (**N.** – 4; **V.** – 33; **Adj.** – 1);

10. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Specific sounds [Animal sounds] **Ululation.** – **N.** *bark* (9, 51, 53, 56); *howl* (79); **V.** *snarl* (39, 54); *hoot* (9, 55); **Adj.** *crying* (9). **Adv.** *In full cry*. (**N.** – 9; **V.** – 53; **Adj.** – 1; **Adv.** – 1);

11. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Musical sounds **Melody. Concord.** **N.** *scale* (82); *chime* (33). **V.** *chime* (2, 3); *string*. (**N.** – 3; **V.** – 2);

12. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Musical sounds **Music.** – **N.** *peal* (2, 6, 14, 78, 83); *chaunt* (74); *chant* (74). (**N.** – 3);

13. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Musical sounds **Musician.** – **V.** *drum* (2, 33, 50); *chirrup* (10, 77, 78). (**V.** – 25);

14. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Musical sounds **Musical instruments.** – **N.** *pipe* (15, 30, 64); *horn* (41). (**N.** – 9);

15. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Taste **Pungency.** – **N.** *twang* (16, 88); *hubble-bubble*. **V.** *pickle* (26); *chew* (48). (**N.** – 4; **V.** – 2);

16. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Taste **Taste.** – **N.** *twang* (15, 88); *smack* (1, 36, 53, 65, 98); **V.** *smatch*; *tickle* (13). (**N.** – 4; **V.** – 4);

17. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Heat **Calefaction.** – **N.** *kindling*; *wrap*. **V.** *kindle* (39, 69); *poke* (65, 90). (**N.** – 2; **V.** – 6);

18. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Heat **Cold.** – **N.** *shivering*; *chatter*. **V.** *shiver* (23, 80, 85); *quake* (80); **Adj.** *shivering*. (**N.** – 3; **V.** – 7; **Adj.** – 1);

19. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Heat **Heat.** – **N.** *glow*; *flush* (30, 78, 96); **V.** *seethe* (17); *pant* (45, 96). (**N.** – 4; **V.** – 7);

20. Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Heat [sensation of pressure] **Touch.** – **N.** *tick*; *thump*. **V.** *thumb*; *grabble*. (**N.** – 3; **V.** – 4);...

Из выше приведенных концептуальных доменов подражательных лексем английского языка можно сделать следующие выводы:

1. Всего подражательных лексем английского языка – 970 (из них 358 – существительных; 513 – глаголов; 86 – прилагательных; 7 – междометий; 6 – наречий);

2. Общий подсчет подражательных лексем в каждой группе КД составил 1440. По подсчетам преобладают следующие группы КД: № 65 (Class II **SPACE (MOTION)** Motion conjoined with force **Impulse.**) – 66 лексем; № 10 (Class III **MATTER (ORGANIC MATTER) SENSATION** Special sensations / Sound / Specific sounds [Animal sounds] **Ululation.**) – 64 лексем; № 30 (Class III **MATTER (INORGANIC MATTER) Fluid matter / Fluids in motion** [water in

motion] **River.**) – 55 лексем; **№ 79** (Class IV **AFFECTIONS (PERSONAL AFFECTIONS)** Passive affections [expression of pain] **Lamentation.**) – 49 лексем; **№ 85** (Class I **ABSTRACT RELATIONS (CAUSATION)** Power in operation [Non-production] **Destruction.**) – 41 лексем;

3. Путем математической разницы выявили **470** так называемых «overlapping» лексем, т.е. тех, что могут присутствовать в нескольких КД:

1) существительные – **1** лексема встречается в девяти группах КД: *blow* (31, 50, 64, 65, 66, 67, 68, 85, 95); **2** лексемы – в шести группах КД: *peal* (2, 6, 12, 14, 78, 83); *smack* (1, 16, 36, 53, 65, 98); **1** лексема – в пяти группах КД: *bark* (9, 10, 51, 53, 56); **4** лексемы – в четырех группах КД: *flush* (19, 30, 78, 96); *pipe* (14, 15, 30, 64); *stream* (29, 30, 31, 99); *bubble* (32, 48, 71, 91); **8** лексем – в трех группах КД: *thrill* (22, 69, 96); *puff* (24, 46, 98); *tap* (64, 65, 76); **35** лексем – в двух группах КД: *knock* (65, 85); *slap* (55, 65); *flutter* (80, 96); *stir* (84, 99); *crash* (65, 85); *crack* (61, 85); *cuff* (50, 65); *cackle* (49, 89); *prattle* (49, 89); *yawning* (45, 64); *rush* (30, 95); *gush* (30, 44); *thud* (1, 4); *whisper* (5, 88); *moan* (5, 79); *hiss* (7, 55); *chime* (11, 33); *rattle* (14, 49);

2) глаголы – **1** лексема – в одиннадцати группах КД: *blow* (13, 17, 29, 31, 43, 45, 62, 65, 69, 85, 95); **4** лексемы – в восьми группах КД: *grind* (13, 22, 24, 25, 39, 40, 41, 42); *roar* (2, 6, 9, 10, 31, 78, 79, 95); *shake* (2, 13, 18, 54, 69, 85, 96); *puff* (31, 43, 44, 45, 46, 47, 83, 87); **1** лексема – в семи группах КД: *creep* (21, 47, 66, 80, 86, 87, 100); **2** лексемы – в шести группах КД: *sprinkle* (26, 30, 35, 36, 37, 38); *drop* (30, 45, 63, 66, 79, 90); **6** лексем – в пяти группах КД: *snar* (1, 39, 48, 57); *roll* (2, 30, 63, 79, 99); *hum* (2, 5,

10, 13, 91); *flow* (5, 23, 29, 30, 99, 100); *whistle* (7, 13, 31, 48, 63); *stagger* (66, 69, 86, 92, 96); **18** лексем – в четырех группах КД: *knock* (1, 45, 65, 85); *crack* (1, 23, 46, 480); *drum* (2, 13, 33, 50); *guggle* (3, 10, 30, 32); *thunder* (6, 54, 56, 95); *cheer* (9, 75, 76, 77); *chirrup* (10, 13, 77, 78); *scrape* (24, 25, 40, 61); *rub* (25, 40, 50, 78); **49** лексем – в трех группах КД: *murmur* (5, 30, 79); *babble* (5, 30, 49); *bellow* (6, 9, 10); *hiss* (7, 10, 55); *buzz* (7, 8, 10); *pipe* (8, 9, 13); *howl* (9, 10, 31); *bark* (10, 52, 54); *croak* (10, 79, 88); *chuckle* (10, 46, 78); *tinkle* (21, 22, 96); *crush* (24, 67, 85); *snuff* (31, 85, 97); *shuffle* (36, 86, 92); *clip* (63, 86, 88); **104** лексем – в двух группах КД: *clink* (3, 8); *patter* (2, 65); *rustle* (2, 7); *yelp* (8, 10); *whheeze* (7, 31); *whine* (9, 79); *snore* (9, 90); *crow* (10, 78); *seethe* (17, 19); *reek* (19, 26); *crunch* (24, 48); *scowl* (39, 79); *champ* (40, 73); *gulp* (48, 97);

3) среди прилагательных можно отметить **8** лексем, встречающихся в двух группах КД: *flowing* (6, 30); *crying* (9, 10); *shivery* (23, 24); *seething* (27, 69); *sloppy* (27, 28); *swampy* (27, 28); *breezy* (31, 77); *flushed* (77, 78).

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что английский язык, несомненно, изобилует подражательными лексемами; последние же характеризуются своей многозначностью, о чем свидетельствуют выше приведенные цифры так называемых «overlapping» лексем (когда одна лексема относится сразу к нескольким концептуальным доменам); оперируя концептуальными доменами на основе «Тезауруса слов и фраз» С.Р. Роже, а также методом подсчета, мы предприняли попытку выстроить всю систему английских имитативов, имеющих в нашей базе данных.

Библиографический список

1. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь. – М., 1990.
2. Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю.Д. Апресян [и др.]. – М., 1999.
3. Вебстерский энциклопедический словарь английского языка. – Нью-Джерси, 1993.
4. Джирартс, Д. Теории лексической семантики. – Нью-Йорк, 2010.
5. Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов [и др.]. – М., 1996. – Кн. 3.
6. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М., 1981.
7. Роже, С.Р. Тезаурус слов и фраз. – Нью-Йорк, 1941.
8. Караулов, Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования / Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович. – М., 2009.
9. Русский ассоциативный словарь. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н., Караулов [и др.]. – М., 1996. – Кн. 2.

Bibliography

1. Myuller, V.K. Anglo-russkiy slovarj. – M., 1990.
2. Noviy Bol'shoy anglo-russkiy slovarj: v 3 t. / Yu.D. Apresyan [i dr.]. – M., 1999.
3. Vebsterskiy ehnciklopedicheskiy slovarj anglijskogo yazihka. – Njyu-Dzhersi, 1993.
4. Dzhirarts, D. Teorii leksicheskoy semantiki. – Njyu-Yjork, 2010.
5. Russkiy asociativniy slovarj. Pryamoy slovarj: ot stimula k reakcii. Associativniy tezaurus sovremennogo russkogo yazihka / Yu.N. Karaulov [i dr.]. – M., 1996. – Kn. 3.
6. Karaulov, Yu.N. Lingvisticheskoe konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazihka. – M., 1981.
7. Rozhe, S.R. Tezaurus slov i fraz. – Njyu-Yjork, 1941.
8. Karaulov, Yu.N. Lingvokul'turnoe soznanie russkoy yazikovoy lichnosti. Modelirovaniye sostoyaniya i funkcionirovaniya / Yu.N. Karaulov, Yu.N. Filippovich. – M., 2009.
9. Russkiy asociativniy slovarj. Obratniy slovarj: ot reakcii k stimulu. Associativniy tezaurus sovremennogo russkogo yazihka / Yu.N., Karaulov [i dr.]. – M., 1996. – Kn. 2.

Статья поступила в редакцию 12.03.13

УДК 81'23

Barsukova S.S. THE PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF TIME PERSPECTIVE THINKING. The given article reviews time perspective thinking as a conscience-oriented activity which consists of two almost simultaneous actions: making an assumption mentally and verbalizing it by means of a language. There exist certain aims and motives that aspire an individual to start making assumptions as well as there are certain linguistic means to represent the results of this assumption-making process in a verbalized form. Both theses named above are further developed in the article.

Key words: futurity, time perspective thinking, conscience, language, verbalization, predictive semantics of the lexical units, modality, conditional mood.

С.С. Барсукова, аспирант Алтайской гос. педагогической академии,
г. Барнаул, E-mail: sveta_barsukova@yahoo.com

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОГНОСТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается феномен прогностического мышления как деятельности сознания, складывающейся из психологического и лингвистического аспектов: формирование представления о предстоящем и по-

что одновременная вербализация данного представления. Существующие цели и мотивы прогностического мышления, а также способы закрепления результатов такого мышления в вербальной форме – приведены в настоящей статье.

Ключевые слова: **будущность, прогностическое мышление, сознание, язык, вербализация, слова с «предсказывающей» семантикой, модальность, условное наклонение.**

В процессе жизнедеятельности человек приобретает необходимые ему знания об устройстве окружающего мира, которые, применяясь практически, подтверждают свою достоверность и создают предпосылки для постулирования законов и формирования традиций. Полученными таким образом законами и созданными традициями человек руководствуется как при реализации своих целей в повседневной жизни, так и при построении прогнозов развития событий в будущем.

Прогнозирование связано с составлением представлений «о том, чего ещё нет в действительности, но что потенциально содержится в настоящем в виде объективных и субъективных предпосылок ожидаемого хода развития» [1]. В ходе прогнозирования исследуются перспективы, в результате выявления которых приходят к выводам о варианном состоянии того или иного изучаемого объекта или явления, при этом внимание уделяется как рассмотрению достоинств предстоящих состояний объекта (явления), так и определению возможных проблем и трудностей, связанных с его предстоящим состоянием. В соответствии с таким двунаправленным рассмотрением предстоящего, прогностическое мышление классифицируют как саногенное (позитивное) и патогенное (негативное) [2, с. 17]. С другой стороны, формирование прогноза представляет собой установление причинно-следственных связей, в которых следствием выступает предполагаемое положение вещей в будущем, соотносённое и зависящее от существующего на данный момент положения вещей, выступающего причиной в устанавливаемых причинно-следственных связях.

Исследователи, занимающиеся изучением причинности, придерживаются отличных друг от друга точек зрения в вопросе о временном соотношении причины и порождаемого ею следствия. Если Аристотель рассматривал причину как одновременную своему следствию (например, обучающий и обучаемый в процессе обучения) [3, с. 218], то в современной науке высказывается мнение, согласно которому причина и следствие отделены друг от друга в пространственном и временном отношениях [4, с. 7]. При этом следствие может возникнуть как сразу вслед за причиной, так и по истечению определённого промежутка времени. Также известны случаи, когда следствие может отсутствовать при кажущемся наличии причины, что характеризуется как неполная причина [5, с. 85]. В отличие от «бесследственных» причин, беспричинные следствия как явления невозможны, что объясняется законами существования материи и движения, исключающими возникновение чего-либо из ничего. Причинность может включать в себя не только явления и предметы (предметная причина), но и связь мыслей (логическое обоснование). Наличие двух данных видов причинно-следственных отношений обусловлено существованием двух различных уровней познания человеком объективной действительности: эмпирического и теоретического. Итак, причина как первая составляющая понятия причинности всегда предшествует второй его составляющей (или является одновременной ей), а также является необходимым условием, предпосылкой или основой существования второй составляющей понятия причинности – следствия.

В большинстве случаев при составлении прогнозов исследователи опираются на конкретные факты, законы и традиции, выведенные или эмпирически (на основе ощущений, восприятия и представлений), или умозрительно (посредством понятий, суждений и умозаключений). Такие прогнозы, составленные с опорой на реальные сведения, относят к осознанному типу прогноза. Наряду с осознанным, выделяют интуитивный тип прогноза, опирающийся на «зарождающиеся тенденции, неосознанные законы и неоткрытые явления» [6, с. 46]. Не подвергая сомнениям важность для прогнозирования опытных данных, нельзя отрицать и роль интуиции при построении моделей будущего. Интуиция как «способность человека к постижению истины путём её прямого усвоения без обоснования доказательствами» [7] является для человека альтернативным средством предвидения возможных исходов в том случае, если имеющихся для такого предвидения знаний на данный момент у человека недостаточно. Интуитивное познание, с одной стороны, характеризуется такими свойствами, как непосредственность и недискурсивность; с другой стороны, для потенциально успешных резуль-

татов неосознанного, интуитивного постижения идей – в абсолютном большинстве случаев требуется продолжительное-качественная подготовка сознания или накопление достаточного опыта в той области, пределы которой включают в себя явление, подлежащее интуитивному созерцанию [8]. В отличие от прогнозирования, основанного на конкретном знании, интуитивное познание, не имеющее подобной основы, представляется более схожим с предсказанием, и потому, возможно, имеет смысл проведение демаркационной линии между прогнозированием и предсказанием (при построении модели будущего на основе конкретного знания) и чисто интуитивного предвидения событий, соответственно. Так или иначе, интуитивные способности человека также позволяют ему выдвигать предположения относительно будущего положения вещей.

Важность для человека знаний о будущем, необходимость построения прогнозов – обусловлены не только априорным интересом человека к будущему, его стремлением к прогрессу и ориентацией на результат как предвосхищённую цель, но и причинно-следственностью всего происходящего в мире. То, в чём человек находит себя сейчас, есть не только следствие причин, имевших место в прошлом, но одновременно и уже существующая причина того, чему только предстоит быть реализованным в будущем. Другими словами, настоящее как причина уже в данный момент порождает будущее как следствие; более того, поскольку есть причина (в виде настоящего), то уже в данный момент есть и следствие (в виде будущего), и поэтому человек желает быть так или иначе осведомлён о направлении вектора развития событий, берущего своего начало в так называемой точке «здесь и сейчас». В обретении такой осведомлённости человеку оказывается полезным диалектико-прогностическое мышление. По Аристотелю, оно «объясняет мир на основе целевых причин» и определяет способ перехода от «замысла создателя» к «причине появления создаваемого».

Какой бы значимостью ни обладало прогностическое мышление, следует иметь в виду, что прогноз как его продукт может не всегда совпадать с реальностью и ожидания по поводу предполагаемого исхода событий не всегда могут быть оправданы. Если в процесс развития событий вмешивается какая-либо случайность, неучтённый фактор или обстоятельство, побочное действие или чужая воля, то возможное возложение надежд на определённые результаты может оказаться напрасным, поскольку в схеме «причина-следствие» наряду с первопричиной возникает дополнительная причина, как бы отменяющая предполагавшееся первой причиной следствие и порождающая новое, неожиданное и непредсказуемое следствие [9]. Можно предположить, что эта ситуация связана с упоминавшимся выше феноменом неполной причины, когда следствие или отсутствует при наличии причины, или не соответствует ей. Таким образом, причинно-следственные связи не являются непоколебимыми формациями, поскольку наличие непредсказуемых факторов, случайностей может разрушать казуальные связи, изначально казавшиеся очевидными. Реакция исследователя в момент выявления несостоятельности прогноза всегда связана с такими эмоциональными состояниями, как удивление, радость, возмущение, разочарование, потрясение и т.д. – в зависимости от того, положительный или негативный прогноз оказался несостоятельным.

Составление прогнозов – это всегда деятельность, связанная с работой мышления. Одним из путей оформления мысли, наряду с физическим действием, созданием образа, его воплощением в художественной форме, является её вербализация. Язык представляет собой инструмент придания мысли материально-знаковых форм; при этом имеется в виду мысль не только как констатация факта, но и мысль как сама возможность существования этого факта, то есть мысль прогностическая. В самом общем смысле, любая сентенция, описывающая будущность есть речевой акт, содержащий в себе прогноз. Например:

(1) *“You’ll be all right <...> The nurses tell me the doctors’ve done wonders for your leg”* (I. Shaw);

(2) *“I know G., the Prefect of Police, and shall have no difficulty in obtaining the necessary permission”* (E. Poe);

(3) *“Because until I find out what I am, I’ll never find out who I am”* (E. Segal).

Несмотря на то, что во всех этих предложениях события будущего формально утверждаются, а не предполагаются (возможными или невозможными), следует признать, что полная уверенность утверждений о будущем не может восприниматься как нечто абсолютно категоричное, поскольку картина будущего не может быть доподлинно известна познающему субъекту, находящемуся в настоящем. Это значит, что все формальные «утверждения», высказанные в предложениях, описывающих будущее, более правомерно было бы рассматривать как формально немаркированные предположения. Для того, чтобы стать «полноправными» утверждениями, высказывания должны пройти через акт верификации высказываемого, возможность осуществления которого принадлежит сфере будущего; в момент настоящего – возможность подобной проверки отсутствует. Вместе с тем, изъявительное наклонение смыслообразующих глаголов в приведённых предложениях свидетельствует о том, что эти предложения сформированы посредством такой языковой категории, как объективная модальность, представляющая события как реальные или объективно возможные. В общем смысле, языковая модальность представляет собой «сложную категорию, формируемую по двум основаниям – онтологическому (в этом случае формы категории передают значения в рамках отношений «объект-признак») и антропоцентрическому (и в этом случае предполагается экспликация степени познания отношений, обозначенных выше). Базой для их объединения в единое целое служит наличие семантических констант, а критерием разграничения объективной и субъективной модальности – преломление этих констант в параметрах онтологичности сущего и антропологичности осмысливаемого» [10, с. 48].

Таким образом, субъективная (или, в иных терминах, гипотетическая) модальность, призвана передавать разную степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности. С лингвистической точки зрения, сформированные гипотетической модальностью прогностические высказывания предполагают использование определённых языковых средств (как лексических, так и грамматических). К лексическим средствам выражения прогностического содержания высказывания относятся, во-первых, использование определённых глаголов, обладающих «предсказывающей» или «предположительной» семантикой, а также модального глагола *may*, приписывающего свойство гипотетичности действию, обозначенному смыслообразующим глаголом предложения. Например:

(4) *"In the province of the mind, what one believes to be true either is true or becomes true"* (J. Lilly);

(5) *"We will suppose <...> that his symptoms are such and such; now, doctor, what would you have directed him to take?"* (E. Poe);

(6) *"And, dying before being thrown into the river, she might have been found floating at any period afterwards whatever"* (E. Poe);

(7) *"I would expect to be made chairman of the board, with you as a president of the company, at an appropriate salary <...> and an option to buy a certain amount of stock in the next five years"* (I. Shaw).

Данный пример, взятый из книги И. Шоу «Богач, бедняк», является выражением надежд одного из главных героев, Руди Джордаха, на то, что Дункан Колдервуд, руководитель универсама, согласится на его предложение о создании торговой корпорации. Высказыванию предположения о расширении компании предшествовала долгая и кропотливая подготовка проекта с учётом всех нюансов и возможных сложностей, поэтому предлагающий полностью уверен в успехе предлагаемого. Впоследствии, предложение Руди Джордаха оказывается принятым и он, согласно своим ожиданиям, фактически становится председателем правления «Д.К. Энтерпрайзис». Глагол *expect*, использованный Руди Джордахом для выражения его ожиданий, используется для аналогичной цели и традиционно. В рамках проводимого исследования глагол *expect* как одно из наиболее частотных вербальных средств построения прогноза представляет особый интерес, поэтому целесообразно провести семантический анализ его лексического значения. Глагол *expect* в разных словарях определяется следующим образом: "to think that something will happen because it seems likely or has been planned" [11, p. 546]; "to regard as likely to happen, do or be the case; to assume as a future event or occurrence; to require as appropriate or rightfully due" [12, URL]; "to look for (mentally); to look forward to something that is believed to be about to happen or come; to have a previous apprehension of something; to look for with some confidence" [13]. Очевидно, что дефиниции глагола *expect*, взятые из разных словарей, принципиально не отличаются друг от друга, в большинстве определяя данный глагол как лексическую единицу, означающую полагание, видение будущих собы-

тий в том или ином ожидаемом исходе. Отличительной чертой двух из дефиниций является факт учёта в них некоего предыдущего опыта, на котором основаны суждения прогнозирующего субъекта о будущем. В целом, все определения описывают процесс ожидания того или иного развития событий, с опорой на наличествующий опыт или без неё (на основе интуиции). Преобразованная дефиниция, полностью отражающая смысловое наполнение данного глагола, может быть представлена в следующей формулировке: to think that something will happen because it seems likely, appropriate, due, and/or has been planned or previously apprehended. В качестве верификационного приёма проведём операцию семантического развёртывания (преобразования менее эксплицитной формы в более эксплицитную) глагола *expect*.

Глагол *anticipate* семантически состоит с глаголом *expect* в отношениях включения, его дефиниция – "to expect that something will happen and be ready for it" [11, p. 53] – при процедуре развёртывания выглядит следующим образом: to think that something will happen because it seems likely, appropriate, due, and/or has been planned or previously apprehended, and to be ready for it. В значении глагола *anticipate* доминирующим компонентом является *expect* (его содержание представлено семой "to think that something will happen" и т.д.), а субординативными компонентами – "to be ready for it". Очевидной становится принадлежность глаголов *expect* и *anticipate* к лексико-семантической группе, объединяющей наряду с ними глаголы *apprehend*, *await*, *look for*, *reckon*, *suppose*, *wait* и т.д., поскольку в их значениях в доминирующей позиции находится компонент *expect*.

Открытый системно-классификационный кластер глаголов, обладающих значением предположения и предвосхищения и использующихся в модусной части высказывания, формируется такими единицами этого лексико-грамматического класса, как совокупность следующего плана: *to assume*, *to consider*, *to contemplate*, *to forecast*, *to guess*, *to infer*, *to predict*, *to presume*, *to propose*, *to seem*, *to speculate*, *to surmise*, *to think*. Очевидно, что предположение может быть вербализировано и использованием отглагольных существительных, образованных от некоторых из вышеперечисленных глаголов: *anticipation*, *assumption*, *contemplation*, *inference*, *prediction*, *proposal*, *speculation* и т.д. Высказывания, вводимые конструкцией такого рода, как: *"My anticipation/assumption/prediction/etc. is that..."* – можно рассматривать как примеры построения предположений. В этих случаях говорящий сначала как бы объявляет о том, что у него есть некий прогноз относительно будущего положения вещей, после чего, будучи объявленным, вниманию адресатов высказывания представляется и собственно прогноз. Говоря другими словами, модусная, связанная с субъективным восприятием говорящего часть высказывания предшествует диктумной части, передающей основное содержание сообщения (Балли, 1955). Например:

(8) *"My assumption is that the problem these guys have with Romney is that he hasn't released the hounds like a proper plutocrat would have done by now"* (N. Turse);

(9) *"The assumption is that your personal life has to be a mess to create, but how much chaos can you allow in before it takes over?"* (D. Byrne);

(10) *"But my prediction is that predictive tools will move from being of marginal interest to become part of mainstream culture and everyday life"* (Ph. Tetlock).

Кроме использования особых глаголов и образованных от них существительных, к лексическим средствам построения предположений следует относить и использование модальных слов (вводных слов и наречий), придающих высказыванию оттенок предположительности: *feasibly*, *likely*, *maybe*, *perchance*, *perhaps*, *possibly*, *potentially*, *presumably*, *probably*, *supposedly* и т.д. Например:

(11) *"We're as likely to hurt the universe as we are to help it, and we're not likely to do either"* (J. Green);

(12) *"And perhaps it will be pleasing to have remembered these things one day"* (Virgil).

Наряду с лексическими, при построении высказываний, носящих предположительный характер, используются и грамматические средства. Грамматически, модальность предположения может быть выражена посредством наклонения смыслообразующего глагола. Смирницкий выделяет предположительное и условное наклонения как особые подвиды наклонения сослагательного [14, с. 342]. Предложения типа *Should you see her, give her my love/ Should it be so, I'll be the first to congratulate you* или *If I were asked, I would answer that...*, в которых предположительное и условное наклонения образуются аналитическим сочетанием модального глагола *should/would* с инфинитивом – являются примерами, иллюстрирующими использование этих видов

наклонения как грамматических средств формирования модальности предположения. Например:

(13) *"Could my ideas flow as fast as the rain in the store closet it would be charming"* (J. Austen);

(14) *"If I had to do it all over again, I'd avoid the ivy-covered walls like the plague"* (I. Shaw);

(15) *"Ah, if I had the money, I'd get away from it all, live on an island"* (I. Shaw).

На основании вышесказанного и анализа иллюстрирующих основные положения исследования примеров, можно заключить, что построение мысленных моделей будущего, предположений, неразрывно связано с их последующей, почти одновременной

вербализацией, основные функции которой состоят в сохранении информации в сознании прогнозирующего индивида и в трансляции её во внешний мир. При этом выясняется, что язык обладает широким ресурсным потенциалом экспликации прогностического действия, что, возможно, косвенно подтверждает его серьёзную значимость в осуществлении жизнедеятельности человека и социума. Полученные в ходе анализа языковых фактов результаты представляют интерес с точки зрения выявления возможностей, характера, источников и уровня возникновения нарушений логики причинно-следственных связей, которые проявляются в языковой экспликации как композиционно-стилистический эффект «обманутого ожидания».

Библиографический список

1. Клименко, А.В. Обществознание [Э/п]. – Р/д: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/klim/03.php
2. Юнг, К. Психологические типы // Психология индивидуальных различий. – М., 1982.
3. Аристотель. Соч.: в 4 т. – М., 1975. – Т. 1.
4. Свечников, Г.А. Категория причинности в физике. – М., 1961.
5. Гоббс, Т. Избранные сочинения. – М.; Л., 1926.
6. Карманчиков, А.И. Прогностическая логистика в системе образования. – Ижевск, 2012.
7. Ерохин, А.М. Философия [Э/п]. – Р/д: <http://abc.vvsu.ru/Books/filosofia/page0015.asp>
8. Советский энциклопедический словарь. – М., 1981.
9. Ивин, А.А. Логика: учеб. пособие. – М., 1998 [Э/п]. – Р/д: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ivin/_Index.php
10. Трунова, О.В. Архитектоника категории модальности в современном английском языке // Научный альманах АлтГПА / под ред. О.В. Труновой. – Барнаул, 2013. – Вып. 3.
11. [LDCE] Longman Dictionary of Contemporary English / [director, Della Summers]. – New ed. P. cm
12. [COED] Concise Oxford English Dictionary [Э/п]. – Р/д: <http://www.diclib.com/expect/show/ru/coed/E/2287/2040/24/0/26350>
13. [web1913] Webster's Revised Unabridged English Dictionary [Э/п]. – Р/д: <http://www.merriam-webster.com>
14. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка. – М., 1959.

Список источников иллюстративного материала

1. По, Э.А. Новеллы; на англ. яз. – Новосибирск, 2007.
2. Шоу, И. Богач, бедняк: книга для чтения на английском языке. – СПб., 2008.
3. Austen, J. Jane Austen's Letters [Э/п]. – Р/д: quotes.diclib.com/I_begin_already_to_weigh_my_words_and
4. Green, J. The Fault in our Stars [Э/п]. – Р/д: <http://bookmate.com/books/XLK2cGad>
5. Lilly, J. The Human Biocomputer [Э/п]. – Р/д: http://books.google.ru/books/about/Programming_the_Human_Biocomputer.html
6. Segal, E. The Class. – Random Publishing House Group, 1989.
7. Turse, N. Kill anything that moves [Э/п]. – Р/д: kohenari.net/post/15884086290
8. Virgil. Eclogues-Georgics-Aeneid Books I-VI / Virgil [Э/п]. – Р/д: <http://www.amazon.com/Virgil-Eclogues-Georgics-Aeneid-Books-Classical-Library/dp/0674990706>

Bibliography

1. Klimenko, A.V. Obshchestvoznanie [Eh/r]. – R/d: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/klim/03.php
2. Yung, K. Psikhologicheskie tipy // Psikhologiya individualnykh razlichiy. – M., 1982.
3. Aristotelj. Soch.: v 4 t. – M., 1975. – T. 1.
4. Svechnikov, G.A. Kategoriya prichinnosti v fizike. – M., 1961.
5. Gobbs, T. Izbranniye sochineniya. – M.; L., 1926.
6. Karmanchikov, A.I. Prognosticheskaya logistika v sisteme obrazovaniya. – Izhevsk, 2012.
7. Erokhin, A.M. Filosofiya [Eh/r]. – R/d: <http://abc.vvsu.ru/Books/filosofia/page0015.asp>
8. Sovetskijy ehnciklopedicheskijy slovarj. – M., 1981.
9. Ivin, A.A. Logika: ucheb. posobie. – M., 1998 [Eh/r]. – R/d: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ivin/_Index.php
10. Trunova, O.V. Arkhitektonika kategorii modaljnosti v sovremennom angliyskom yazihke // Nauchniyj aljmanakh AltGPA / pod red. O.V. Trunovoyj. – Barnaul, 2013. – Vihp. 3.
11. [LDCE] Longman Dictionary of Contemporary English / [director, Della Summers]. – New ed. P. cm
12. [COED] Concise Oxford English Dictionary [Eh/r]. – R/d: <http://www.diclib.com/expect/show/ru/coed/E/2287/2040/24/0/26350>
13. [web1913] Webster's Revised Unabridged English Dictionary [Eh/r]. – R/d: <http://www.merriam-webster.com>
14. Smirnitskiy, A.I. Morfologiya angliyskogo yazihka. – M., 1959.

Spisok istochnikov illyustrativnogo materiala

1. Po, E.A. Novellih; na angl. yaz. – Novosibirsk, 2007.
2. Shou, I. Bogach, bednyak: kniga dlya chteniya na angliyskom yazihke. – SPb., 2008.
3. Austen, J. Jane Austen's Letters [Eh/r]. – R/d: quotes.diclib.com/I_begin_already_to_weigh_my_words_and
4. Green, J. The Fault in our Stars [Eh/r]. – R/d: <http://bookmate.com/books/XLK2cGad>
5. Lilly, J. The Human Biocomputer [Eh/r]. – R/d: http://books.google.ru/books/about/Programming_the_Human_Biocomputer.html
6. Segal, E. The Class. – Random Publishing House Group, 1989.
7. Turse, N. Kill anything that moves [Eh/r]. – R/d: kohenari.net/post/15884086290
8. Virgil. Eclogues-Georgics-Aeneid Books I-VI / Virgil [Eh/r]. – R/d: <http://www.amazon.com/Virgil-Eclogues-Georgics-Aeneid-Books-Classical-Library/dp/0674990706>

Статья поступила в редакцию 12.03.13

УДК 811.512.141'36:811.111'36

Bilalova D.N. FEATURES OF SUFFIXAL WORD FORMATION IN THE BASHKIR AND ENGLISH LANGUAGES.

This work is devoted to one of actual problems of the Bashkir linguistics – to the comparative description of word-formation structure of the word in the Bashkir and English languages. The author compares suffix word formation of two languages.

Key words: morphology, suffix, affix, morpheme, comparison, word formation, language, linguistics, the comparative description, word.

Д.Н. Билалова, аспирант Стерлитамакского филиала Башкирского гос. университета,
г. Салават, E-mail: dina-bilalova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СУФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В БАШКИРСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Работа посвящена одной из актуальных проблем башкирской лингвистики – сопоставительному описанию словообразовательной структуры слова в башкирском и английском языках. Автор сравнивает суффиксальное словообразование двух языков.

Ключевые слова: морфология, суффикс, аффикс, морфема, сравнение, словообразование, язык, лингвистика, сопоставительное описание, слово.

В башкирском и английском языках в структуре слова выделяются морфемы корневые и морфемы служебные, или аффиксальные.

Корневая морфема является носителем основного элемента лексического значения слова. Аффиксальные морфемы (от лат. *affixus* — прикреплённый) — аффиксы (префикс, суффикс, постфикс, аффиксоид) оформляют данное слово как лексико-грамматическую единицу в системе частей речи. При этом аффиксы, префиксы и суффиксы могут различаться не только по месту в слове, но и по степени самостоятельности. Суффиксы, оформляющие слово как определенную часть речи, теснее связаны с основой, в то время как префиксы главным образом изменяют семантику слова [1, с. 36].

Суффиксом называется аффикс, стоящий после корня или после другого суффикса. В башкирской лингвистике отсутствует деление аффиксальных морфем на суффиксы. Но словообразующих и формообразующих аффиксов можно приравнять суффиксам. В составе башкирских слов присутствуют словообразующие элементы, исследователи-лингвисты их называют иноязычными суффиксами [2, с. 69]. Таким образом, в башкирском языке употребляются следующие иноязычные суффиксы:

1) персидские суффиксы, участвующие в образовании имен существительных и прилагательных:

-кәр, -кәр, -гәр: хезмәткәр 'сотрудник', хәйләкәр 'хитрый', эшмәкәр 'деятель', саузагәр 'торговец, купец';

-дар, -дәр, -зар: диндар 'религиозный', телдәр 'говорун', Айзар 'Айдар';

-гир: яугир 'боец, воин', Йыһангир 'Зигангир';

-ман/-мән: эзәрмән 'следопыт', кейәрмән 'болельщик';

-намә: йондознамә 'гороскоп', һораунамә 'вопросник', тарихнамә 'историческое описание';

-хана: икмәхана 'хлебопекарня', кунәхана 'гостиница', оҫтахана 'мастерская', ашхана 'столовая', дауахана 'больница', дарыухана 'аптека', хәстәхана 'больница', бөзрәхана 'парикмахерская', китапхана 'библиотека', кымызхана 'кумысная';

-стан: Башкортостан 'Башкортостан', Дағстан 'Дагестан', Қазақстан 'Казахстан', Кыргызстан 'Киргизия', Татарстан 'Татарстан';

-хур: ғәмхур 'скорбный, печальный', канхур 'кровожадный' сәйхур, 'любитель чая';

2) арабские суффиксы употребляются в основном в образовании имен существительных и прилагательных:

-ат/-әт/-ият/ -иәт: мәғлүмәт 'информация', хакимият 'администрация';

-и, -уи, -үи, -ани: ғәзәти 'обыкновенный', әзәми 'человеческий', донъяуи 'светский';

3) русские суффиксы также употребляются в башкирском языке в образовании фамилий, отчеств, терминов, обозначающих общественно-политические направления или группу людей:

-ов(а), -ев(а), -ин(а), -ский(ая): Изрисов(а), Ишбаев(а), Туйсин(а), Фәткуллин(а), Мортазин-Иманский;

-ович, -евич, -ич, -овна, -евна, -инична: Фаткуллович, Фанилевич, Сафич, Расуловна, Наилевна, Сафинична.

4) суффиксоиды, выделяемые в полукальках с интернациональной основой:

- ив/-атив: федератив 'федеративный', норматив 'нормативный';

- ик: филологик 'филологический';

- аль/-уаль: горизонталь 'горизонтальный', интеллектуаль 'интеллектуальный';

- ар/-яр: элементар 'элементарный', популяр 'популярный';

- ор: иллюзор 'иллюзорный';

- иль: стабиль 'стабильный';

- яль: лояль 'лояльный';

Таким образом, исходя из данных примеров можно сделать вывод, что в башкирском языке активно употребляются иноязычные суффиксы, которые занимают значительное место в составе словообразовательных средств.

В современном английском языке суффиксация, как известно, получила широкое употребление в процессе словопроизводства всех основных частей речи. Существует достаточно много критериев описания и классификации словообразовательных суффиксов. Основные типы их классификации следующие:

1. Классификация суффиксов в зависимости от части речи, к которой принадлежит производное слово. При присоединении к основе выполняет категориальную функцию, «переноса» при этом производное слово в другую часть речи. В данной классификации выделяются следующие виды суффиксов: именные, адъективные, глагольные и адвербиальные.

2. Классификация словообразовательных суффиксов в зависимости от части речи, к которой принадлежит исходное (производящее) слово: отыменные, отглагольные и отадъективные суффиксы.

Преобладающее большинство словообразующих суффиксов могут сочетаться с корневыми основами разных частей речи, иными словами они обладают многовалентностью.

3. Семантическая классификация, основанная на общности абстрактного категориального значения, которое присуще словообразующему суффиксу. Так, например, среди именных суффиксов можно выделить следующие семантические классы:

а) агентивные суффиксы -ant, -er, -ee, -ess, -eer (assistant 'помощник, ассистент', provider 'поставщик, провайдер', addressee 'адресат', actress 'актриса', engineer 'инженер');

б) суффиксы обозначения национальной или географической принадлежности: -ian, -ese (Russian 'русский' Mordovian 'мордовский', Ukrainian 'украинский, украинец', Chinese 'китаец, китайский');

в) суффиксы собирательного значения: -dom, -age (earldom 'графство', luggage 'багаж');

г) уменьшительные суффиксы: -ie, -let, -ling, -ette (birdie 'пташка', booklet 'книжка, буклет, брошюра', duckling 'утенок', kitchenette 'кухонька').

4. По своему происхождению словообразовательные суффиксы подразделяются на исконно английские (-ly, -ful, -er, -ness, -ward) и заимствованные (романские -tion, -able, -ize, -fy, -ance, -ous и др.; греческие -ism, -ite, -ic). Заимствованный суффикс считается полностью ассимилированным в языке только тогда, когда он производит новые слова.

5. Классификация словообразовательных суффиксов с позиции их продуктивности различает «живые» и «мертвые» суффиксы. К «живым» суффиксам относятся те суффиксы, которые можно легко отделить от основы. Что касается «мертвых» суффиксов, то эти суффиксы полностью вышли из употребления и поэтому воспринимаются как неделимая часть слова.

Продуктивность словообразовательного суффикса зависит от структурных, лексико-грамматических и семантических особенностей, как корневой основы, так и самого суффикса. Кроме того, необходимо иметь в виду, что словообразовательный суффикс может быть весьма продуктивным в какой-либо терминологической сфере и совершенно не употребляться в разговор-

ной речи. Далее приводится характеристика наиболее употребительных и продуктивных словообразовательных суффиксов.

Основные суффиксы имен существительных:

1. Суффиксы, обозначающие принадлежность к

а) политическому направлению, профессии или нации:

-ist: Marxist 'марксист', materialist 'материалист'; artist 'художник', physicist 'физик', typist 'машинистка', pianist 'пианист';
-an/-ian: historian 'историк', librarian 'библиотекарь', musician 'музыкант'; Russian 'русский'.

2. Суффикс, обозначающий учение, теорию, качество:

-ism: criticism 'критицизм, критика', atheism 'атеизм', marxism 'марксизм', heroism 'героизм';

3. Суффиксы, обозначающие действующее лицо, его занятие или должность:

-er/-or: teacher 'учитель', director 'руководитель',

-ee /-eer: employee 'служащий', refugee 'беженец, эмигрант', auctioneer 'аукционер'.

4. Суффикс, обозначающий результат действия:

-ment: achievement 'достижение', agreement 'соглашение', government 'правительство',

-ade: lemonade 'лимонад', blockade 'блокада';

5. Суффиксы, обозначающие

а) состояние:

-hood: brotherhood 'братство', childhood 'детство', manhood 'мужественность', motherhood 'материнство';

-ship: dictatorship 'диктатура', friendship 'дружба', leadership 'руководство',

-cy, -asy: accuracy 'точность', infancy 'младенчество', supremacy 'превосходство';

б) действие, состояние:

-age: shortage 'нехватка', marriage 'брак, супружество', voyage 'путешествие',

-ing: hunting 'охота', crossing 'пересечение, перекресток', living 'проживание',

-ence/-ance: silence 'молчание', difference 'различие', importance 'важность', resistance 'сопротивление',

-ion, -tion, -ition, -ation: collection 'собрание, коллекция', dictation 'диктант, диктовка', competition 'соревнование', hesitation 'сомнение, колебание',

-sion: decision 'решение',

-al: approval 'одобрение', removal 'удаление', arrival 'прибытие', refusal 'отказ';

в) качество или состояние:

-dom: freedom 'свобода', kingdom 'королевство', wisdom 'мудрость',

-ness: coldness 'холод', darkness 'темнота', kindness 'доброта', weakness 'слабость', whiteness 'белизна';

-ty: activity 'активность', safety 'безопасность';

г) место действия, занятие или состояние

-ery: bakery 'булочная', surgery 'кабинет хирурга', cookery 'кулинария', slavery 'рабство';

д) род занятий, отрасль науки

-ics: physics 'физика', politics 'политика'.

Основные суффиксы имен прилагательных:

1. Суффикс, образующий прилагательные от существительных и обозначающий национальную принадлежность или слабую степень качества:

-ese: Chinese 'китаец, китайский', Japanese 'японец, японский',

-ish: Polish 'польский', Scottish 'шотландский', greenish 'зеленоватый', reddish 'красноватый', childish 'ребячливый, детский'.

2. Суффиксы, образующие прилагательные от глаголов и обозначающие наличие качества:

-ive: to act 'действовать' - active 'активный', to talk 'разговаривать' - talkative 'разговорчивый',

-ent/-ant: to differ 'различать' - different 'различный', to insist 'настаивать' - insistent 'настойчивый', to observe 'наблюдать, замечать' - observant 'наблюдательный, внимательный'.

3. Суффиксы, образующие прилагательные от существительных и обозначающие наличие качества, свойства:

-ic: base 'основа' - basic 'основной', economy 'экономика' - economic 'экономический',

-al: centre 'центр' - central 'центральный', culture 'культура' - cultural 'культурный', beauty 'красота' - beautiful 'красивый',

-ful: peace 'мир' - peaceful 'мирный',

-ous: fame 'слава' - famous 'знаменитый', glory 'слава' - glorious 'славный';

-y: cloud 'облако' - cloudy 'облачный', sun 'солнце' - sunny 'солнечный'.

4. Суффиксы, образующие прилагательные от различных частей речи и обозначающие

а) качество, свойство:

-ary: element 'элемент' - elementary 'элементарный',

-ory: illusion 'иллюзия' - illusory 'обманчивый, иллюзорный',

б) способность что-либо сделать, состояние, качество:

-able: changeable 'изменяемый', comfortable 'комфортный', eatable 'съедобный', reasonable 'разумный',

в) отсутствие качества:

-less: useless 'бесполезный', windless 'безветренный',

Основные суффиксы глаголов:

-ate: to activate 'активизировать',

-en: to shorten 'укоротить',

-fy, -ify: to purify 'очищать', to simplify 'упрощать',

-ize, -ise: to characterize 'характеризовать'.

Рассмотрим основные суффиксы, образующие наречия от разных частей речи:

а) от прилагательных, существительных, порядковых числительных и причастий:

-ly: bad 'плохой' - badly 'плохо', part 'часть' - partly 'частично', second 'второй' - secondly 'во-вторых',

б) от существительных и наречий и обозначающие направление (или направленность):

-wards: South 'юг' - southward(s) 'южное направление, на юг', after 'после' - afterwards 'впоследствии, позже, потом', back 'обратно, назад' - backward(s) 'назад, в обратном направлении',

ward: home 'дом, домой' - homeward 'к дому, по направлению к дому'.

О.Д. Мешков в своей книге «Словообразование современного английского языка» указывает на то, что суффиксы можно подразделить на терминальные и нетерминальные.

Терминальные суффиксы могут занимать только конечное положение в слове. К ним можно отнести суффиксы -let, -ship, -hood, -ness, -al. Например: greatness 'величие', friendship 'дружба', childhood 'детство', manhood 'мужественность'. Нетерминальные суффиксы способны присоединять после себя другие суффиксы, например, reader - readership 'должность преподавателя университета'. Терминальные суффиксы в свою очередь, составляют определенные семантические группы. Так, например, суффиксы -al, -hood, -ness, -ship являются показателями абстрактных имен существительных. Такие суффиксы как: -kin, -let, -ling - составляют семантическую группу со значением уменьшительности [3, с. 37].

Таким образом, данный языковой материал наглядно демонстрирует факт присутствия суффиксов в башкирском и английском языках. В башкирском языке они являются иноязычными. Они заимствованы из персидского (-кәр, -кәр, -гәр, -дар, -дәр, -зар, -гир, -намә, -хана, -стан, -хур), арабского (-ат/-эт/-ият/-иәт, -и, -уи, -үи, -ани), русского (-ов(а), -ев(а), -ин(а), -ский(ая), -ович, -евич, -ич, -овна, -евна, -инична) языков, а также имеют интернациональные основы (-ив/-атив, -ик, -аль/-уаль, -ар/-яр, -ор, -иль, -яль) [4, с. 50].

В сопоставляемом английском языке одной из важных особенностей суффиксальной системы является большая свобода в соединении суффиксов с основами. Свобода сочетаемости суффиксов и основ в данном языке приводит к многочисленным новообразованиям. В английском языке широко представлена суффиксация. Суффиксы в английском языке могут не только менять значение слова, но и перевести его в категорию другой части речи. Наиболее продуктивными суффиксами имени существительного являются суффиксы: -or, -er, -ist, -ite, -ness, -ism. Продуктивными суффиксами прилагательного являются: -ly, -y, -al. Суффиксы глаголов -fy, -er, -ing.

Английские существительные имеют гораздо больше суффиксов, чем любая другая часть речи. Суффиксы английского языка разнообразны по происхождению. Имеются суффиксы, засвидетельствованные только в качестве морфем, и суффиксы, возникшие из самостоятельных слов; суффиксы исконные и заимствованные из романских языков. Наряду с продуктивными суффиксами, при помощи которых словарный состав английского языка продолжает пополняться новыми лексическими единицами, существуют непродуктивные или малопродуктивные, встречающиеся либо в одном или нескольких словах, либо как морфологическая примета существительного. Суффиксы подразделяются на терминальные и нетерминальные суффиксы. Большинство суффиксов многозначно.

Библиографический список

1. Елисеева, В.В. Лексикология английского языка. – СПб., 2003.
2. Ишбаев, К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособие. – Уфа, 2000.
3. Мешков, О.Д. Словообразование современного английского языка. – М., 1976.
4. Ишкильдина, З.К. Сопоставительная морфемика русского и башкирского языков. – Уфа, 2011.
5. Мюллер, В.К. Англо-русский словарь. – М., 1995.
6. Эйто, Дж. Словарь новых слов английского языка. – М., 1990.

Bibliography

1. Eliseeva, V.V. Leksikologiya angliyskogo yazihka. – SPb., 2003.
2. Ishbaev, K.G. Bashkirskiy yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie: ucheb. posobie. – Ufa, 2000.
3. Meshkov, O.D. Slovoobrazovanie sovremennogo angliyskogo yazihka. – M., 1976.
4. Ishkil'dina, Z.K. Sopotavitel'naya morfemika russkogo i bashkirskogo yazihkov. – Ufa, 2011.
5. Myuller, V.K. Anglo-russkiy slovarj. – M., 1995.
6. Ehyto, Dzh. Slovarj novihkh slov angliyskogo yazihka. – M., 1990.

Статья поступила в редакцию 10.03.13

УДК 81'373.211.1

Ganova S.V. THE CONCEPT OF THE «OURS-THEIRS» AS A STRUCTURAL COMPONENT OF OIKONYM'S CONCEPT. The paper examines the correlation between structure of oikonym's concept and basic cultural concept of the «native – alien». As a result of investigation it was revealed that the content and structure of oikonym's concept is directly dependent on the realization of this or that native speaker lingvoculture as their own or others.

Key words: oikonym, oikonym's concept, the basic cultural concept «own – alien», phraseological units, the spatial picture of the world, language personality.

С.В. Ганова, аспирант Алтайской гос. академии образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск, E-mail: ganovasvetlana@yandex.ru

КОНЦЕПТ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ОЙКОНИМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

В работе рассматривается корреляция структуры ойконимического концепта и базового культурного концепта «свой – чужой». В результате исследования было выявлено, что содержание и структура ойконимического концепта напрямую зависят от осознания того или иного населенного пункта носителем лингвокультуры как «своего» или «чужого».

Ключевые слова: ойконим, ойконимический концепт, базовый культурный концепт «свой – чужой», фразеологические единицы, пространственная картина мира, языковая личность.

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение концептуализации разнообразных реалий. Объектом нашего исследования стал ойконимический концепт – лингвоментальная единица, вербализующаяся в языке ойконимом (наименованием населенного пункта) или отойконимическим образованием (прилагательным; наречием; существительным, номинирующим жителей) и представляющая собой концептуализированный фрагмент действительности, связанный с тем или иным населенным пунктом.

Использование идей и методов когнитивной лингвистики при исследовании топонимики открывает широкие перспективы для изучения процесса и результата освоения пространства человеком. Изучение топонимики в когнитивном аспекте помогает понять, как отразилась в языке познавательная деятельность человека, как происходит концептуализация пространства, как организована пространственная картина мира (КМ). Под пространственной КМ мы понимаем фрагмент, являющийся неотъемлемой частью языковой картины мира, которая связана с концептуализацией пространственных представлений в сознании языковой личности (ЯЛ).

Существует ряд концепций, рассматривающих топонимы с когнитивной, лингвокультурной позиций. Наше исследование близко идеям Е.Л. Березович [1], М.Э. Рут [2], М.В. Голомидовой [3] и Л.М. Дмитриевой [4]: в работах анализ закономерностей концептуальной организации ономастикона помогает исследователям интерпретировать культуру народа.

В данной статье мы рассмотрим связь ойконимического концепта с базовым культурным концептом «свой – чужой», описанным в работе Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [5], а также опишем способы репрезентации этой связи.

Как отмечает Ю.С. Степанов, противопоставление «своего» и «чужого» в разных видах, пронизывает всю культуру и концепт «свой – чужой» является одним из главных во всяком коллективном, массовом, народном, национальном мироощущении [5,

с. 479]. Учитывая сложность данного конструкта, интегрирующего в себе множество аспектов, а также его высокую значимость для ЯЛ, мы полагаем, что концепт «свой – чужой» является одной из основных категорий осмысления социального мира, сопоставимой с категориями пространства и времени.

Также Ю.С. Степанов при анализе концепта «свой – чужой» указывает на его связь с другими концептами, прежде всего «мир» (как пространство и как община), «интернационализм» и «космополитизм». В аспекте нашего исследования наиболее актуальной оказывается связь концепта «свой – чужой» с концептами «мир» (свое пространство – обжитое, хорошо устроенное, где господствует «порядок», «согласие между людьми», «закон»; оно отделяется от другого пространства, где живут «чужие», неизвестные, где нам страшно; включает компоненты «место (пространство)», «свой народ» и «закон, законность», где ведущим оказывается «место, пространство») [5, с. 96] и «родная земля» (в русском менталитете данный концепт включает такие компоненты, как «боль» за свою землю; «естественное богатство»; сама земля; родной человек; природа, увенчанная родным словом) [5, с. 510].

Одной из особенностей ойконимических концептов является их тесная связь с когнитивной и культурной сферами, поскольку, с одной стороны, жизнедеятельность человека связана с познанием, освоением пространства, а с другой – ойконимы в процессе функционирования способны аккумулировать и хранить культурологическую информацию. Соответственно, ойконимические концепты способны актуализировать в сознании носителей языка как базовые когнитивные категории («населенный пункт», «город», «деревня» и т.п.), так и ключевые концепты национальной культуры («пространство», «время», «мир», «свой – чужой» и т. д.).

В зависимости от цели исследования концепты могут изучаться через анализ словарного значения, текстов, с помощью экспериментальных методик. В нашем исследовании в качестве

материала использовались фразеологические единицы (ФЕ), поскольку их анализ позволяет увидеть лексические, словообразовательные, стилистические особенности репрезентации концепта в языке, выявить оценочное отношение ЯЛ к той или иной реалии. Кроме того, этот материал эксплицирует закрепленный в языке универсальный опыт носителей русской лингвокультуры.

Для изучения ойконимического концепта методом сплошной выборки из словарей и сборников малых жанров фольклора, фразеологизмов, крылатых выражений [6; 7] было отобрано 665 ФЕ, в которых упоминаются ойконимы и образованные от них прилагательные, существительные, номинирующие жителей населенных пунктов. Значения ойконимов в ФЕ при обобщении интерпретируются нами как когнитивные признаки ойконимических концептов, поэтому можно говорить о том, что ойконимы в ФЕ представляют собой реализованные ойконимические концепты.

Анализ выбранных ФЕ позволяет эксплицировать связь ойконимического концепта с базовым культурным концептом «свой – чужой» и способы ее репрезентации.

Сама функция ФЕ (прежде всего, пословично-поговорочно-фонда) как материала для применения в жизни к конкретной ситуации и к конкретному лицу, как творческого осмысления идеалов эпохи, как способа художественного обобщения действительности предполагает направленность не на «себя», а на «другого». Поэтому «свое» пространство в ФЕ очерчено нечетко, представлено в небольшом количестве (примечание в этих ФЕ употребляется и «чужой» ойконим), характеризуется небольшим набором когнитивных признаков. В то время как «чужое» представлено широко и разнообразно.

Лингвистически «свое» пространство описывается с помощью местоимений «мы», «наш» и наречия «отсель», а «чужое» – посредством употребления собственно ойконимов и наименований жителей населенных пунктов. Причем можно отметить, что некоторые населенные пункты, кроме нейтральных, официальных наименований, имеют их стилистические (*Санкт-Петербург* (нейтр.) – *Петербург* (разг.) – *Питер* (разг., прост.); *Нижний Новгород* (нейтр.) – *Нижний* (разг.)), фонетические (*Москва* / *Масква*; *Володимир* / *Владимир*) варианты. Также встречаются грамматические варианты номинации жителей населенных пунктов: *архангельцы* / *архангелогородцы*, *воложане* / *вологодцы*, *вятчане* / *вятчики* / *вятчи* и т. д. Наличие вариантов номинации свидетельствует о ценностной значимости для ЯЛ этих населенных пунктов, поскольку то, что играет существенную роль в жизни человека, получает многообразное обозначение в языке.

Иногда собственно ойконим заменяется перифразой (*Северная Пальмира* – *Санкт-Петербург*, *мать городов русских* – *Киев*, *Вечный город* – *Рим*). Использование этого приема, во-первых, свидетельствует о широкой известности данных ойконимов, во-вторых, демонстрирует один из способов закрепления в языке какого-либо отличительного признака населенного пункта, что ведет к стереотипизации представления о нем.

«Свое» непосредственно сравнивается с «чужим» в пределах одной ФЕ. При этом наблюдаются следующие отношения:

– «чужое» хорошее, но не наше, недоступно, потому неценно в прагматическом плане (отвлеченная общая оценка): *Хорошо Хорошево (подмосковное село), да не наше, цареву*;

– «свое» не уступает «чужому», хорошо и то и другое: *Ярославль городок – Москвы уголок. Жернова говорят: в Киеве лучше, а ступа говорит: что тут, что там. Хорош Париж, а живет и Курмыш*;

– «свое» превосходит «чужое», «свое» лучше хорошего «чужого»: *Хороша Москва, да не дома. Город Чернь годом старше Москвы. Родима деревня краше Москвы*;

– «чужое» в материальном плане лучше «своего», но это превосходство неправомерно: *Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше / лучше деревенского едят*;

– «чужое» в материальном плане лучше «своего», желательно на «своем» месте достичь такого же уровня: *Что в Москве в торгу, чтоб было у тебя в дому*.

Основанием для сопоставления может быть общая (хорошо) или частная оценка (спор за старшинство: *старше*, эстетическая оценка: *краше*). Оценка может быть выражена непосредственно с помощью слов с оценочным значением (*хорошо*, *лучше*), но чаще выражается опосредованно через коннотацию (*царство* – *рай*). Качественно оценка «своего» положительна: оно, по крайней мере, не хуже «чужого», а чаще – лучше: *Москва – царство, а наша деревня – рай*.

В пространственном отношении «чужое» определяется как «далекое», при этом не проводится различия между более близ-

кими и удаленными в реальности населенными пунктами: *В тереме высоко, а до Москвы далеко. Отселе до Кинешмы глазами докинешь ли? Валяй, курузка, недалеко до Курска: семь верст отъехали, семьсот ехать*.

Однако при необходимости (если есть важная цель) или при наличии удобного средства передвижения «чужое» может «приближаться»: *Кому нужно, и в Москву недалеко. Недальний путь и до Парижа (по чугунке, т. е. скорый, удобный)*.

Выделяются населенные пункты, занимающие промежуточное положение между «своим» и «чужим», они расположены «недалеко». Данное положение связано не с их «освоением», а с их функцией промежуточного пункта при передвижении на дальние расстояния: *Болтай, болтай, недалеко (до) Валдай. Мах-ни-ка, махни – недалеко до Баханы!*

С позиции значимости населенного пункта для говорящего «чужое» дифференцировано. «Чужое», территориально близкое к «своему» пространству (региональные ойконимические концепты), имеет утилитарную значимость (*В Суздале да в Муроме Богу помолиться, в Вязниках погулять, в Шуе напиться. На Арать воровать, на Якшень продавать, в Мурашкино концы хоронить*). А удаленное «чужое» (универсальные ойконимические концепты) важно прежде всего в административном, экономическом, политическом, историческом, культурном, религиозном аспекте (*Первопрестольная Москва. Киев – древний рассадник православия*). Утилитарная значимость имеет временный характер, проявляется в исключительных случаях, например, когда нужно заработать денег: *В Москву идтить – только деньгу добыть. Пошел в Москву торговать – на погорелое собирать*.

«Чужое» враждебно, небезопасно, жестоко: *В Москву идти – голову нести. Немудрено в Кудрино, мудрено в Кудрина. Не хвались в Москву, а хвались из Москвы (убравшись поздраву). В Москве (в Питере) рубят, по деревьям щепки летят*. Это отношение населенного пункта к говорящему может быть выражено с помощью персонификации (*Москва божбе не верит. Живи, ребята, поколе Москва не проведала. Москва бьет с носка, а Питер бока повытер*), сравнения (*Москва, что доска: спать широко, да кругом метет*).

Прием персонификации употребляется также при установлении родственных связей между населенными пунктами: *Москва всем городам мать. Новгород – отец, Киев – мать. Киев – мать городов русских*. Данный признак исторически максимально приближает важные населенные пункты к «своему» пространству, но одновременно и связывает его со всеми «чужими» (не только нашему, а всем городам мать, отец). Другими словами, при смещении точки зрения в прошлое, при обращении к первоначально пространственная картина мира становится более цельной.

Рассмотрев ФЕ, в которых ойконимический концепт вербализуется собственно ойконимом, можно отметить, что пространственная картина мира имеет достаточно четкое разделение на «свою» и «чужую» зоны. «Свое» является некой неподвижной точкой отсчета, а зона «чужого» подвижна. Если в реальном пространстве позиции населенных пунктов друг относительно друга четко закреплены, то в сознании ЯЛ один и тот же населенный пункт может то удаляться, то приближаться в зависимости от цели и прагматических интересов (ср. *В тереме высоко, а до Москвы далеко. Кому нужно, и в Москву недалеко*), оставаясь при этом в зоне «чужого».

Разделение на сферы «свое – чужое» опирается прежде всего на функциональную значимость населенного пункта: важные в функциональном плане населенные пункты в пространственной картине мира более досягаемы, ближе к зоне «своего».

Кроме собственно ойконимов, ойконимические концепты в ФЕ могут быть представлены ойконимическими образованиями: именами прилагательными и существительными, номинирующими жителей населенных пунктов. Особенности вербализации раскрывают иные формы реализации связи ойконимического концепта с базовым культурным концептом «свой – чужой».

«Чужое» обладает некоторыми уникальными особенностями. Например, *московский час* не имеет определенных временных границ: *подожди с московский час* (от русской поговорки: *сейчас*, ср.: *Русский час – со днем тридцать. Русский час – все сейчас*). В ФЕ *московская правда*, *московская грязь* не марается заметно проявление двойной морали, особое положение Москвы: к ней подходят с иными мерками по сравнению с другими городами. Все вышеперечисленные особенности указывают на то, что имплицитно «московское» оценивается негативно, как нечто ненадежное, опасное.

«Новгородское», напротив, имеет положительную оценку. Например, ФЕ *новгородская честь* указывает на честность в древней торговле. Исключительность политического положения Новгорода подчеркивается (*Новгород судится своим судом (в древности)*), но явно не оценивается, возможно потому, что данный признак уже не актуален.

Характеристика жителей различается в зависимости от прагматической значимости населенного пункта. Так, жители населенных пунктов, не имеющих прагматической значимости, характеризуются редко, обобщенно, часто оцениваются негативно: *Московские люди землю сеют рожью, а живут ложью. Упрямы как новгородцы*.

Жители прагматически важных населенных пунктов характеризуются более разнообразно. Отмечаются наиболее яркие, хорошо известные, заметные особенности:

- род занятий: *орловцы – безменники; осташи – сапожники, золотомовы; переяславцы обручники; рузцы – дровосеки; семендеевщина – булочник да колбасник, пряничник да пирожник*;

- речь: *Стоят нижегородцы на горе, смотрят да бают: чай, примечай, куда чайки летят* (нижегородцы часто говорят чай). *У нас-ти в Ростове-ти, луку-ти, чесноку-ти – а навоз-ти все коневий! Оньтуйфьевцы – мынки* (говорят «мынь» вместо «мол», «дескать»);

- одежда: *Ростовцы вислоухие* (от шапки с ушами), *Рязанцы – синебрюхие* (от синих рубах);

- внешность: *Пензенцы толстопятые. Вятчи – слепороды* (у вотяков подслеповатые глаза, у новорожденных же они очень малы);

- привычки, образ жизни: *бугевцы – домоседы; ярославцы – кукушкины дети* (мужики мало дома живут);

- предания: *холмогорцы – заугольники* (смотрели на Петра I из-за угла); *муромцы – святогоны* (изгнали в XIII в. епископа св. Василия).

Можно заметить, что характеристики жителей населенных пунктов, относящихся к региональным ойконимическим концептам, часто носят шуточный, ироничный характер (высмеиваются особенности речи, одежды и т. п.), что указывает на эмоциональность социальной оценки этих населенных пунктов, это приближает их к «своему». По отношению к жителям населенных пунктов, относящихся к универсальным ойконимическим концептам, этого не наблюдается, потому что, во-первых, сведения об их занятиях, особенностях более скупы, во-вторых, их надо скорее опасаться, чем шутить над ними.

Остановимся подробнее на способах выражения оценки. Она может эксплицироваться посредством собственно оценочной лексики (*Олонцы – добры молодцы*) или выражаться имплицитно с помощью иронии, коннотации. Например, в ФЕ могут использоваться слова, обозначающие социально опасные характеристики: *Орел (Миценск) да Кромь первые воры, а Карачи на придачу. Романовцы – схорони концы. Хлыновцы – голворезы. Лысковцы – народ честный: коли не вор, фак мошенник. Нижегород либо мот, либо вор, либо пьяница, либо жена гулявица*. Такого рода ФЕ, кроме того, что выражают социальную оценку, носят прагматический характер: предупреждают об опасности.

Интересно отметить, что в некоторых ФЕ заостряется внимание на связи ойконима с апеллятивом, его этимологией (там, где она не утрачена). В этом смысле показательна поговорка *Город архангельский, а народ дьявольский*, в которой обнажается противопоставление названия, выражающего ожидание, и реальную характеристику жителей, выражающую разлад с ожиданием. Такая языковая игра, с одной стороны, является еще одним способом выражения оценки, а с другой – актуализирует культурные ценности ЯЛ.

Жители «своих» населенных пунктов также подвергаются оценке, выражение которой имеет определенные особенности. «Свои» негативные черты ставятся в ироничный контекст и таким образом их отрицательная оценка сглаживается или вовсе снимается: *Мы вятчики, ребята хватчики: семеры одного не боимся. Зубчане – волочане, приходили к нам (ржевчанам) за щами; мы щей не дали, взашей прогнали. Астрахань арбузами, а мы голопузаны славны*. Основной функцией самоиронии становится подчеркивание собственной уникальности. В то время как «своими» положительными характеристиками приписывается абсолютная значимость и важность: *Мы бы (нижегородцы) не собрались да не встали, так вы бы поганую землю носом копали*.

Заметим, что анализ оценочного компонента представленных ойконимических концептов, помогает выявить основные ценности русской ЯЛ. В частности, негативно оценивается асоциальное поведение, что проявляется через сопоставление преступления и бытовой реалии (*На Коле человека убить, что кринку молока испить*), высмеивается глупость (*Рыбинцы: у девушки родимое пятнышко смывали, нарочно баню топили*), жадность (*Вологодцы – теленка с подковой съели*), непохожесть «чужих» (*Болого в Володимире: стакан испить – голова болит – дразнят окальщиков*). «Свое» оценивается положительно вне зависимости от реальной ситуации.

Подводя итог вышесказанному, остановимся на том, как концепт «свой – чужой» влияет на организацию пространственной КМ и какие средства помогают маркировать пространство как «свое» или «чужое».

При выстраивании пространственной КМ «точкой отсчета», центром является говорящий субъект и место его жительства. Ближнюю периферию образуют хорошо ему известные, утилитарно значимые региональные населенные пункты (как правило, небольшие, малоизвестные среднему носителю национальной лингвокультуры). Об этом свидетельствует большое количество и разнообразие когнитивных признаков в структуре региональных ойконимических концептов. Крупные, даже столичные, города оказываются на периферии. Их характеризует небольшой, стереотипный набор когнитивных признаков.

Одним из основных средств маркирования «своего – чужого» пространства является содержание ойконимического концепта. «Чужое» имеет больше разнообразных признаков, что связано с особенностями познания мира и его концептуализации: «при создании познавательного образа, необходимого для практического освоения объективной реальности, существенную роль играют сам познающий субъект, его цели, практическое отношение к миру» [8, с. 16]. Для субъекта, познающего пространство, мир выполняет роль среды обитания, поэтому «свое», освоенное, безопасное в меньшей степени нуждается в репрезентации, чем «чужое». Если это «чужое» изучено преимущественно через непосредственный опыт (региональные ойконимические концепты), то оно наделяется более детальными характеристиками, чем «чужое», известное понаслышке, опосредованно (универсальные ойконимические концепты). С этой особенностью связана и актуализирующаяся значимость населенного пункта. Значимость региональных ойконимических концептов связана с непосредственной деятельностью, бытовыми особенностями, прагматической важностью населенного пункта, а универсальных ойконимических концептов – с административной, экономической, политической, исторической, культурной функцией населенного пункта. Следовательно, региональные ойконимические концепты приближены к зоне «своего», а универсальные ойконимические концепты отражают более отстраненный взгляд на населенные пункты.

Другой важный опознавательный признак «своего – чужого» пространства – оценка. «Свое» всегда оценивается не хуже или лучше чужого. Оценка «своего» и более знакомого «чужого» (региональные ойконимические концепты) выражается с помощью коннотации, иронии и самоиронии. В то время как оценка универсальных ойконимических концептов, как правило, отражает чуждость, опасность этих населенных пунктов, хотя наблюдается попытка приблизить их посредством персонифицирования.

Еще одним средством, позволяющими отнести ойконимический концепт к сфере «своего» или «чужого», является употребление слов-маркеров. Для зоны «своего» такими словами являются личные (*мы*) и притяжательные (*наш*) местоимения указательные наречия (*тут, отсель*), а также имена существительные (*дом*), прилагательные (*родима*) с соответствующим значением. Для зоны «чужого» – антонимичные им слова и сочетания слов: *не наш, там*.

Отношения «своего» и «чужого» пространства могут выражаться и синтаксически: противопоставление – с помощью противопоставительных союзов *а, да, сопоставление, сравнение* на каком-либо основании (например, старшинство, красота, достаток) – с помощью конструкций, включающих прилагательные сравнительной степени (*старше, краше, больше (едят)*), контекстуальные антонимы (*царство – рай*).

Таким образом, описание связи ойконимического концепта с базовым культурным концептом «свой – чужой» показывает, что пространственная КМ выполняет не только когнитивную функцию, но и включает в себя смыслы, обращенные к культуре народа.

Библиографический список

1. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: пространство и человек. – М., 2009.
2. Рут, М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург, 2008.
3. Голомидова, М.В. Искусственная номинация в ономастике. – Екатеринбург, 1998.
4. Дмитриева, Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая): дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2002.
5. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1995.
7. Толковый словарь крылатых слов и выражений / автор–составитель А. Кирсанова. – М., 2003.
8. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983.

Bibliography

1. Berezovich, E.L. Russkaya toponimiya v ehntolingvisticheskom aspekte: prostranstvo i chelovek. – M., 2009.
2. Rut, M.Eh. Obraznaya nominaciya v russkom yazhike. – Ekaterinburg, 2008.
3. Golomidova, M.B. Iskusstvennaya nominaciya v onomastike. – Ekaterinburg, 1998.
4. Dmitrieva, L.M. Ontologicheskoe i mentalnoe bihtie toponimicheskoy sistemih (na materiale russkoy toponimii Altaya): dis. ... d-ra filol. nauk. – Barnaul, 2002.
5. Stepanov, Yu.S. Konstantih. Slovarj russkoy kul'turh. Opiht issledovaniya. – M., 1997.
6. Dalj, V.I. Tolkovihyj slovarj zhivogo velikorusskogo yazhika: v 4 t. – M., 1995.
7. Tolkovihyj slovarj krihlatihkh slov i vihrazhenij / avtor–sostavitelj A. Kirsanova. – M., 2003.
8. Pavilyonis, R.I. Problema smihsla: sovremennihyj logiko-filosofskij analiz yazhika. – M., 1983.

Статья поступила в редакцию 01.03.13

УДК 821 (7/8): 82-3

Muhachyov D.A. MYSTICS, VANITY AND MADNESS: PETERSBURG'S STORIES IN VLADIMIR NABOKOV'S PROSE. (A.S. Pushkin, N.V. Gogol, F.M. Dostoyevsky) In article influence of plots about Germann, Raskolnikov, Poprishchina – on Vladimir Nabokov's prose is analyzed. The author describes how interpretation of stories of the Petersburg madmen by Nabokov changed and finds out how through characters of the Russian classics Nabokov's heroes of the Russian and American periods are connected.

Key words: Petersburg text, Vladimir Nabokov, vanity, madness, mystics, golden age of Russian literature.

Д.А. Мухачев, аспирант каф. русской и зарубежной литературы Алтайского гос. университета, г. Барнаул, E-mail: fallen85@yandex.ru

МИСТИКА, ТЩЕСЛАВИЕ И БЕЗУМИЕ: ПЕТЕРБУРГСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПРОЗЕ В. НАБОКОВА (А.С. ПУШКИН, Н.В. ГОГОЛЬ, Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ)

В статье анализируется влияние сюжетов о Германне, Раскольникове, Поприщине – на прозу Владимира Набокова. Автор описывает, как изменялась интерпретация Набоковым историй петербургских безумцев и выясняет, как через персонажей русской классики связаны герои Набокова русского и американского периодов.

Ключевые слова: петербургский текст, Владимир Набоков, тщеславие, безумие, мистика, золотой век русской литературы.

В хрестоматийных текстах русской литературы XIX века Петербург, помимо прочего, предстает городом мистики, тщеславия и безумия. Статуя Петра I сходит со своего пьедестала и преследует «маленького человека», осмелившегося возносить ей проклятия, к инженеру является призрак старухи, открывает выигрышную комбинацию карт, и в результате оказывается в сумасшедшем доме – все это петербургские истории. Петербург был столицей империи, а столицы всегда становились местом борьбы самолюбий, торжеств победителей и плача побежденных: этим, в частности, обуславливался мотив тщеславия. Мистика, так или иначе, почти всегда связана с безумием (частым присутствием мистики маркируются истории именно о петербургском тщеславии), и с ним же связано тщеславие, часто приводящее к безумию. В полной мере эти три мотива присутствуют в «Пиковой даме» Пушкина, в романе Достоевского «Преступление и наказание» есть тщеславие и безумие, в разных вариантах мистика, тщеславие и безумие присутствуют и в петербургских повестях Гоголя. Мы хотим проанализировать присутствие в текстах Владимира Набокова этих петербургских классических сюжетов, и выявить динамику его отношения к ним.

Рассказ Владимира Набокова «Сказка» впервые был опубликован в газете «Руль» в 1926 году, а позже вошел в сборник «Возвращение Чорба». Герой рассказа Эрвин, заглядывающий на прохаживающуюся и мечтающую ими обладать, встречает черта принявшего образ пожилой женщины по имени госпожа Отт. Она обещает ему устроить встречу со всеми дамами, которые понравятся ему в течение следующего дня с одним условием – число избранниц должно быть нечетное. У Эрвина не получается выполнить условия госпожи Отт, он набирает двенадцать

девушек, и устремляясь за тринадцатой, обнаруживает, что это первая из выбранных им.

Этот рассказ, по сути, посвящен одной из базисных набоковских тем – взаимоотношению иллюзорной и «настоящей» реальности, мечты и действительности. Он даже начинается со строчки «Фантазия, трепет, восторг фантазии...». Аллюзии на «петербургские тексты», связанные в рассказе с мистической темой, соседствуют с типично набоковской проблематикой. Критиками неоднократно отмечалась «лабораторность» рассказов Набокова (об этом упоминает Олег Дарк в комментариях к сборнику «Возвращение Чорба»), и в «Сказке» тоже возникает набросок большой и важной набоковской темы, как бы уложенный в русло сюжета, уже встречавшегося в «петербургском» произведении – inferнальная дама пожилого возраста дарует молодому человеку сверхъестественные возможности. Именно Петербург, город «иррациональный», «мистический», «умышленный», в котором, по распространенному мнению, «возможно все», становился в русской литературе местом для таких встреч. Но Набоков – представитель эмигрантской литературной традиции, и у него действие происходит в Берлине. Дьявол предоставляет Эрвину возможность перенести свои фантазии в действительность, однако у Набокова такие эксперименты почти никогда не заканчиваются хорошо. Госпожа Отт ненавязчиво рекомендует Эрвину остановиться на пяти, но он не слушает её, и в результате вся затея проваливается. Герой «срезается» на тринадцатой – как известно, это «число дьявола». Кстати, и девушки, по замыслу госпожи Отт, соберутся в доме под номером 13 – «дьявольская» атмосфера в рассказе гротескная и утрированная.

Юрий Левинг в примечаниях к рассказу отмечает в одной из сцен аллюзию на знаменитое стихотворение Александра Блока «Незнакомка». На наш взгляд, в рассказе присутствуют отсылки и к другим «петербургским» произведениям – повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» и петербургским повестям Н.В. Гоголя. Имя главного героя Эрвин созвучно с именем героя «Пиковой дамы» – Германн. К «Пиковой даме», как мы уже сказали, отсылает и сама завязка – старая женщина, помогающая молодому мужчине осуществить свои желания мистическим путем. Выигрышными картами в «Пиковой даме» являлись тройка, семерка и туз; все это карты нечетные, так же, как и в «Сказке» Эрвин обязан набрать строго нечетное число избранных. Если в «Пиковой даме» Германн, по большому счету, наказывают за то, что он в приступе тщеславия довел до смерти старуху, то у Эрвина в «Сказке» ничего не получается из-за его неумения вовремя остановиться.

Преследование тринадцатой женщины в финале рассказа напоминает о повести Гоголя «Невский проспект», где два друга пустились вдогонку за понравившимися барышнями. Причем рассказ Набокова – это как бы инверсия сюжета Гоголя: если в «Невском проспекте» художник Пискарев отправился за девушкой, показавшейся ему идеалом чистоты и красоты, и обнаружил, что она – падшая женщина, то у Набокова герой преследует даму с вполне конкретной, плотской целью и получает резкий ответ («Как вам не стыдно, подите прочь»). «Невский проспект» тоже ставит проблематику соотношения мечты и действительности.

«О, как отвратительна действительность! Что она проливает мечты?» [1, с. 23].

Неизвестно, был ли знаком Гоголь со средневековыми легендами о суккубах, но красавица, встреченная Пискаревым на проспекте и оказавшаяся девушкой из публичного дома, ведет себя в повести как классический суккуб, являясь художнику во снах и губя его этим. Поскольку суккубы – это, по мнению церкви, слуги Дьявола или сам Сатана, то «Невский проспект» попадает в категорию историй встреч человека с дьяволом, случившихся в Петербурге. Безусловный дьявольский ореол присутствует и вокруг ростовщика из повести «Портрет» – перечисляя свои прегрешения, госпожа Отт упоминает о том, что она заставила художника срисовать с фунта вестминстерское аббатство: в «Портрете» изображение ростовщика-дьявола заставило художника Чарткова растратить талант на поверхностные, незначительные, однако коммерчески очень выгодные вещи. В «Пиковой даме», как, кстати, и в «Преступлении и наказании», образ старухи связан с деструктивным, inferнальным началом – в этом смысле «Сказка» очевидно наследует классической традиции. Набоков как бы обобщает, суммирует находки классиков петербургского текста. «Сказка» расходит с традицией в другом аспекте – герой не сходит с ума, не несет никакого наказания. В английском переводе рассказа присутствуют и гетевские аллюзии, которые также отмечает Юрий Левинг – фонограф в кафе играет Цветочную арию из «Фауста». То есть, кроме «петербургской» темы в романе присутствует и фаустианская, послужившая предтечей метасюжета о петербургских безумцах. Также в рассказе появляется имя другого немецкого романтика, повлиявшего, к примеру, на Гоголя – со своими избранными Эрвин должен встретиться на улице Гофмана.

Роман «Отчаяние» – наиболее очевидный диалог Владимира Набокова с петербургскими историями тщеславия и безумия. Показательно, что о нем вспоминают каждый раз, когда заходит разговор об истинных, а не декларируемых самим Набоковым, отношениях Набокова с текстами Достоевского – например, в работе Александра Долинина «Набоков, Достоевский и «достоевщина»» или в работе В.В. Шадуурского «Интертекст русской классики в прозе В.В. Набокова». То, что имя главного героя «Отчаяния» почти полностью совпадает с именем героя «Пиковой дамы», отмечают все, кто пишет об «Отчаянии» – например, тот же В.В. Шадуурский или А.В. Злочевская, утверждающая в статье «Парадоксы «игровой» поэтики В.В. Набокова (на материале повести «Отчаяние»)», что «в «Отчаянии» Набоков окружает своего персонажа системой реминисцентных зеркал, каждое из которых высвечивает созвучное Пушкину, Гоголю и Достоевскому».

В самом начале романа Герман Карлович рассказывает о своем происхождении, демонстрируя при этом типично разномыслие – он стесняется своей матери, дочери мелкого мещанина, «простой, грубой женщины в грязной кацавейке» и врет читателю, что она была дамой старинного княжеского рода, признаваясь в обмане через абзац. Затем он говорит, что был студентом в Петербурге. Петербургский студент – в русской литературе фигура мифологизированная, это, как правило, социалист и нищий бунтарь. Причем не последнюю роль в этой мифологизации сыграл и Достоевский, основная ассоци-

ация с «петербургским студентом» – это Раскольников. Таким образом, Герман Карлович – петербургский студент-разночинец, его биография – это биография героев Достоевского. Достоевский же первым в русской литературе заговорил о двойничестве, и важно отметить, что его повесть «Двойник» Набоков, несмотря на общую ненависть к её автору, считал шедевром. И опять, как в случае с «Невским проспектом» можно увидеть инверсию: если у Достоевского в центре произведения жалкий и нелепый «маленький человек» господин Голядкин, бред которого порождает двойника, ловкого, пронырливого и удачливого, то у Набокова главный герой – солидный и основательный коммерсант (тоже нездоровый психически), ошибочно увидевший двойника в нищем и жалком бродяге. Непосредственно в тексте романа возникает и отсылка к «Преступлению и наказанию»

«Дым, туман, струна дрожит в тумане. Это не стихок, это из романа Достоевского «Кровь и слюни». Пардон, «Шульд унд Зюне» [2, с. 440].

Как отмечал Александр Долинин, Герман Карлович не видит двойного дна в цитате, которая помимо «Преступления и наказания» отсылает и к финалу гоголевских «Записок сумасшедшего».

«Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сызый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют» [1, с. 176].

Именно в этой повести Гоголя в русской литературе был впервые использован прием «ненадежного рассказчика», которым пользуется Набоков в «Отчаянии» (и который позже появится в романе «Бледное пламя»). В самом конце романа Герман Карлович, постепенно сходящий с ума, смотрит в окно, видит собравшуюся там толпу людей и хочет произнести речь. Произнесение речи из окна публично напоминает о речи короля перед подданными, а как мы помним, гоголевский Поприщин воображал себя королем Испании.

В целом дискурс петербургского безумия, в отличие от «Сказки», становится в «Отчаянии» объектом злой иронии и беспощадной критики. Петербургский безумец Герман Карлович встает в один ряд с другими набоковскими лже-творцами, Горном из «Камеры Обскура» и Гумбертом из «Политы» – нетрудно заметить созвучия этих имен. Именно в этом ряду, в обществе самовлюбленных бездарей Набоков и определяет место петербургским разночинцам с наполеоновскими амбициями. Неоднократно отмечалось, что как только Герман излагает свою идею Лиде, она сразу вспоминает, что недавно читала что-то подобное в каком-то бульварном романе – вот в мир бульварной романтики Набоков и отправляет подобные «духовные искания». И, к сожалению, трудно согласиться с одним из самых компетентных набоковедов Александром Долининым, что раз Герман, презираемый Набоковым герой, считает Достоевского низкопробным писателем, то мнение самого Набокова на тот момент было иным. В таком высказывании Германа, скорее, проявляется то, что он в принципе плебейски небрежно относится к искусству и литературе (хоть и считает, что знает всё, что касается литературы), о чём свидетельствует, например, его искажение пушкинской «Метели» при написании школьных работ.

Для своей книги о Гоголе Набоков выбрал эпиграфом последний абзац «Записок сумасшедшего». Этот фрагмент явно перекликается с первыми страницами текста книги, где изображается Гоголь в последние дни его жизни, в безумии. Среди тех процедур, которым подвергали умирающего писателя, было и обливание холодной водой – Набоков намекает, что в «Записках сумасшедшего» Гоголь предсказал обстоятельства собственной смерти. Иными словами, по мнению Набокова, Поприщин – это как бы Гоголь и есть. Черты Гоголя-Поприщина можно увидеть и в другом безумце из романов Набокова – земблянском короле Карле-Ксаверии, профессоре русской литературы Чарльзе Кинботе (он же Всеслав Боткин) из романа «Бледное пламя». Кстати сказать, другой главный герой романа – поэт Джон Шейд – гибнет в день рождения В.В. Набокова старшего, и с учетом того, что с образом отца у Набокова тесно связан образ Пушкина, в навязывании Кинботом Шейду сюжета о Зембле можно, опять-таки, увидеть инверсию отношений Пушкина с Гоголем – как известно, сюжет «Мертвых душ» подарил Гоголю именно Пушкин.

Общезвестно, что название романа «Бледное пламя» Набоков взял из трагедии Шекспира «Тимон Афинский». Но пока ещё никто не обратил внимание на то, что само по себе «бледное пламя» – это не что иное, как свет луны, той, на которой живут одни носы и которая, как мы знаем из «Записок сумасшедшего», «делается в Гамбурге и прескверно делается». Поприщин, возмнивший себя испанским королем на почве того, что как ему кажется, только король или кто-нибудь подобный

может завоевать внимание дочери столоначальника – ещё один «петербургский претча» некоторых героев Набокова. Сумасшествие или просто неадекватное реальности поведение необоснованно амбициозного человека – достаточно частый в творчестве Набокова сюжет.

Сумасшедший профессор В. Боткин считает себя королем страны Земблы Карлом-Ксаверием, скрывающимся под именем Чарльз Кинбот – мы уже упоминали, что герой «Записок сумасшедшего» считал себя испанским королем. Как и в повести Гоголя, и в романе «Отчаяние», в «Бледном пламени» используется прием «ненадежного рассказчика» – читатель понимает, что описывая события, Кинбот их чрезвычайно сильно искажает. Уже в самом начале романа Кинбота называют сумасшедшим.

«За неделю до смерти Шейда одна свирепая дама, в клубе которой я отказался выступить насчет «Халли-Валли» (как выразилась она, перепутав жилище Одина с названием финского эпоса), объявила мне посреди бакалейной лавки: «Вы на редкость противный тип. Не понимаю, как вас выносят Джон и Сибил», – и отчаявшись моей учтивой улыбкой, добавила «К тому же, вы сумасшедший» (пер. С. Ильина) [3, с. 305].

Собственно говоря, текст романа представляет собой записки сумасшедшего в буквальном смысле слова. У Чарльза Кинбота есть нечто общее с коммерсантом Германом – интерес к зеркалам и сходствам.

«Заезжий немецкий лектор из Оксфорда без устали твердил – то в голос, то шепотом, – об «абсолютно неслыханном» сходстве, а когда я небрежно заметил, что все зембляне, опуская бороду, становятся похожи один на другого, – и что, в сущности, название «Зембла» происходит не от испорченного русского слова «земля», а от «Semberland» – страна отражений или подобий – мой мучитель сказал: «О да, но король Карл не носил бороды, и все же вы с ним совсем на одно лицо!» (пер. С. Ильина) [3, с. 503].

Дальнейшее высказывание Шейда, что важно не сходство, а разница, прямо отсылает к спору Германа с Ардалионом в «Отчаянии».

Таким, образом, Кинбот – это король страны отражений. Навязчивое желание увидеть в Феликсе своего двойника (отражение) и погубило Германа. У этих двух героев немало общего, причем Набоков наделил их теми привычками и воззрениями, которые абсолютно противоположны его собственным – так Герман любит СССР, а Кинбот убежденный вегетарианец. Сумасшедший русский профессор В. Боткин имеет отношение пускай не к Петербургу, но к России – и это еще одна деталь, роднящая его с Германом Карловичем (и разумеется, петербургскими безумцами и тщеславцами). Но самая важная их общая черта – их

слепота, непонимание того, что происходит вокруг, желание видеть только то, что они хотят видеть. Нам важно, усмотрев в Кинботе намек на Поприщина, а также типологическую схожесть с Германом из «Отчаяния» (а через него и несомненную связь с «петербургскими» героями), ответить на вопрос, какой смысл в романе имеют «петербургские» черты Кинбота.

Нетрудно заметить, что фабула романа (и его, так сказать, комический эффект) строится на том, что Кинбот постоянно вписывает содержание поэмы Шейда в рамки событий собственной выдуманной биографии, описывает культурный артефакт полностью сквозь призму собственного «я», нимало не интересуясь тем, какие смыслы вкладывал в текст автор. К примеру, уже в первой строфе поэмы Шейд описывает отражение кухонной мебели в окне, создающее впечатление, что стол и кресло стоят прямо на снегу, и называет окружение утвари «хрустальнейшей страной». Кинбот же, несмотря на отсутствие в стихах Шейда в данном случае каких-либо двусмысленностей, ничем не смущаясь, утверждает, что «хрустальнейшая страна» – «возможно, аллюзия, на Земблу, мою милую родину» и что дальше в черновике шли строчки «ах, не забыть бы рассказать о том, что мне поведал друг о короле одном», уничтоженные Сибил Шейд, ненавидящий Кинбота. Рассуждая о строчке «бедняга Свифт, и – , и Бодлер», Кинбот намекает на то, что вместо прочерка должна быть его фамилия, хотя скорее всего, в виду имелся Пушкин или Гоголь (а может и Байрон).

Такое поведение проще всего объяснить безумием Кинбота, но у происходящего в романе есть более глубокий смысл. «Бледное пламя» – это, помимо прочего, роман о бессмысленности интерпретаций как таковых, насмешка над «традиционным» литературоведением, к которому у Набокова, отдавшего университетскому преподаванию немало лет жизни, были свои счеты. Профессор литературы Кинбот, по Набокову – это интерпретатор как таковой: смешной, назойливый, выискивающий в произведении то, чего там нет и быть не может, воспринимающий искусство (поэму Шейда) преимущественно сквозь призму собственных драм и комплексов. Кинбот родственен Герману и героям петербургских историй своей пошлостью, ограниченностью, и, в конечном счете, бездарностью. Кроме того, этот персонаж – отчасти и автопародия.

Итак, мы видим, насколько разные художественные задачи в творчестве Набокова решались с помощью «петербургских» историй о маленьких людях, так или иначе «дерзнувших посягнуть». Если в раннем периоде его интересует и привлекает мистический подтекст этих сюжетов, то в дальнейшем он обращается к ним в основном тогда, когда изображает пошлость, бездарность и внутреннюю слепоту.

Библиографический список

1. Гоголь, Н.В. Собр. соч.: в 7 т. – М. – 1976. – Т. 3.
2. Набоков, В.В. Собр. соч.: в 4 т. – М., 1990. – Т. 3.
3. Набоков, В.В. Собр. соч.: в 5 т. – СПб., 1999. – Т. 3. Американский период.

Bibliography

1. Gogolj, N.V. Sbr. soch.: v 7 t. – M. – 1976. – T. 3.
2. Nabokov, V.V. Sbr. soch.: v 4 t. – M., 1990. – T. 3.
3. Nabokov, V.V. Sbr. soch.: v 5 t. – SPb., 1999. – T. 3. Amerikanskiy period.

Статья поступила в редакцию 01.03.13

УДК 43: 482

Voyteshchuk I.V. FEATURES OF KONTSEPTUALIZATSIYA OF THE CATEGORY «NATURAL WATER» IN GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES. The article is devoted to the comparative analysis of features of kontseptualizatsiya of the category «natural water» in German and Russian languages. In the article principles of classification of the subcategory «liquid water» in two national languages come to light, nominees of the subcategory are compared, semantic characteristics of liquid water are considered.

Key words: language kontseptualizatsiya, nominees of category, conceptual signs.

И.В. Войтешчук, канд. филол. наук, доц. каф. немецкого языка Челябинского гос. университета, г. Челябинск, E-mail: wfrina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «ПРИРОДНАЯ ВОДА» В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному анализу особенностей концептуализации категории «природная вода» в немецком и русском языках. В статье выявляются принципы классификации субкатегории «жидкая вода»

в двух национальных языках, сопоставляются номинанты субкатегории, рассматриваются ее семантические характеристики.

Ключевые слова: языковая концептуализация, номинанты категории, концептуальные признаки.

Природная вода – уникальное по своим свойствам и проявлениям вещество, всецело охватывающее нашу жизнь и жизнь нашей планеты. Познавание ее свойств и функций является первоочередной задачей научных исследований. В специализированных дисциплинах рассматриваются физические, химические свойства природных вод (гидрофизика, гидрохимия), их взаимодействие с климатом, растительностью, рельефом (гидрогеография) и т.д.

У лингвистики свой особый «взгляд» на природную воду. В языковом исследовании речь идет не о самой воде как веществе и формах ее существования, а о знаковых заместителях природной воды в единстве их формы и содержания. Лингвистика выявляет «языковой взгляд» на мир воды, взгляд, обусловленный, с одной стороны, структурными особенностями языка, с другой – природно-климатическими условиями жизни нации, историческими, социокультурными, регулятивными, ценностными факторами ее развития. «У языка, – пишет по этому поводу Т.Б. Радбиш, – вообще своя логика, покоящаяся на совокупном тысячелетнем опыте общения с внешним миром коллектива его носителей, который порою включает в сферу значимого, важного для себя некий фрагмент физической или психической действительности, совершенно не соотносясь с его «реальным местом» в иерархии вещей и предметов» [1, с. 21]. О своеобразном способе членения действительности языком, отличающимся от (научной) реальности, написано немало со времен В. Гумбольдта, открывшего первым эту закономерность. В современной науке для этого явления используется термин «языковая концептуализация» (Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев и др.). Под «языковой концептуализацией» мы понимаем специфический способ преломления реальной/ирреальной действительности на всех уровнях языка, обусловленный как структурными особенностями этого языка, так и географическими, историко-культурными условиями жизни нации.

В данной статье мы хотели бы показать, как «преломляется» мир природной воды в двух широко распространенных национальных языках – немецком и русском. Поскольку вода в природе существует в трех состояниях – жидком, газообразном и твердом, сразу отметим, что предметом рассмотрения здесь являются номинанты воды в ее жидкой форме. Наш интерес к «жидкой воде» связан с невероятной количественной представленностью соответствующих языковых знаков в немецком и русском языках, проистекающей из реального разнообразия ее форм существования в природе. Материалом для анализа служат номинанты субкатегории, набранные методом сплошной выборки из толковых словарей немецкого и русского языков: «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [2], «Deutsches Universalwörterbuch» издательства «Дуден» [3]. В качестве дополнительных источников привлекались данные двуязычных словарей: «Большого немецко-русского словаря» под общ. рук. О.И. Москальской [4] и «Русско-немецкого словаря» под ред. К. Лейна [5]. В указанных словарях представлена общепотребительная лексика и фразеология современного русского и немецкого языков, а также лексика ограниченного употребления (термины, архаизмы, диалектизмы и т.д.), которая достаточно широко используется в литературе и известна более или менее широкому кругу людей – носителей языка. Мы считаем, что материал словарей, отобранный по указанным выше принципам, может служить иллюстрацией особенностей языковой концептуализации природной воды на уровне неспециалистов. Неспециалистами мы называем носителей языка, не имеющих узкоспециальных знаний о воде, относящихся к области гидрологических наук.

Категория «природная вода» неоднородна по своей структуре. Об этом свидетельствуют как языковые, так и научные данные. Известный советский гидрогеолог В.Ф. Дергольц, посвятивший не один труд проблемам воды, обозначал термином «гидросфера» поверхностные воды Земли, воду в земных недрах, в атмосфере и межпланетарном пространстве, а также воду, проходящую через живое существо (биогенную) или вырабатываемую в нем (органогенную или метаболическую) [6, с. 53–54]. Авторы современного учебника «Гидрология» В.Н. Михайлов, А.Д. Добровольский и С.А. Добролюбов относят к гидросфере все природные воды Земли, участвующие в глобальном круговороте веществ, в том числе подземные воды в верхней части земной коры, атмосферную влагу и воду живых организ-

мов [7, с. 13]. Более традиционной в гидрологии считается трактовка гидросферы как прерывистой водной оболочки земного шара, расположенной на поверхности земной коры и в ее толще, представляющей совокупность океанов, морей и водных объектов суши (рек, озер, болот, подземных вод), включая снежный покров и ледники [7]. Таким образом, жидкая вода дифференцируется, в первую очередь, по месту нахождения (поверхностные, подземные, атмосферные, биогенные воды), по типу взаимодействия различных форм воды (круговорот воды в природе) и по ее целостности и прерывистости одновременно (совокупность водных объектов).

Концептуально-таксономический анализ словарного материала выявляет несколько иные принципы классификации жидкой воды. Согласно данным нашей картотеки, в немецком и русском языках жидкая вода представлена в двух ипостасях – как «жидкое вещество» или «скопление». Класс «вода – жидкое вещество» распадается на «воду, используемую в практических целях», «воду, образующую водоемы» и «подземную воду»:

крутой кипяток: сильно кипящая, клокошущая вода;

Salzwasser, das: 1. zum Kochen verwendetes Wasser, in dem Kochsalz gelöst ist...

наледь: 1. Вода, выступившая поверх речного, озерного и т.п. льда...

Flachwasser, das: flaches, seichtes Wasser...

термальные воды (геол.): подземные воды..., имеющие температуру выше 20 (по Цельсию)...

Brunnen, der: 3. Wasser einer Quelle, bes. Heilquelle...

В скоплениях выделяются подклассы «водоемы (океан, море, озеро, болото, река...)» и «незначительные скопления движущейся воды (поток, струя, фонтан, капля ...)», а также «водные пространства»:

ручей: 1. Небольшой естественный водный поток...

Bach, der: 1. kleiner natürlicher Wasserlauf von geringer Tiefe u. Breite...

фонтан: струя воды, бьющая вверх или под напором вытекающая из трубы...

Flut, die: 2. <häufig Pl.> (geh.) größere, strömende Wassermasse...

Wasserfläche, die: große, von Wasser bedeckte, eingenommene Fläche...

водное пространство.

Как видим, в обыденном представлении немцев и русских первостепенную роль играют свойства воды, позволяющие описать ее как субстанцию и, сообразно этим свойствам, использовать в практических целях, а также, безусловно, ее количественные (вода-скопление, пространство) и динамические (движущееся скопление) характеристики.

Различия между научными и обыденными представлениями о жидкой воде могут нивелироваться. Дефиниции некоторых базовых лексем категории в толковых словарях напоминают научные определения терминов:

река: водоток сравнительно крупных размеров, питающийся атмосферными осадками со своего водосбора и имеющий четко выраженное сформированное самим потоком русло. К рекам обычно относят лишь водотоки с площадью бассейна не менее 50 км² [7, с. 166].

река: 1. Естественный значительный и непрерывный водный поток, питающийся поверхностным или подземным стоком с площадей своих бассейнов и текущий в разработанном им русле... [2].

Wird das unterirdische Wasser durch technische Eingriffe – Bohrungen, Grabungen erschlossen, spricht man von **Brunnen**. ... Wird artesisches Grundwasser durch Bohrungen erschlossen, so entstehen **artesische Brunnen** [8, S. 95–97].

Brunnen, der: 1. technische Anlage zur Gewinnung von Grundwasser: ein natürlicher B.; artesischer B. (natürlicher Brunnen, bei dem das Wasser durch Überdruck des Grundwassers selbsttätig aufsteigt)... [3].

Такие совпадения не случайны, а связаны с психологической выделенностью этих явлений, их широкой известностью в современном обществе, которое на обыденном уровне обладает более специальной технической информацией об этих реалиях.

Дефиниции многих номинантов субкатегории в толковых словарях немецкого и русского языков, однако, содержат только общепотребительные семы, т.е. отражают внешние, легко познаваемые признаки предметов. Они либо не интересны науке, либо научная информация по каким-либо причинам не вошла в определение этих слов:

озеро: естественный замкнутый в берегах водоем...

See, der: größere Ansammlung von Wasser in einer Bodenvertiefung des Festlandes; stehendes Binnengewässer...

водопад: поток воды, падающий с отвесного уступа в русле реки...

Wasserfall, der: über eine od. mehrere Stufen senkrecht abstürzendes Wasser eines Flusses...

Дальнейшее углубление структуры субкатегории связано не столько с функцией номинации ее концептов, сколько с номинацией их признаков. В науках о воде описываются физико-химические, географические, режимные, морфометрические и другие свойства воды. Например, по температуре различают холодные, низкотермальные, высокотермальные воды; по различным видам состояния воды в горных породах – парообразную, гидроскопическую, пленочную, гравитационную или свободную воду, а также воду в форме льда [6, с. 41]. Природная вода, в которой всегда растворены газообразные и твердые вещества, характеризуется, кроме того, как пресная, минерализованная, хлоридная, сульфатная, гидрокарбонатная и др. В гидрологии разработана обширная типология рек, озер, болот, подземных вод, морей, водохранилищ и др. Реки типизируют по признакам «размер» (большие, средние, малые), «условия протекания» (равнинные, полугорные, горные), «источники питания» (снегового, дождевого, ледникового и подземного питания), «водный режим» (с весенним половодьем, с половодьем в теплую часть года, с паводочным режимом) и т.д. Озера подразделяют по размеру (очень большие, большие, средние, малые), степени постоянства (постоянные, временные), географическому положению (интразональные, полизональные), происхождению котловины (тектонические, вулканические, метеоритные, ледниковые, карстовые, речные, морские, органогенные и т.д.) и др. [8; 7]. Можно было бы продолжить примеры делений природных вод, однако уже перечисленные классификации, на наш взгляд, наглядно свидетельствуют о сложности и степени изученности феномена «природная вода» в науке.

Описание природной воды на уровне неспециалистов, согласно данным нашей картотеки, также характеризуется глубиной, детальной разработкой, однако осуществляется она исходя из практических нужд носителей языка. В ходе анализа мы выделили качественные, количественные, функциональные и динамические характеристики жидкой воды. Качественное описание жидкой воды включает группы – ландшафтный признак, «изменение агрегатного состояния (испарение, замерзание, таяние)», «химический состав», «вкусовые качества», «чистота, прозрачность», «заселенность живыми организмами» и т.д.: *устье, выкипеть, жёсткий (о воде), свежий (о воде), мутить, богатый рыбой (о водоеме)...*; *Mündung, auskochen, hart (о воде), quellfrisch (о воде), eintrüben, fischreich (о водоеме)...*

Количественные характеристики жидкой воды предполагают номинацию таких параметров как «уровень воды, глубина», «наводнение, приливы-отливы», «изменение уровня воды», «определенное количество воды», «изменение объема воды», «мера, физическая величина» и т.д.: *межень, отлив, вздуться (о реке, водоеме), водность, осушить, километр реки...*; *Niedrigwasser, Ebbe, auflaufen, Wasserführung, trockenlegen, Flusskilometer...*

Движение природной воды описывается номинативно как колебательное, вращательное, разрушительное, способное переносить другие объекты, имеющее определенное направление, скорость, сопровождающееся пеной, пузырями, звуком и т.д.: *волноваться, крутиться, вымыть, приенать, просочиться, устремиться, булькать ...; wogen, quirlen, ausfressen, antreiben, einsickern, zustürzen, gluckern...*

Функциональные описание состоит из признаков объектной направленности «пить», «очищать – загрязнять», «перемещать в сосуде, черпать», «прудить», «плывя, разрезать поверхность» и т.д.: *лакать, дисциллировать, черпать, прудить, бороздить...*; *schlappen, destillieren, schöpfen, eindämmen, furchen...*

Следует отметить, что обнаруженные лексемы могут характеризовать жидкую воду недифференцированно по отношению ко всем или многим ее подклассам:

течь: 1. Литься непрерывной струей, потоком; струиться;

2. Перемещать свои воды в каком-л. направлении (о реке, ручье и т. п.); бежать, катиться.

fließen: 1. a) (von flüssigen Stoffen, bes. Wasser) sich gleichmäßig u. ohne Stocken fortbewegen...;
b) strömend irgendwohin gelangen...

В нашей картотеке представлено также немало лексем, номинирующих признак конкретного подкласса субкатегории, например:

ржавый: 3. Бурового цвета и с характерным привкусом вследствие наличия примеси окислов железа (о воде ... // С такой водой (о болоте)...

trocken: 1. a) nicht von Feuchtigkeit (bes. Wasser) durchdrungen od. von außen, an der Oberfläche damit benetzt, bedeckt; frei von Feuchtigkeit, Nässe...

По данным нашей картотеки, природная вода на уровне семы участвует в дефиниции других объектов и процессов мира. Здесь вода выполняет роль среды, места, инструмента, материала, объекта сравнения, психологического восприятия и т.д.:

rudern: 1. a) (zur Fortbewegung eines Bootes, in dem jmd. mit dem Rücken zur Fahrtrichtung sitzt) das Ruder (1) in taktmäßig wiederholtem Bewegungsablauf in das Wasser eintauchen, durchziehen u. wieder aus dem Wasser...

шлепать: 1. ...|| обычно чем. Ударять чем-л. плоским по воде, грязи, чему-л. мокрому...

3. Разг. ...|| Идти с шумом по мокрой земле, грязи и т.п.

auflösen: 1. a) (in einer Flüssigkeit) zerfallen, zergehen lassen...

влажный: насыщенный влагой, пропитанный влагой; сырой, мокрый;

wasserhell: hell, klar wie Wasser...

wasserscheu: sich scheuend, ins Wasser zu gehen, mit Wasser in Berührung zu kommen...

Выделенная совокупность лексем показывает связь воды с другими сферами человеческой деятельности, например, с пищевой, химической промышленностью, спортом, растительным и животным миром, техникой, военно-морским флотом, искусством, туризмом и т.д.:

Suppenwürfel, der: zu einem Würfel gepresste, kochfertige Mischung, die, mit [heißem] Wasser zubereitet, eine Suppe ergibt.

гипс: 1. Минерал белого или желтоватого цвета (обожженный и размельченный) употребляется как строительный материал, в лепных работах, для хирургических повязок и т.п.)...

Wasserski, das <о. Pl.>: Sportart, bei der man auf Wasserskiern im Schlepp eines Motorbootes über das Wasser gleitet...

кубышка: 4. Водное растение с плавающими на поверхности воды овальными листьями и желтыми цветками; желтая кувшинка.

Tauchsieder, der: elektrisches Gerät zum schnellen Erhitzen von Wasser, dessen spiralförmiger Teil in das zu erhitzende Wasser getaucht wird.

ялик: небольшая шлюпка с одной или двумя парами весел.

Aquarell, das (Malerei): mit Aquarellfarben auf meist weißem, saugfähigem Papier gemaltes Bild, bei dem der Grund durchscheint, teilweise auch ausgespart ...

куром: местность с целебными природными свойствами, используемая для лечебных целей и для отдыха...

Сопоставляя данные русских и немецких словарей о жидкой воде, мы наблюдаем определенные различия в подаче и разработке материала, обусловленные не столько индивидуальностью их составителей, сколько структурными особенностями исследуемых языков и национальными особенностями мировосприятия. Так, в толковом словаре немецкого языка природная вода представлена более дифференцированно и терминологично за счет огромного количества композитов, номинирующих частные характеристики природной воды. На русский язык они переводятся свободным или терминологическим словосочетанием, не всегда фиксируемым русским толковым словарем. В связи с этим нам часто приходилось обращаться к материалу переводных двуязычных словарей (см. выше), которые учитывают структурные различия русского и немецкого языков:

Eiswasser, das <о. Pl.>: 1. eiskaltes Wasser.

2. Wasser mit Eisstücken.

вода со льдом; ледяная вода

Quellfluss, der (Geogr.): einer von mehreren Flüssen, die zu einem Strom zusammenfließen.

река, питаемая родниками, источниками.

Немцы более точны и «скрупулезны» в описании свойств жидкой воды, что проявляется даже на уровне узусных, словарно представленных номинативных средств. В немецком языке мы обнаруживаем также меньшее разнообразие корней с архисемой «вода-жидкость», чем в русском, поскольку опорным компонентом большей части немецких композитов выступают корень *-wasser-*:

Schmelzwasser, das : beim Schmelzen von Schnee u. Eis entstehendes Wasser...

таялая вода

зажор: 2. Подснежная вода в ямах и рывинах на дороге при таянии снега...

снежица: 1. Вода от таяния снега, образующаяся весной на поверхности льда.

Spülwasser, das: 1. (Technik) Wasser, mit dem etw. gespült wird od. Wurde...

2. Wasser, in dem Geschirr gespült wird od. wurde...

ополоски: разг. Вода, оставшаяся после ополаскивания, мытья в ней чего-л.

Даже при интерпретации многих понятий немецкие авторы используют архисему «вода», в то время как русские определяют их через другие архисемы, например «участок водоема»:

Oberwasser, das: oberhalb einer Schleuse, eines [Mühl] wehrs gestautes Wasser...

бьеф: гидротех. Участок реки или канала выше или ниже подпорного сооружения

Stauwasser, das (Fachspr.): (in einer Tide) Wasser fast ohne Strömung (wenn sich die Strömung in umgekehrter Richtung zu bewegen beginnt)...

подпорный бьеф.

В ходе анализа мы выявили также некоторые различия в номинативной разработанности определенных фрагментов субкатегории в русском и немецком языках. Например, концепт «бо-

лото» в русском языке располагает, по нашим данным, 15 базовыми номинантами, в то время как в немецком их десять:

болото, блато, зыбун, кочкарник, мшара, ольшаник, поле-сье, ржавчина, топь, торфяник, мочажина, мочага, трясуна, чаруса, марь.

Sumpf, Bruch, Moor, Morast, Moos, Filz, Fenn, Fehn, Pfuhl, Suhle.

Для обозначения «растаявшего, незамерзшего или прорубленного во льду пространства, участка воды» в русском языке существуют 11 лексем, в немецком – 6:

попынь, прорубь, разводье, забереги, промоина, закраина, продушина, проталина, подталина, майна, лунка;

Eisloch, Wake, Wu(h)ne, Wühle, aufgetaute Stelle, Schmelzloch.

Различия в номинативной плотности этих языковых фрагментов обусловлены, естественно, особенностями ландшафта, климата наших стран и образом жизни немцев и русских.

Итак, в немецком и русском языках субкатегория «жидкая вода» имеет сложное, дифференцированное содержание, включающее знания из самых разнообразных сфер жизни и деятельности людей. В толковых словарях немецкого и русского языков мы выявили качественные, количественные, динамические, а также функциональные характеристики природной воды. Вода в качестве среды, места, инструмента и т.д. имеет тесную семантическую связь с другими объектами, процессами, признаками реального/ирреального мира. Различия в концептуализации жидкой воды в немецком и русском языках обусловлены, с одной стороны, структурными особенностями исследуемых языков, с другой – географическими условиями жизни двух народов и своеобразием их менталитета. Выявленные особенности убедительно доказывают, что языковой взгляд на природную воду далеко не «наивный». Он является результатом длительного эволюционного отбора наиболее важных человеческих открытий о воде, который осуществляется в национально специфических условиях.

Библиографический список

1. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. – М., 2010.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999.
3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Herausg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim, 2003.
4. Большой немецко-русский словарь: в 3 т. / авт.-сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева [и др.]; под общ. рук. О.И. Москальс-кой. – М., 2002.
5. Русско-немецкий словарь: ок. 53000 слов / под ред. К. Лейна. – М., 1989.
6. Дерпгольц, В.Ф. Мир воды. – Л., 1979.
7. Михайлов, В.Н. Гидрология: учебник для вузов / В.Н. Михайлов, А.Д. Добровольский, С.А. Добролюбов. – М., 2007.
8. Wilhelm, F. Hydrogeographie. – Braunschweig, 1997.

Bibliography

1. Radbilj, T.B. Osnovih izuchenija yazihkovogo mentaliteta: ucheb. posobie. – M., 2010.
2. Slovarj russkogo yazihka: v 4 t. / RAN In-t lingvisticheskikh issledovaniy; pod red. A.P. Evgenjevoy. – M., 1999.
3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Herausg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim, 2003.
4. Boljshojj nemecko-russkijj slovarj: v 3 t. / avt.-sost. E.I. Leping, N.P. Strakhova, N.I. Filicheva [i dr.]; pod obsh. ruk. O.I. Moskaljskoyj. – M., 2002.
5. Russko-nemeckijj slovarj: ok. 53000 slov / pod red. K. Leyjna. – M., 1989.
6. Derpgoljc, V.F. Mir vodi. – L., 1979.
7. Mikhajlov, V.N. Gidrologiya: uchebnik dlya vuzov / V.N. Mikhajlov, A.D. Dobrovolskijj, S.A. Dobrolyubov. – M., 2007.
8. Wilhelm, F. Hydrogeographie. – Braunschweig, 1997.

Статья поступила в редакцию 18.03.13

УДК 801.31

Melnik E.K. THE SELECTION OF RESEARCH MATERIAL FOR THE PRAGMATIC ANALYSIS OF INTERJECTIONS.

This article is devoted to a problem of an appropriate research material selection for the pragmatic analysis of interjections. The author of the article opts for the original colloquial discourse material that is the natural environment of these communicatively oriented language elements.

Key words: interjection, communicative situation, pragmatic analysis, research material, colloquial discourse, fictional text.

Е.К. Мельник, аспирантка каф. романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, E-mail: m_o_u_s_e.87@mail.ru

О ВЫБОРЕ ПРАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ

В статье затрагивается проблема подбора соответствующего практического материала для прагматического исследования междометий. Автор статьи делает выбор в пользу аутентичного материала разговорно-обиход-

ного дискурса, являющегося естественной средой функционирования данных коммуникативно-ориентированных языковых единиц.

Ключевые слова: междометие, коммуникативная ситуация, прагматический анализ, практический материал для исследования, разговорно-обиходный дискурс, художественный текст.

В связи с повышенным интересом современной лингвистики к реальным процессам коммуникации исследователю для изучения актуального состояния языка необходимо располагать легкодоступным и компактным практическим материалом, достаточно полно отражающим речевую деятельность его носителей. Конкретные цели и задачи, которые ставит перед собой лингвист, а также специфика изучаемых языковых явлений являются одним из основных факторов, определяющих тип, источник, отбор и количество практического материала, необходимого для исследования.

Функционально-семантические исследования языковых единиц с размытой семантикой, таких как междометия, целесообразно проводить в тесной связи с ситуацией их употребления. Согласно А. Вежбицкой, междометия – это культуроспецифичные коллективные языковые знаки, и самой важной информацией при толковании их значений должна являться инструкция по их применению [1]. Е.Ю. Кустова сравнивает междометия со знаками-индексами, значение которых зависит от ситуации употребления: «Индекс – омнисемантичен (обманчив), его надёжность проверяется опытом, либо логически восстанавливается из ситуации» [2, с. 22]. Способность междометий выражать чувства говорящего и вызывать их у слушающего создаётся навыками, сформированными в процессе их употребления. Данный факт делает невозможным адекватную интерпретацию вариативной семантики междометий без информации относительно обстоятельств речевой ситуации, в которых они функционируют. Таким образом, значение междометий определяется только в конкретной речевой ситуации, что обуславливает их изучение с прагматических позиций.

Для проведения подобного исследования лингвисту необходим соответствующий речевой материал, позволяющий осуществить анализ коммуникативного акта, включающего ситуацию общения, характеристики участников речевого взаимодействия, их коммуникативные целеустановки и прагматические presuppositions [3]. Способность междометий выражать внутреннее или внешние ощущения, а также волеизъявления говорящего, их краткая, грамматически неизменяемая форма и синтаксическая изолированность [4] делает данные языковые единицы незаменимым элементом разговорной речи. Такие характеристики живой разговорной речи, как экономичность, экспрессивность, спонтанность выражения мысли, сильная ситуативная зависимость и ярко выраженная субъективность [5], обуславливают большое количество и разнообразие междометий в её составе. Таким образом, представляется, что наиболее информативным практическим материалом для прагматической интерпретации междометий будет являться аутентичный материал разговорно-обиходного дискурса. Источниками подобного материала могут служить лингвистические корпусы, обеспечивающие доступ к детальным транскриптам коммуникативных событий и нередко снабжённые экстралингвистической информацией относительно условий протекания коммуникативного акта.

Как показывает практика, значительная часть актуальных лингвистических исследований, включая изучение междометий в разговорной речи, осуществляется на базе художественных текстов. Безусловно, художественная литература, являясь одной из символических форм культуры, воссоздаёт реальную действительность во всей сложности её проявлений. художе-

ственные произведения являются «своеобразной имитацией окружающего мира с отпечатком авторского восприятия, воплощенной при помощи средств языка» [6, с. 162]. Однако использование текстов художественной литературы для прагматического анализа таких конвенциональных единиц языка, как междометий, принимая во внимание, что естественной средой их функционирования является разговорно-обиходный дискурс, представляется нам не совсем уместным по ряду причин.

В живой разговорной речи важен быстрый и эффективный обмен информацией между коммуникантами, и междометия, обладающие краткой неизменяемой формой, соответствуют этому требованию, выражая эмоции говорящих, передавая их отношение к предмету разговора, а также волеизъявления для воздействия на поведение собеседника и/или ход коммуникации. Е.Ю. Кустова, в своей диссертации, посвящённой французским междометиям, говорит о системной обязательности междометий в аутентичном речевом взаимодействии. Автор отмечает, что в динамическом аспекте высказывания междометия выступают в роли единиц речевого взаимодействия, выполняя функции маркеров интенциональности, оценки содержания, маркеров отношения к собеседнику и т.д. [2]. Другими словами, в живой разговорной речи междометия – это тактический элемент, влияющий на динамику и результаты коммуникации.

Художественный текст представляет собой особый коммуникативный акт, включающий творца (автора, продюсера, адресанта), потребителя (реципиента, адресата) и сообщение, в котором непременно должны присутствовать точки соприкосновения между миром творца и миром воспринимающего субъекта. Автор художественного произведения стремится воздействовать на духовное пространство читателя (его систему ценностей, знаний, его верования и желания) с целью изменить его [7]. Однако в разговорно-обиходном общении междометия присутствуют в речи множества реальных людей, а в художественном дискурсе мы фактически имеем дело с одним говорящим – автором, который вкладывает в уста своих персонажей то или иное междометие. При всём коммуникативном опыте автора, он всё же не в состоянии передать реальную речь во всех её подробностях, так как при создании своего произведения, а именно при имитации живой устной речи, он не пребывает в реальной коммуникативной ситуации, которая диктует и обуславливает применение тех или иных языковых средств. Междометия в речи литературных персонажей представляют собой статический элемент, так как их использование предопределено автором, прежде всего, как средство представления характера, эмоционального состояния своих героев, что в свою очередь служит более глобальной цели – передать своё отношение к предмету описания и тем самым повлиять на мнение читателя.

Итак, говоря о пригодности современных художественных произведений в качестве практического материала для исследования употребления междометий, можно сделать следующий вывод. Несмотря на стремление автора художественного произведения максимально полно изобразить описываемую действительность при помощи широкого спектра языковых средств, современные художественные тексты не способны в полной мере отразить закономерности функционирования междометий, тесно связанных с коммуникативно-прагматическими категориями речевого акта и играющих важную роль в речевом взаимодействии.

Библиографический список

1. Вежбицкая, А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.
2. Кустова, Е.Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракционные функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2010.
3. Кифер, Ф.О. роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика.
4. Карцевский, С. Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6.
5. Карасик, В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Языковая личность. Социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. – Волгоград, 2006.
6. Плеханова, Т.Ф. Диалогический анализ художественного текста // Труды ученых лингвистических вузов. – Минск, 2001.
7. Dijk, T.A. Cognitive processing of literature discourse // Poetics today. – № 1. – Amsterdam, University of Amsterdam, 1979.

Bibliography

1. Vezhnickaya, A. Semantika mezhdometiy // Semanticheskie universalii i opisaniye yazyhkov. – M., 1999.
2. Kustova, E.Yu. Francuzskoye mezhdometie: leksiko-grammaticheskie aspekty, semiogenezy i interaktsionalnyye funktsii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Voronezh, 2010.
3. Kifer, F.O. roli pragmatiki v lingvisticheskom opisaniy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – M., 1985. – Vihp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika.
4. Karceviy, S. Vvedeniye v izucheniye mezhdometiy // Voprosy yazykoznaniiya. – 1984. – № 6.
5. Karasik, V.I. O kategoriyakh diskursa / V.I. Karasik, G.G. Slishshkin // Yazyikovaya lichnost'. Sociolingvisticheskie i ehmotivnye aspekty: sb. nauch. tr. – Volgograd, 2006.
6. Plekhanova, T.F. Dialogicheskiy analiz khudozhestvennogo teksta // Trudy uchenikh lingvisticheskikh vuzov. – Minsk, 2001.
7. Dijk, T.A. Cognitive processing of literature discourse // Poetics today. – № 1. – Amsterdam, University of Amsterdam, 1979.

Статья поступила в редакцию 14.03.13

УДК 81'42:811.111

Mironova K.S. THE LINGUOCULTURAL CONCEPT «PROPERTY» IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE DICTIONARIES). This article reveals the problem of the linguocultural concept «property» in the Russian language linguistic picture of the world based on Russian dictionaries. As a result of the semantics nominative field analysis, including some direct nomination of the concept and dictionaries' definitions of derivatives, the author distinguishes the nuclear semantic components of the concept in the Russian language.

Key words: the Russian language linguistic picture of the world; property; affiliation; possessions; the linguocultural concept; the etimological dictionary; the explanatory dictionary; the encyclopedical dictionary.

К.С. Миронова, аспирант, каф. стилистики, русского языка и журналистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Хакасский гос. университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: skuchalkina@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «СОБСТВЕННОСТЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА)

В статье ставится задача рассмотреть лингвокультурный концепт «собственность» в русской языковой картине мира на материале словарей русского языка. В результате анализа семантики номинативного поля, включающего прямые номинации исследуемого концепта и словарные дефиниции дериватов, автору удалось выделить ядерные семантические компоненты данного концепта в русском языке.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, собственность, принадлежность, имущество, лингвокультурный концепт, этимологический словарь, толковый словарь, энциклопедический словарь.

В современном языкознании существуют различные подходы к исследованию сущности концепта. В данной статье мы опираемся на лингвокультурологический подход к пониманию концепта Н.Ф. Алефиренко, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.А. Масловой и др., в соответствии с которым концепт имеет многокомпонентную структуру. Содержание концепта включает в себя две основные части: понятийную и культурно-фоновую. Основа лексического значения слова представляет понятийную часть концепта и фиксируется в лексикографических источниках; культурный фон формирует коннотацию слова и частично также отражается в словарях [1, с. 210].

Для рассмотрения общекультурного концепта, то есть концепта, который существует для всех носителей конкретного языка и культуры независимо от их принадлежности к какой-либо социальной группе, нам необходимо будет выделить те его составляющие, без которых он не может быть осмыслен индивидами [2]. Исследование лингвоконцептов предполагает обращение к лексикографическим источникам. Н.А. Красавский считает, что словарная статья «является достаточно надежным способом получения как обширной лингвистической, так и общекультурной информации для ее использования» [3, с. 55].

В настоящей статье автор стремится найти закреплённые составляющие концепта «собственность» в словарях русского языка. Для нашего исследования актуально проведение анализа энциклопедических словарей с целью выявления признаков научного понятия «собственность», релевантных для русской ЯКМ; анализ этимологических словарей для прослеживания исторического развития имен и для исследования «внутренней формы» [4, с. 21] концепта, а также анализ толковых словарей для определения понятийного ядра концепта «собственность».

Вопрос о собственности уже долгое время стоит перед человечеством. Собственность является одним из важнейших способов и источников существования человека, поэтому и не может не волновать его. Социально-философское осмысление этого феномена началось давно, и можно говорить о том, что оно всегда было остро дискуссионным. «Собственность – исто-

рически определенный общественный способ присвоения людьми предметов производительного и непроизводительного потребления. Собственность всегда связана с вещью (объектом присвоения), но она не сама вещь, а отношение между людьми по поводу вещи. Основными правами собственности являются права контроля, извлечения выгоды и распоряжения собственностью на исключительной основе. Существует ряд основных моментов, связанных с проблемами собственности: 1) приобретение – каким образом индивиды или коллективы получают доступ к собственности; 2) распределение – образцы владения собственностью и контроля над ней; принципы, лежащие в их основе, и институты, поддерживающие образцы распределения; 3) последствия отношений собственности для индивидов и социальных структур; 4) социальные ценности или идеологии, обосновывающие права собственности» [5].

В «Большом энциклопедическом словаре» мы видим, что «*собственность – это исторически развивающиеся общественные отношения, которые характеризуют распределение (присвоение) вещей как элементов материального богатства общества между различными лицами (отдельными индивидами, социальными группами, государством). Совокупность вещей, принадлежащих данному субъекту (собственнику), составляет объект собственности, то есть имущество соответствующего лица, поэтому отношения собственности называют также имущественными отношениями. Будучи законодательно урегулированы государством, они приобретают форму права собственности*» [6, с. 453].

Таким образом, можно сделать вывод, что термин «собственность» может быть реализован в таких значениях, как принадлежность соответствующим лицам объектов (материального и нематериального характера) и непосредственно право на собственность.

В этимологическом словаре Н.М. Шанского (1971) мы обнаруживаем, что слово «собственность» восходит к слову старославянского происхождения «собъ» – «существо», как грамматический термин представляющее собой семантическую каль-

ку греческого *kyrion*, суффиксально образованным от которого является «собство» в значении «особенность, лицо» [7, с. 326]. По версии этимологического словаря М. Фасмера (2008), слово «собь» – «собственность, сущность» древнерусского происхождения, производным от которого являются церковнославянские слова «собство» – «свойство, своеобразие, сущность», «собие» – «существо», «собина» – «собственность, имущество», «собити» – «присваивать, приобретать» [8, с. 704]. Таким образом, мы можем утверждать, что семантический признак исследуемого концепта выступает признаком принадлежности, наличия чего-либо у кого-либо, приобретения.

«Толковый словарь живого Великорусского языка» – один из самых знаменитых словарей русского языка, энциклопедия русского народного быта, созданный, чтобы доказать: «живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целостность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной, разумной русской речи» [цит. по 9, с. 253]. В его состав вошли живой народный язык, лексика письменной и устной речи середины XIX века, терминология и фразеология различных профессий и ремесел.

Автор не ограничивал себя инвентаризацией «сокровищ родного слова», но стремился продемонстрировать словообразовательные возможности русского языка, «развить наперед законы словопроизводства, разумно обняв дух языка». В.И. Даль дополнял свой словарь такими сочиненными им словами, которые, на его взгляд, должны быть близки говорящим, годными к употреблению и заменить собой заимствования [9, с. 253].

Новое дыхание словарь В.И. Даля приобрел в постсоветский период. Его разные издания вошли в культурную жизнь россиян. Словарь, как и прежде, является неиссякаемым источником цитат, образных выражений, поговорок русского народа в современной речи [9, с. 254].

В словаре В.И. Даля лексема «собь» выступает в качестве заголовочного слова: *все свое, имущество, животы, пожитки, богатство – «у него собь много»; свойства нравственные, духовные и все личные качества человека, особенно все дурное, все усвоенное себе по дурным наклонностям, соблазнам, страстям – «собь наша держится за любовь к миру и любовь к самому себе»* [10, с. 347].

Словообразовательное гнездо составляют лексемы «собина, собинный, собный, собность, собственное, собственность, собство». По разным причинам многие из них давно вышли из употребления. Одной из таких причин является утрата актуальности понятия, например: «материнская собинка, материзна (в значении наследство от матери)». В качестве иллюстративного материала в статье представлено большое количество словосочетаний с этим словом, а также пословицы и поговорки: «собина – собь, животы, пожитки, нажитки, достояние; скот; приданое; приплодный, вскормленный дома теленок; у гуртовщиков скотина приказника, которая, по уговору, гонится и пасется при хозяйском гурте; присевок, польце, засеянное на чье-либо счастье, или отданное кому в собь, особенно лен: с умом собину нажить, а без ума растерять; с умом собинка нажита, а без ума прожита; собность, собственность – имение и всякая вещь, как личное достояние чье; право собственности или право собины, безусловного владения навсегда, обладание; собинный и собный, к соби относящийся или собственный, свой: да издержал яз три рубли своих собинных; собственное (собное) имя – грамматическое имя, кличка, название лица или вещи, особи; собство – особенность, как принадлежность чего-либо, свойство; собственно – наречие по значению прилагательного: земля ему собственно принадлежит, земля эта собина его; собственноручное письмо, подпись – своеручное; собник или собинник, собинница и собственник, собственница – владетель, владелец, владатель, обладатель, полный хозяин и господин вещи; всякий, у кого есть собь, собина, свое имущество; собить – копить, собирать, сберегать, припасать и прочить себе или иному в собину; гоношить, присваивать или наживать: собить детям; летом собить, зиму сыту быть; собливый, собчивый, собистый – корыстный скопидом, скопляющий себе собинку; зажиточный; собежник – что-либо свое, особое, отдельное, особняк, например, осеи польце, посев, отдельный от семейного; свой особый скот, отдельное стадо» [10, с. 348].

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова стал первым советским словарем, унаследовавшим традиции дореволюционной отечественной лексикографии. Причину создания словаря составители В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков видели в необходимости наличия такого источни-

ка, который отражал бы все богатство и красоту русского языка, а также изменения, произошедшие с ним в послеоктябрьскую эпоху [11]. Представление всего инвентаря «общеупотребительной лексики русского языка, живые системные связи лексических единиц» были задачей данного словаря [12, с. 66].

Словарь построен на лексике художественных произведений, публицистики, научной литературы. Основные значения понятия «собственность» сохраняются в данном словаре, оно толкуется как «имущество, находящееся во владении, в полном распоряжении кого-чего-нибудь, принадлежащее кому-чему-нибудь; принадлежность кого-чего-нибудь кому-чему-нибудь с правом полного распоряжения; порядок обладания и распоряжения имуществом (средствами производства, предметами потребления) и использования его в обществе». Приведенные значения можно проиллюстрировать следующими примерами: *иметь собственность; пожизненная собственность; личная собственность*; «...основой советского хозяйства является общественная собственность...»; *разрушить капиталистическую собственность; укрепить социалистическую собственность*» [13, с. 280].

Исторические процессы, происходившие в России в начале XX века, существенно изменили все сферы жизнедеятельности народа, в том числе и язык, и это не могло не отразиться на лексикографии. В начале XX века появилась идея создания однотомного толкового словаря современного русского языка как нормативного общедоступного пособия, что обусловило бы «принципы отбора лексики, компактность и популярность описания норм современной русской речи» [12, с. 77].

Словарь русского языка С.И. Ожегова стал первым однотомным толковым словарем русского языка, вышедшим в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции. Впервые в русской лексикографии был создан словарь особого типа – нормативное общедоступное пособие, призванное содействовать повышению культуры речи самых широких читательских кругов и быть руководством к правильному употреблению слов, образованию форм, произношению и написанию. В этом словаре из всего многообразия лексики современного русского литературного языка был отобран ее основной состав, в компактной и популярной форме описаны нормы современной русской литературной речи. Каждое слово в словаре имеет краткое толкование, приводятся примеры употребления слов в речи, фразеологические единицы, а также основные стилистические и грамматические формы слов [14]. Сигнификативная часть лексемы «собственность» представлена в виде следующей дефиниции: «собственность, -и, ж. 1) имущество, принадлежащее кому-чему-нибудь: личная собственность; 2) принадлежность кого-чего-нибудь кому-чему-нибудь с правом распоряжения: государственная собственность; Великая Октябрьская социалистическая революция отменила частную собственность на землю» [15, с. 659].

Синонимические словари ориентированы на презентацию слов, связанных по смыслу. Концепт «собственность» следующим образом представлен в словаре синонимов Н. Абрамова: «1. имущество, богатство, добро, достаток, достояние, имение, капитал, наследие, наследство, отчина, сбережение, состояние, стяжание, благосостояние, средства (материальные), наличность, актив; движимость, инвентарь, пожитки, скarb, рухлядь, хлам; багаж; 2. имущество: движимое, недвижимое, благоприобретенное, родовое, наличное, долговое» [16, с. 413]. Анализируя названный синонимический ряд, мы можем говорить о том, что ядро номинативного поля концепта «собственность» в русском языке на уровне лексической объективации составляют такие лексемы, как «имущество», «имение», «недвижимость», «богатство». Мы считаем, что представление о наличии или отсутствии собственности в сознании носителей языка связано, прежде всего, с наличием или отсутствием имущества (движимого или недвижимого), состояния, богатства.

Для построения интерпретационного поля анализируемого концепта важно рассмотрение его синтагматических отношений. Прежде всего, в рамках понятия «собственность» противопоставлены антонимы, указывающие на субъект власти: «собственность государственная/личная», то есть мы можем говорить о релевантности в сознании носителей языка противопоставления «мое» – «не мое» (общее, чужое, ничье).

Слова, объективирующие данный концепт в контексте, употребляются с местоимениями, обозначающими субъект собственности (своя, моя, твоя, ваша, наша, его), с прилагательными (чужой, всякий), с глагольными формами, указывающими на наличие и перемещение собственности: «купить; продать; потерять; приобрести; разориться; наживать». Например: «грести лопатой деньги; запустить руку; класть в карман; дер-

жать в кубышке; свое добро в горсточку собирай, чужое сей, рассевай; за чужим добром не гоняйся с багром».

Мы убедились в том, что в деривационном отношении данный концепт представлен в русском языке лексемами: *«собственный; собственнический; имущий; право собственности; собственнический; владелец, собственник; владелица; собственница, добровольный; по собственной воле; добровольно»*.

Итак, проанализировав семантику номинативного поля, включающего прямые номинации исследуемого концепта, словарные дефиниции дериватов, нам удалось выделить ядерные семантические компоненты концепта «собственность» в русском языке: *принадлежность, принадлежность кому-либо, принадлежность чего-либо, имущественность; богатство; право пользования; право распоряжения*.

Библиографический список

1. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. — Кемерово, 2004.
2. Маругина, Н.И. Концепт «природа» в русской и английской языковых картинах мира [Э/р]. — Р/д: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/10/image/10-036.pdf>
3. Красавский, Н.А. Лексические коллокации с номинантом эмоции «neid» в современном немецком языке (на материале словарных статей) // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. — Волгоград, 2001.
4. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. — М., 1997.
5. Батяев, А.А. Собственность. Как приобретать и распоряжаться [Э/р]. — Р/д: <http://www.ravnovesie.com/files/rv/25191806184.htm>
6. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1998.
7. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1971.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. — М., 2008.
9. Григорьева, Т.М. Наследие В.И. Даля в русской культуре XX — XXI столетий // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. — 2012. — № 1(19).
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1982. — Т. 4.
11. Словарь Ушакова [Э/р]. — Р/д: http://www.gramota.ru/slovari/types/17_26
12. Козырев, В.А. Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. — СПб., 2000.
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 2000. — Т. 3.
14. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Э/р]. — Р/д: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/ozhegov/ozhegov.html>
15. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. — М., 1992.
16. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М., 1999.

Bibliography

1. Pimenova, M.V. Dusha i dukh: osobennosti konceptualizacii. — Kemerovo, 2004.
2. Marugina, N.I. Koncept «priroda» v russkoy i angliyskoy yazykhovih kartinakh mira [Eh/r]. — R/d: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/10/image/10-036.pdf>
3. Krasavskiy, N.A. Leksicheskie kollokacii s nominantom ehmcii «neid» v sovremennom nemeckom yazyhke (na materiale slovarnykh statey) // Yazykovaya lichnost: problemih kommunikativnoy deyatel'nosti. — Volgograd, 2001.
4. Stepanov, Yu.S. Konstanti. Slovarj russkoy kulturi: opit issledovaniya. — M., 1997.
5. Batiyev, A.A. Sobstvennostj. Kak priobretatj i rasporyazhatjsya [Eh/r]. — R/d: <http://www.ravnovesie.com/files/rv/25191806184.htm>
6. Bol'shoy ehnciklopedicheskiy slovarj / gl. red. V.N. Yarceva. — M., 1998.
7. Shanskiy, N.M. Kratkiy ehntimologicheskiy slovarj russkogo yazyhka. — M., 1971.
8. Fasmer, M. Ehtimologicheskiy slovarj russkogo yazyhka. — M., 2008.
9. Grigorjeva, T.M. Nasledie V.I. Dalya v russkoy kultjre KhKh — XXI stoletij // Vestnik KGPU im. V.P. Astafjeva. — 2012. — № 1(19).
10. Dalj, V.I. Tolkovihiy slovarj zhivogo velikorusskogo yazyhka. — M., 1982. — T. 4.
11. Slovarj Ushakova [Eh/r]. — R/d: http://www.gramota.ru/slovari/types/17_26
12. Kozihrev, V.A. Vselennaya v alfavitnom poryadke: ocherki o slovaryakh russkogo yazyhka / V.A. Kozihrev, V.D. Chernyak. — SPb., 2000.
13. Tolkovihiy slovarj russkogo yazyhka: v 4 t. / pod red. D.N. Ushakova. — M., 2000. — T. 3.
14. Ozhegov, S.I. Tolkovihiy slovarj russkogo yazyhka [Eh/r]. — R/d: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/ozhegov/ozhegov.html>
15. Ozhegov, S.I. Tolkovihiy slovarj russkogo yazyhka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vihraszenij. — M., 1992.
16. Abramov, N. Slovarj russkikh sinonimov i skhodnykh po smislu vihraszenij. — M., 1999.

Статья поступила в редакцию 14.03.13

УДК 82.512.145

Nizamutdinova G.M. CIVIL AND LYRIC POET ZULFAT MODEL OF ITS «EPOCH» AND «HEROES». In article by the author it is shown that poet Zulfat in the products gives rise to the model of an epoch connected with its subjective views, passing it through the consciousness. The picture of an epoch created by the writer is not a copy of real life. It reflects challenges of the epoch through successes and lacks. The young poet reflects on public life, destiny of the nation, about the difficult changes occurring in an inner world of the person.

Key words: *aesthetic value units «hero» and «epoch», Zulfat Civilian lyrics, lyrical hero poet.*

Г.М. Низамутдинова, аспирантка ИЯЛИ АН РТ, ст. преп. Приволжского межрегионального центра повышения квалификации и переподготовки работников образования Института педагогики и психологии Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, E-mail: fpiort@mail.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА ПОЭТА ЗУЛЬФАТА, МОДЕЛЬ ЕГО «ЭПОХИ» И «ГЕРОЯ»

В статье автором показано, что поэт Зулфат в своих произведениях создает модель эпохи, связанную с его субъективными взглядами, пропуская его через свое сознание. Созданная писателем картина эпохи — это не копия реальной жизни. Сложные проблемы своей эпохи он отражает через успехи и недостатки. Молодой поэт задумывается об общественной жизни, судьбе нации, о сложных переменах, происходящих в духовном мире личности.

Ключевые слова: *эстетически значимые единицы «герой» и «эпоха», гражданская лирика Зулфата, лирический герой поэта.*

В лирике поэта Зулфата форма его самовыражения, его семантическая интерпретация, анализ его функционального отражения содействуют концепции «эпоха и герой». На основе осознанных, представленных, специально отобранных или ин-

туитивно рожденных поэтом законов раскрывается модель картины эпохи, сравнение его с действительностью помогает делать выводы о степени реальности заложенных в произведении идейном содержании, героев, событий, актуальности поднятых

проблем, созвучности со временем, о важности их для бытия. Для понимания картины мира, рожденного поэтом, важно и понимание каждого средства, выполняющего в литературном тексте эстетическую функцию, и определение содержания, заложенного в другие языковые и изобразительные средства.

Подход к творчеству Зюльфата в этой плоскости обосновывают актуальность оценки его в плане концепции «эпоха и герой». Писатель в своих произведениях рождает модель эпохи, связанную с его субъективными взглядами, пропуская его через свое сознание. Созданная писателем картина эпохи — это не копия реальной жизни. Эпоха, разумеется, отражается через своих героев, живет с ними. Герой, рожденный автором, это не авторское «я», это представитель определенной эпохи, обладающий индивидуальным характером, переживаниями, собственным взглядом на мир и его оценкой, живущий своими ценностями. В то же время он не совсем свободен и от субъективных взглядов автора. Автор постоянно выражает ему свое отношение. Он вырастает на национальной, литературной основе отдельного народа, исходя из требований своей эпохи.

1960-80-е годы в истории страны и для литературы своеобразная новая эпоха. Это время возвращения к нормальной жизни после залечивания ран Великой Отечественной войны, развенчания культа личности огромной державы под названием СССР, время надежд на будущее, на положительные перемены в духовной жизни человека. За сравнительно короткое время писатели начинают более свободно мыслить, более открыто выражать наболевшее, поднимать волнующие многих вопросы. Молодое поколение, пришедшее в поэзию в 1960-х годах, — Р. Файзуллин, Р. Харис, Р. Мингалим, Р. Гатауллин (Р. Гаташ) не только изменило традиционные формы, но и внесло большие перемены в содержание и жанры поэзии, обогатило ее тематику. Несмотря на положительные результаты «хрущевской оттепели», принесшей некоторую свободу, партийная идеология, разумеется, не спешила раздвигать привычные рамки и не выпускала поводья из своих рук. Но это свободное дыхание, уже ворвавшееся в поэзию, все же проторило себе дорогу. К перечисленным выше поэтам стала постепенно присоединяться такая же смелая молодежь: М. Агьямов, Зюльфат, Рашит Ахметзянов, А. Халим, Ф. Сафин и др. Общественные условия, идеологические рамки вынуждают их к поискам, слова и чувства, которые хотелось донести, превращать в метафоры, использовать переносный смысл. Смысловые пласты стихотворения, некоторая недосказанность делают его еще более таинственным, поэтичным, интересным для читателя.

Творчество пришедшего в литературу на рубеже 1960-70-х годов Зюльфата очень своеобразно. Он из тех, кто стал достойным продолжателем «шестидесятников», испытав свое перо в годы подъема татарской поэзии, получивший признание литературной общественности уже своими первыми стихотворениями, он вошел в нашу поэзию своими смелыми чувствами. В дни празднования его пятидесятилетия Ильдар Юзеев писал о нем: «Зюльфат ворвался в нашу поэзию и жданно, и нежданно словно несущийся конь. Представители старшего поколения даже несколько перепугались, глядя на этого рискованного наездника. Ты попробуй, выступи в стихотворении в 1960-х годах против пословицы “Незванный гость хуже татарина!” Но тогда уже были те, кто понимал и защищал Зюльфата. Молодой поэт этим стихотворением покорила не только Казань, но и Москву. Для меня как поэт Зюльфат родился именно с этим стихотворением» [1]. Приход поэта на творческую арену И. Юзеев выразил, конечно, очень образно, но в этом нет никакого преувеличения. Зюльфат, действительно, пришел тогда, когда татарская поэзия испытывала жажду в таком смелом поэте, когда ждала его. Такое скорое приковывание к себе внимания общественности, такая решительность, была, конечно, несколько неожиданной.

Творческий человек, являясь членом общества, не может быть свободным от него. В основе его произведений лежат события его времени, личности — участники этих событий. Так и в поэзии Зюльфата присутствуют его время и его неповторимые герои. Но это не бесцветные, подчиненные общей идеологии личности, они отражают душевную суть поэта, призывают человека к жизни в своем естестве, к духовной свободе.

Как и современники, Зюльфат обращается к характерным для поэзии тех лет темам. Сложные проблемы своей эпохи он отражает через успехи и недостатки. Молодой поэт задумывается об общественной жизни, судьбе нации, о сложных переменах, происходящих в духовном мире личности.

Таким образом, в творчестве поэта находят воплощение связь эпох, история. У каждого времени есть свои герои, и время всегда ставило перед ними задачи, которые они должны были решить. Личность эпохи должна шагать, не пасуя перед ними, не запятнав свою совесть. Таких Зюльфат берет в герои своих произведений. Например, это отчетливо проявляется в стихотворениях, описывающих ужасы времен Великой Отечественной войны. Стихотворений на эту тему у него сравнительно немного. Но каждое пронизано глубокими переживаниями, отличается реальностью описанных событий, силой духа героев, проникновенной эмоциональностью. Стихотворения «Не вернувшийся», «Не кричать», «Обещание», «Незагаданный сон» говорят о необходимости быть добросердечным, храбрым и совестливым, отважным для того, чтобы не запятнать свой долг перед отчиной и победить врага. Эти трагические военные годы стали одинаковым испытанием и для воинов, и для тыловиков, для взрослых и детей. Либо упадешь, либо победишь. Герои Зюльфата со словом «Победим» идут вперед. Когда «судьба страны на краю пропасти», он в эти минуты не может думать о себе [1].

Оценивая творчество Зюльфата 1970-80-х годов, можно сказать следующее: в нем то и дело наблюдается стремление раскрыть чувства гражданственности, милосердия, любви к человеку и природе, издревле считающихся особенностью поэзии, с позиции сегодняшнего дня, с новых высот.

Острая гражданская лирика Зюльфата уже в начальном периоде творчества заслуживала особого внимания. Зюльфат в своем творчестве смог объединить традиции классических произведений татарской и других литератур, неповторимый дух татарского народного творчества со свойственными только ему средствами ассоциативной изобразительности. В многовековые поэтические каноны татарской поэзии он привнес от себя, тем самым обогатил ее. В его творчестве было немало выражений и афоризмов, не уступающих по смысловой нагрузке пословицам. Как и в пословицах, он находит две противоположности, размещает их рядом, и с их помощью создает новый смысл. К примеру, «Язымшлар тудырмай ялгышны, // Ялгышлар тудыра язымшны» («Не судьбы порождают ошибки, // Ошибки рождают судьбу») «Сагыш — озын, бәхет бик кыска» («Печаль — бесконечна, счастье — скоротечно»), «Язымшлардан узмыш юк икан шул, // Нинди генә атта чапсаң да... // ләкин сөя аягың кала стенага терәп атсаң да» и другие [2].

На то, что Зюльфат сформировался как самобытный поэт, повлияли и его родина, давшая народу немало творческих личностей, и первый учитель Р. Гаташ, и его наставники Х. Туфан, Н. Наджми, Н. Арсланов, С. Хаким, И. Юзеев.

В целом, на творчество поэта повлияли богатое литературное наследие татарского народа, окружение, семья, друзья, коллеги по перу. Свойственные Зюльфату усердие, стремление к совершенству, философское понимание жизни, тонкое ее ощущение, умение чувства донести словами, природный талант подняли его на поэтическую вершину, принесли признание народа, сделали поэтом, имеющим в литературе свой стиль, свой внутренний стержень.

Библиографический список

1. Юзеев, И. Молитва поэта // Избранные произведения: в 5 т. — Казань, 2002.
2. Галиуллин, Т.Н. Поэзия // История татарской литературы: в 6 т. — Казань, 2001. — Т. 6.

Bibliography

1. Yuzeev, I. Molitva poehta // Izbranniye proizvedeniya: v 5 t. — Kazanj, 2002.
2. Galiullin, T.N. Poeziya // Istoriya tatarskoj literaturih: v 6 t. — Kazanj, 2001. — T. 6.

Статья поступила в редакцию 20.03.13

УДК 82. 091

Nurgazina A.B. CATEGORY OF A POETIC WORLD-VIEW AND THE CONCEPT: THEIR CORRELATION. This article is devoted to the study and description of categories of a poetic world view, the definition of their correlation with keywords: study the concepts of «author modality», «belles concept», «poetic image».

Key words: poetic world view, subjective modality, author's modality, belles concept, word picture, poetic image.

А.Б. Нургазина, ст. преп. каф. русской филологии Павлодарского гос. университета им. С. Торайгырова, г. Павлодар, E-mail: v-taisova@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА И КОНЦЕПТ: ИХ СООТНОШЕНИЕ

Данная статья посвящена изучению и описанию категорий поэтической картины мира; определению их соотношения с ключевыми словами: исследованию понятий «авторская модальность», «художественный концепт», «поэтический образ».

Ключевые слова: поэтическая картина мира, субъективная модальность, авторская модальность, художественный концепт, художественный образ, поэтический образ

Поэтическая картина мира, будучи составной частью художественной картины мира, отличается от нее большей субъективностью, демонстрируемой поэтическим текстом. Субъективная модальность — это свойство поэтической картины мира, обусловленной особенностями поэтического творчества, субъекты которого, живя в мире собственных представлений, способны переживать только собственные ощущения, опираться на собственный опыт. Для такого субъекта события и факты объективной реальности, весь человеческий опыт уместаются в его сознании, хотя в результате схожести человеческого опыта у людей возникают схожие представления о мире.

Субъективная модальность — это широкое понятие, включающее в себя понятия «образ автора» и «авторская модальность». Авторская модальность ограничивается от субъективной модальности в том, что субъективная модальность может реализоваться не только на уровне текста, но и на уровне предложения. Авторская же модальность связана как с авторской речью (повествование, описание, рассуждение), так и с речью персонажей и повествователя-рассказчика. По мысли В.В. Виноградова, автор «не просто субъект речи», а «концентрированное выражение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [1, с. 118].

Категория авторской модальности выступает как организующий центр образа автора, включая в себя категорию образа автора. Эта категория не тождественна языковой личности, так как данная категория имеет первостепенное значение в формировании идиостиля автора. Поэтому Ю.Н. Караулов, опираясь на высказывания В.В. Виноградова о соотношениях понятий «языковая личность», «художественный образ» и «образ автора», утверждает, что «за каждым текстом стоит языковая личность» [2, с. 5].

Понятия «образ автора» и «языковая личность» разграничиваются по выражаемой авторской оценке. По мысли О.Е. Вихрян, в систему авторской модальности входят «непосредственные авторские оценки, выражаемые на всех структурных уровнях через протагониста — главного героя и одновременно повествователя» [3, с. 15].

Образ автора является одним из компонентов формы, в которую облачается авторская интенция, идея произведения. Именно выражение идеи произведения, авторской позиции и его намерений способствуют увязыванию всех стилистических средств в цельную словесно-художественную систему.

В.Г. Катаев не разграничивает понятия «образ автора», «личность автора» в значении «языковая личность», поэтому он, рассматривая образ автора как организованную и объективированную средствами искусства и по законам искусства «личность автора», конкретизирует понятие «образ автора» следующим образом: во-первых, «образ автора есть в каждом художественном произведении, независимо от субъективных намерений автора»; во-вторых, «образ автора — не воспроизведение биографической личности автора, а структура, в которой элементы объективной действительности соотношены с человеческим к ним отношением и тем самым организованы эстетически»; в-третьих, «структура образа автора шире категории авторского субъективизма (ав-

торского замысла, авторской позиции, авторского голоса и др.), входящих в нее как составные части» [4, с. 34].

Авторская модальность понимается как ядро структуры образа автора, потому что именно через нее выражается авторская оценка, авторское отношение к изображаемому. В ее основе лежит образное осмысление поэтом поэтически трансформированной художественной картины мира. В связи с этим представляется нам правомерной точка зрения А.Б. Тумановой, понимающей авторскую модальность как одну из разновидностей субъективной модальности, как ядро важнейшей категории «образ автора», как текстообразующую категорию и как авторскую оценку излагаемого. В более общем плане авторская модальность рассматривается как способ преломления объективной действительности в художественной форме, раскрывающей личность самого писателя» [5, с. 94].

В филологической науке предпринимаются попытки представления поэтического текста как репрезентации ментальных структур, установления набора соответствующих концептуальных моделей, дается также комплексный анализ художественной или поэтической концептосферы на основе анализа художественных или поэтических образов. Целью такого анализа является характеристика авторской ментальности, системы ценностей поэтической личности, отраженных в образных сопоставлениях, а также выявление проявляющихся в реализациях (поэтических) образов черт поэтического идиостиля [6, с. 3].

Анализ данного определения образа показывает, что именно способность художественного образа отражать чувства и мысли автора выводит его на ментальный уровень.

Поэтический образ — частный случай художественного образа, представляет собой фрагмент поэтического текста, в котором сближаются между собой несходные семантически далекие понятия, одно из которых служит внутренней формой, прототипом для второго образного, переосмысленного значения. В отличие от обычных слов, опирающихся на внутреннюю форму слова при образовании нового понятия, когнитивный поэтический образ создается в процессе метафорического переосмысления прототипа. Именно метафора или метонимия создают на основе чувственно-наглядного образа-прототипа, сформированного на основе перцептивных (зрительных, тактильных, вкусовых, звуковых и обонятельных образов), символический поэтический образ, вызывающий разнообразные смысловые ассоциации, рождающий новые смыслы, в том числе и культурно-ментальные.

Поэтический образ, образ автора, языковая личность, авторская модальность в поэтической картине мира выступают как ее основные категории, дающие представление об авторе, его идеях, позициях, выражают авторскую оценку, отражают его субъективное отношение к предмету мысли, его ассоциации, символические смыслы, приписываемые автором тем или иным явлениям. Если эти категории, обеспечивающие целостность поэтической картины мира, играют важную роль в ее репрезентации, то возникает вопрос о соотношении их с концептами — ключевыми словами культуры, выступающими как поэтические концепты в поэтической картине мира.

Ж.А. Маслова предлагает проводить разграничение между художественным образом и художественным концептом на основе следующих признаков: 1) по признаку единичной/множественной репрезентации смыслов.

Художественный концепт – это ментальная единица, включающая многие смыслы, даже те, которые не подразумеваются в художественном произведении. *Художественный образ* – это одна из возможных языковых репрезентаций художественного концепта; 2) *художественный концепт* – это элемент поэтического картины мира, а художественный образ – это одна из возможных языковых репрезентаций художественного концепта и элемент поэтического текста [7, с.162].

Художественный концепт и художественный образ, а также поэтический концепт и поэтический образ и сближаются между собой и отличаются несколько друг от друга, вступая в родовидовые связи. Художественный (поэтический) концепт выступает как квант знания, выражающий представления об авторских ценностях и об авторской ментальности. Художественный образ является частным случаем реализации художественного (поэтического) концепта.

Если художественный (поэтический) концепт и образ находятся в родо-видовой связи, они могут служить для образного представления знания. В этом случае они выступают как способы репрезентации знаний. Авторская модальность и связанные с ней понятия в общей системе категорий поэтического текста занимают важнейшее место, так как авторской модальностью представляется существенная сторона семантики художественного произведения. Она, цементируя организацию целостности текста, выражается не прямо, а через образно-речевую структуру произведения. И в этом случае и художественный (поэтический) образ и концепт, вербализующийся через языковые единицы, и речевые средства, актуализирующиеся в поэтической картине мира, выступают как экспликации авторской модальности. О.Е. Вихрян выделяет три уровня авторской модальности: ментально-идеологический, композиционный и лексико-грамматический. Компоненты ментально-идеологического уровня (образы, идеи, семантические поля, семантические доминанты) представляют содержательный пласт авторской модальности. Композиционный уровень авторской модальности дает представление о средствах построения композиции поэтического текста – фрагмента поэтической картины мира. К таким средствам ком-

позиционного уровня относятся повторы, акцентирующие для автора важную информацию; синтаксические и лексические повторы; кольцевая композиция [3, с. 27].

На лексико-грамматическом уровне к средствам, выражающим авторскую идею, относятся модальные предикативы, слова и выражения с переносным значением, с ассоциативно-образной семантикой, коннотативная лексика; ключевые слова, словосочетания, поговорки, фразеологизмы и др.

Анализ основных категорий, дающих представление о поэтической картине мира языковой личности автора, показывает, что они тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом. Авторская модальность выступает как текстообразующая, семантическая категория, имеющая отношение и к образу автора (как его организующий центр), и к идее автора, формируемому самой авторской модальностью, и к языковой личности (отражает поэтическую картину мира языковой личности автора), и к художественному (поэтическому) образу, так как именно через образное восприятие и символическое переосмысление мира отражает авторскую идею, его культурно-ментальную сущность), и к концепту (ключевому слову) – концепту – образу, эксплицирующему через посредство языковых единиц авторские темы–идеи, культурно-ментальные смыслы, интенции.

Авторская модальность как организующее начало спланирует в единое целое поэтическую картину мира и ее категории, способствующее раскрытию содержательного плана, а также и трехуровневые средства экспликации культурно-ментальных структур и образов; авторская модальность передает глубинную, концептуальную, смысловую и эстетическую информацию об авторском видении мира.

На наш взгляд, поэтический образ в поэтической картине мира тесно взаимосвязан с концептом. И в этом случае можно говорить о концептах-образах, обозначающих особый формат знания. Такие концепты-образы имеют в своих структурах образный компонент и более ориентированы на передачу субъективного отношения автора, выражают его оценку, чувства, отражают специфику видения поэтом объективной действительности.

Библиографический список

1. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1971.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2003.
3. Вихрян, О.Е. Языковые средства выражения авторской модальности в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990.
4. Катаев, В.Г. К постановке проблемы образа автора // Филологические науки. – 1966. – № 1.
5. Туманова, А.Б. Экспликация модальных смыслов в художественном дискурсе писателя-бilingва. – Алматы, 2006.
6. Купчик, Е.В. Поэтический мир А. Горюхиного: образная интерпретация концептосферы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тюмень, 2006.
7. Маслова, Ж.Н. Поэтическая картина мира. – Тамбов, 2010.

Bibliography

1. Lotman, Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta. – M., 1971.
2. Karaulov, Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. – M., 2003.
3. Vikhryan, O.E. Yazykovye sredstva vihrazheniya avtorskoy modalnosti v romane I.A. Bunina «Zhiznj Arsenjeva»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1990.
4. Kataev, V.G. K postanovke problemih obraza avtora // Filologicheskie nauki. – 1966. – № 1.
5. Tumanova, A.B. Ekhsplykatsiya modusnykh smyslov v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva. – Almaty, 2006.
6. Kupchik, E.V. Poeticheskij mir A. Gorodnichkogo: obraznaya interpretatsiya konceptosferi: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Tyumenj, 2006.
7. Maslova, Zh.N. Poeticheskaya kartina mira. – Tambov, 2010.

Статья поступила в редакцию 20.03.13

УДК 882.0-1.09

Chaunina N.V. GENRE TRENDS IN THE POETRY OF ANNA AKHMATOVA IN THE LIGHT OF TRADITION. The article considers the key genre trends in the lyrics of A. Akhmatova. The term «dominant installation of the author» (the term of L. Kihney) is used as the main genre-make criterion. The introspective, formally-canonical, functional installations are defined and analysed.

Key words: genre, «author's installation», lyrics, Akhmatova.

Н.В. Чаунина, канд. филол. наук, доц. ТИ (ф) СВФУ, г. Нерюнгри, E-mail: chaunin@mail.ru

ЖАНРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРАДИЦИИ

В статье рассмотрены ключевые жанровые тенденции в лирике А. Ахматовой. В качестве жанрообразующего критерия использовано понятие «доминирующей установки автора» (термин Л.Г. Кихней). Выявлены и проанализированы интроспективные, формально-канонические, функциональные установки.

Ключевые слова: жанр, «авторская установка», лирика, Ахматова.

Поэзия XX века, в особенности ее жанровый аспект, является одной из актуальных проблем современного литературоведения. Несмотря на обилие научных работ, посвященных отдельным «жанровым» вопросам литературы прошлого столетия (С. Коваленко, А. Карпова, Л. Долгополова, С. Кормилова, В. Зайцева, Л. Кихней и др.), обобщающих работ, посвященных жанровым процессам, происходящим в поэзии XX века, на сегодняшний день крайне мало. Данный факт объясняется, во-первых, сложной, «деканонизированной» природой поэзии XX века [1, с. 3]. Во-вторых, необходимостью рассмотрения и систематизации частных «жанровых случаев» с целью выявления корреляционных связей между жанровыми формами и формами художественного мышления писателя, детерминированными, в свою очередь, социокультурными, философско-эстетическими, психологическими и др. факторами. В-третьих, «с отсутствием единых алгоритмов жанрового анализа творчества «отдельно взятого» поэта» [1, с. 3].

Творчество Анны Ахматовой в качестве предмета жанрового исследования выбрано не случайно: она создала в русской поэзии уникальную художественную систему. Следовательно, и жанровые процессы, происходившие в творчестве Ахматовой, являются по сути дела инновационными, ибо нельзя создать чего-то по-настоящему нового в искусстве, не нарушив жанровый канон.

Важно отметить, что жанрово-стилевые координаты ранней ахматовской поэзии разрабатывались еще в трудах В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума, В. Виноградова, Ю. Тынянова, К. Чуковского, ставших классикой отечественного ахматоведения и сохранивших свое методологическое значение до сих пор.

Анализ достижений этих ученых, а также новейших работ об А. Ахматовой (С. Бурдиной, В. Виленкина, Н. Дзущевой, Е. Добица, Вл. Зайцева, Л. Кихней, О. Клинка, С. Коваленко, Л. Колобаевой, С. Кормилова, Н. Королевой, М. Кралина, О. Лекманова, В. Мусатова, А. Наймана, И. Невинской, А. Павловского, Т. Пахарева, Н. Сподарец, Р. Тименчика, В. Топорова, А. Хан, А. Хейт, Т. Цивьян, В. Черных, Е. Эткина, и др.), дает основание для заключения о том, что при общих блистательных результатах современного ахматоведения и относительной изученности «больших форм» ахматовской поэзии, поэтика малых лирических жанров разработана еще не достаточно.

Таким образом, жанровое исследование лирики А. Ахматовой представляется по-прежнему актуальным и перспективным.

Осуществление выбранного аспекта исследования осложнено тем, что при всем многообразии теоретических разработок категории жанра, общепринятая теория до сих пор не сложилась. Учитывая опыт ведущих теоретиков жанра (В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума, В. Виноградова, Ю. Тынянова), анализируя новейшие работы современных ахматоведов, а также художественную практику Ахматовой, в качестве одного из основных жанрообразующих критериев мы выдвигаем понятие «доминирующей установки автора» (термин Л.Г. Кихней) [2, с. 128].

Именно авторская установка играет ведущую роль в жанрообразовании: она «диктует» организацию содержания и формы лирического произведения. Типология авторских установок формируется под воздействием тех или иных социокультурных ситуаций.

Анализ поэтической практики А. Ахматовой показал, что преобладающими в ее творчестве являются интроспективные, формально-канонические, а также функциональные установки.

С интроспективными установками автора связаны медитативно-элегическая и эпиграмматическая жанровые тенденции. Последнюю тенденцию в творчестве поэтессы выявил В.М. Жирмунский, определяя ее как стилистический, а не жанровый феномен. Он связывал эпиграмматическую тенденцию в поэзии акмеистов вообще, и Ахматовой, в частности, с «исчезновением лирической напевности <...> как непосредственного выражения эмоционального волнения». Рациональный элемент в лирическом высказывании расценивается В.М. Жирмунским как компонент художественного впечатления, выступающий уже «не как маловыразительное, прозаическое рассуждение, а заостренным в виде законченной и выразительной эпиграммы» [3, с. 110].

«Эпиграмматичность словесной формы» Ахматовой Жирмунский связывал с традициями поэтики французского классицизма. «Но есть при этом глубокое различие между Ахматовой и французами: там, где у последних – только общее суждение, антистически заостренное и выраженное в форме афоризма, применимого всегда и ко всякому поводу, независимо от условий, его породивших, у Ахматовой – даже в наиболее обобщенных сентенциях – слышен личный голос и личное настроение» [3, с. 114].

В качестве образцов эпиграмм в творчестве Ахматовой отметим: *Любовь (То змейкой, свернувшись клубком...)* (1911), *Любовь покоряет обманно...* (1911), *Настоящую нежность не спутаешь...* (1913), *То пятое время года...* (1913), *Пустые белы святки...* (1914), *Земная слава как дым...* (1914), *Есть в близости людей заветная черта...* (1915), *И скучно оно и богато...* (1910-е годы), *Угадаешь ты ее не сразу...* (1910), *О, есть неповторимые слова...* (1916), *Эпиграмма (Здесь девушки прекраснейшие спорят...)* (1928), *Эпиграмма (Могла ли Биче слово Дант творить...)* (1957), *Скорость* (1959).

Приведенные тексты объединяет «формульный» характер выражения мысли, оформленный как умозаключение.

Ахматовские эпиграммы сохраняют память о древней семантике жанра, отсюда – не только лапидарность поэтического письма (отмеченная Б. Эйхенбаумом), но и форма медитативно-афористического выражения сути предмета или явления.

Как известно, в древней поэтической традиции «эпиграммой» считалась надпись (на памятнике, подарке и т.д., поясняющая суть и смысл предметов, сопровождаемых данным текстом). В античной литературе эпиграмма – короткое лирическое стихотворение произвольного содержания.

Эпиграмматическая жанровая линия продолжается в средневековой и возрожденческой поэзии, а также и в поэзии XVII-XVIII вв. В качестве жанрового канона в новейшей поэзии принято считать Венецианские эпиграммы И.В. Гете. В новейшей поэзии укоренилось одно из значений эпиграммы, дошедшее и до нашего времени, – как очень короткой сатирической миниатюры – обычно с острым пуантом в финале (ср. с пушкинскими эпиграммами на А. Аракчеева, Ф. Булгарина и гр. Воронцова).

Эпиграмматический диапазон А. Ахматовой достаточно широк. Это и сатирические эпиграммы (ср.: *Эпиграмма (Здесь девушки прекраснейшие спорят...)* (1928), *Эпиграмма (Могла ли Биче слово Дант творить...)* (1957)); и любовно-медитативные (*Любовь покоряет обманно...* (1911), *Настоящую нежность не спутаешь...* (1913), *Есть в близости людей заветная черта...* (1915)).

Эпиграмма – скрытое определение сущности какого-либо феномена (например, любви: *То змейкой, свернувшись клубком...*, *То пятое время года...*; поэзии: *Про стихи Нарбута, Муза*). Изредка эпиграмматическое стихотворение обретает черты посвящения (*Загорелась иглы венчика...*).

Медитативно-элегическая жанровая линия особенно отчетливо проявляется в ахматовском творчестве 1940-х–1960-х годов. Характерные образцы этого жанра уже в самом названии идентифицируются Ахматовой как элегии. Это *Ива* (1940), *На Смоленском кладбище* (1942), *Из Ленинградских элегий (О! Из какой великолепной тьмы...)* (1956), *Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...* (1957), *Летний сад* (1959), *Мартовские элегии (Если бы ты музыкой была...)* (1959), *Мартовская элегия (Прошлогодних сокровищ моих...)* (1960), *Предвесенняя элегия* (1963).

Анализ содержательной структуры данных текстов убеждает в том, что Ахматова ориентировалась на романтический элегический канон, что повлекло за собой «опосредование рефлексии и повсюду направляющего свой взор созерцания, подводящего единичные моменты <...> сердечного опыта под более общие точки зрения» [4, с. 319].

Жанровая «память» о романтических сетованиях на извечные «законы бытия» у Ахматовой «дополнились» трагическим приятием неоснованного «бега времени», напоминающим пушкинскую философскую модель восприятия жизни на грани смерти.

Формально-канонические установки также играют важную роль в жанрообразовании. Здесь прежде всего следует говорить о жанровой форме сонета. В позднем творчестве А. Ахматовой встречаются подобные образцы, причем в заглавии автор всегда маркировала сонет как таковой: *Приморский сонет* (1958), *Сонет (Приди, как хочешь: под руку с другой...)* (1963?), *Сонет (Я тебя сама бы увенчала...)* (1963), *Сонет-эпиграмма (Не пугайся, – я еще похожей...)* (1960-1962). Лишь одно стихотворение сонетной формы не названо сонетом, что объясняется его отношением к иной жанровой традиции. Речь идет о стихотворении *Совсем не тот таинственный художник...*, имеющее подзаголовок *Надпись на книге «Подорожник»* (1941).

Функциональные авторские установки обусловлены способом бытования текста во внетекстовой реальности, его функциональным назначением или применением (надпись, пение под музыку и т. д.).

Ярко выраженным функциональным значением обладают ахматовские «надписи» (*Надпись на книге, 1940; Надпись на книге (Из-под каких развалин говорю...)*, [1930-е], 1960; *Надпись*

на поэме «Триптих», 1944). К тому же «функциональному» жанру можно отнести и стихотворение *Совсем не тот таинственный художник...*, имеющее подзаголовок *Надпись на книге «Полудорожник» (1941)*; а также две «портретные надписи» – *Надпись на неоконченном портрете (1912)* и *Надпись на портрете (1946)*.

В творчестве Ахматовой широко представлен другой функционально ориентированный и освещенный фольклорной традицией жанр – жанр песни.

Принципы использования жанрового потенциала народной песни у Ахматовой достаточно разнообразны – от полного следования жанровому канону до легкого намека на него с помощью той же интонации выкликания. Особенно востребованным для нее оказался жанр фольклорного причитания, свидетельствуя чему – ее стихотворения с одноименными названиями *Причитание (1922)* и *Причитание (1944)*.

В то же время Ахматова соединяет разнородные элементы фольклорных жанров. Так, в стихотворениях *Для того ль тебя носила...*, *Не бывает тебе в живых...* семантика похоронного причитания сочетается с залихватским ритмом плясовой припевки.

По тому же принципу жанрово-фольклорной контаминации построены и ее «страшные песенки», в которых голос поэтессы растворяется в народном хоре. Но если апелляции ранней Ахматовой к частушке носили скорее характер интуитивных проявлений, то поздние ахматовские «песенки» уже сознательно ориентированы на частушку: они имитируют принцип построения и ритмико-интонационный рисунок частушки, сохраняя при этом трагедийный накал. Ср.: «Под узорной скатертью / Не видать стола. / Я стихам не матерью – / Мачехой была. / Эх, бумага белая, / Строчек ровный ряд. / Сколько раз глядела я, / Как они горят» [5, с. 267].

Но возникает вопрос: как соотносятся в жанре авторские установки, сформированные под влиянием «запросов времени» и традиции? По убеждению М.М. Бахтина, «в жанрах <...> на протяжении веков их жизни накапливаются формы видения и осмысления определенных сторон мира. Для писателя-ремесленника жанр служит внешним шаблоном, большой же художник пробуждает заложенные в нем смысловые возможности» [6, с. 351]. Отсюда жанр, по М.М. Бахтину, – представитель творческой памяти в процессе литературного развития [7, с. 122], поскольку на каждом этапе существования жанра используется опыт, накопленный предшествующими поколениями. Из этого

следует, что жанр живет как некая самостоятельная система, реализующаяся в художественном творчестве конкретного автора.

Поскольку у литераторов возникают разноаспектные установки, то и в литературном процессе в одну и ту же эпоху, даже у одного и того же автора сосуществуют не только разные жанры, но и различные «статусы жанра», различные этапы жанровой эволюции. Именно этот феномен можно наблюдать в творчестве Ахматовой: наряду с вполне традиционным и устоявшимся жанром элегии в ее творчестве появляется «лирическая новелла» – совершенно новый жанр, ведущий генезис от романной прозы.

Наряду с «новеллами» появляются – выделяемые совсем по другим основаниям – адресованные жанры, этиологически связанные с канонами послания и посвящения. Ахматовские песенки, как мы писали выше, имеют фольклорное происхождение, но жанровый канон в них неузнаваемо трансформирован. И, наконец, эпитафическая парадигма, вызванная к жизни трагедией века, также образуется сложным сочетанием авторских установок и каноническими чертами, укорененными в древней поэтической и ритуальной традиции.

Как верно отмечено М. Гаспаровым, жанр существует в литературе как «обязательное качество творческого процесса и процесса восприятия». Даже если автор декларирует «слом» жанра, то это «не отменяет жанрового измерения» его произведения, а свидетельствует лишь о «сломе» старой жанровой системы.

Все вышесказанное в полной мере можно отнести к Ахматовой. Она имплицитно задает новые жанровые установки, суть которых – в утверждении жанровой свободы, преодолевающей привычное жанровое мышление. Эта установка подтверждает мысль Ахматовой о том, что хорошо только то произведение, которое «не вмещается в рамки жанра».

Таким образом, анализ жанровых процессов в поэзии Ахматовой позволил определить соотношенность и взаимозависимость жанровых форм и форм художественного мышления поэта, уяснить природу феномена «памяти жанра» как аккумуляции жанрового опыта предшественников, и в то же время проследить трансформацию традиционного канона в зависимости от целевых установок автора и запросов времени. В итоге жанровые модификации ахматовской поэзии представлены как «эстетические призмы», специфические формы художественного опыта первой половины XX века [8].

Библиографический список

1. Кихней, Л.Г. Анна Ахматова: сквозь призму жанра / Л.Г. Кихней, Н.В. Чаунина. – М., 2005.
2. Кихней, Л. К вопросу о фольклорной традиции в творчестве Анны Ахматовой // *Folklorerezeption in der Gegenwart: Probleme des Folklorismus in den slawischen und baltischen Literaturen*, Rostock 1990.
3. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л., 1977.
4. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по эстетике // *Собр. соч.* – М., 1958. – Т. 14.
5. Ахматова, А. Сочинения: в 2 т. / сост. и примеч. М.М. Кралина. – М., 1990. – Т. 1.
6. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
7. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
8. Чаунина, Н.В. Жанровое своеобразие лирики Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2003.

Bibliography

1. Kikhney, L.G. Anna Akhmatova: skvozj prizmu zhanra / L.G. Kikhney, N.V. Chaunina. – M., 2005.
2. Kikhney, L. K voprosu o foljklornoj tradicii v tvorchestve Annih Akhmatovoj // *Folklorerezeption in der Gegenwart: Probleme des Folklorismus in den slawischen und baltischen Literaturen*, Rostock 1990.
3. Zhirmunskij, V.M. Teoriya literaturih. Poehtika. Stilistika. – L., 1977.
4. Gegelj, G.V.F. Lekcii po ehstetike // *Sobr. soch.* – M., 1958. – T. 14.
5. Akhmatova, A. Sochineniya: v 2 t. / sost. i primech. M.M. Kralina. – M., 1990. – T. 1.
6. Bakhtin, M.M. Ehstetika slovesnogo tvorchestva. – M., 1986.
7. Bakhtin, M. Problemih poehtiki Dostoevskogo. – M., 1979.
8. Chaunina, N.V. Zhanrovoe svoeobrazie liriki Annih Akhmatovoj: dis. ... kand. filol. nauk. – Vladivostok, 2003.

Статья поступила в редакцию 28.02.13

УДК 803. 0-3

Dey T.M. UNLAWFUL ACTS AGAINST PROPERTY AND THEIR REPRESENTATION IN SYNONYMIC ROW WITH «BETRÜGEN» AS THE DOMINANT. The article describes the lexical units of synonymic row with the dominant «betrügen» meaning unlawful acts against property of others. An attempt has been made to reflect changes in one of the fragments of extralinguistic reality «property rights violation» in the German linguistic culture based on the materials containing synonymic row with «betrügen» as the dominant.

Key words: synonymic row, symmetry, asymmetry, property, unlawful, misappropriation, betrügen (deceive).

Т.М. Дей, аспирант каф. немецкой филологии ИГЛУ, г. Иркутск, E-mail: dejtanja@rambler.ru

ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СИНОНИМИЧЕСКОМ РЯДУ С ДОМИНАНТОЙ BETRÜGEN

Статья посвящена описанию лексических единиц синонимического ряда с доминантой *betrügen*, обозначающих противоправные действия человека в отношении чужой собственности. На материале синонимического ряда с доминантой *betrügen* предпринята попытка отразить изменения в одном из фрагментов внеязыковой действительности «нарушение норм человека против собственности» в немецкой лингвокультуре.

Ключевые слова: синонимический ряд, симметрия, асимметрия, собственность, противозаконное присвоение, *betrügen* (обманывать).

Собственность выступает одной из универсальных категорий культуры любого народа [1] и определяется как принадлежность имущества определенным лицам на определенных условиях и в определенных формах [2]. При этом имущество, принадлежащее какому-либо субъекту, является неотъемлемым элементом отношений в обществе, которые по справедливому замечанию А.А. Гусейнова, «конкретны, "вещественны". Они всегда строятся по поводу чего-то...» [3, с. 11]. Вполне очевидно, что люди должны выстраивать свое поведение и свое отношение к чужой собственности. Осознание данного факта обусловило выстраивание поведения и отношения к чужой собственности сообразно не только их собственным желаниям и устремлениям, но и интересам других. В обществе это регулируется как обычаями, моралью и религией того или иного народа, так и гражданско-правовым институтом, представляющим собой совокупность юридических норм, регулирующих экономические отношения собственности в обществе. Так, существуют регулирующие отношения по поводу имущества и иных материальных благ, устанавливающие принципы, образцы поведения и его оценку в данной сфере человеческой деятельности. К таким регулирующим отношениям относятся «нормы государственного и гражданского права (о собственности, о причинении вреда и др.), уголовного права (запреты хищений, краж, взятки, приписок и т.п.)» [4, с. 79-80]. Среди них выделяются также социальные обязанности, одной из которых является уважение к чужой жизни и собственности [5, с. 284].

Собственность как имущество, принадлежащее какому-либо субъекту, может стать объектом кражи, вымогательства, мошенничества и обмана, т.е. стать объектом противоправного действия в любом обществе на разных этапах его развития. Речь идет о нарушении норм, регулирующих отношения собственности в обществе. Одним из средств репрезентации противоправных действий по отношению к чужой собственности в языке являются синонимические единицы, образующие в различных языках многочисленные ряды. Обращение к истории изучения проблемы синонимии в лингвистической науке позволяет сделать вывод о том, что многочисленность синонимических рядов и множество синонимов в лексической системе языка наблюдаются там, «где имеется угроза физическому или социальному существованию человека» [6, с. 63]. Практика показывает, что существенная часть угрозы человеку может быть вызвана нарушением или лишением прав на его собственность, о чем свидетельствуют множество синонимов, выражающих противоправное действие против собственности на материале различных языков. Представляется целесообразным рассмотреть множество синонимов с учетом известного определения языка, который, согласно В.фон Гумбольдту, является «не только средством выражения уже познанной истины, но и, более того, средством открытия ранее неизвестной» [7, с. 16].

Основанием для такого рассмотрения является само построение синонимических рядов, основанное на принципах симметрии и асимметрии, составляющих эти ряды, что позволяет рассматривать такие ряды как гибкую систему с гибкой системой противопоставлений, которые в свою очередь соответствуют разным образом обозначаемого или описываемого фрагмента действительности. В связи с этим исследование синонимических рядов, обозначающих противоправные действия человека в отношении чужой собственности, представляется актуальным, поскольку здесь, с одной стороны, имеет место обобщенная фиксация соответствующего отражения окружающей действительности. С другой стороны, в организации синонимического ряда отражена динамика изменений этой действительности и ее познания человеком с его отношением к ней.

Объектом рассмотрения настоящей статьи является синонимический ряд с доминантой *betrügen* со значениями «*sich durch Täuschung anderer Vorteil verschaffen*» [8, с. 128], «*jemanden bewusst täuschen, meist um damit Geld zu bekommen*» [9, с. 160] и «*stehlen*» [10, с. 649], [11, с. 780]. В первую очередь в данных определениях доминанты ряда речь идет о присвоении чужой собственности нечестным, незаконным способом с помощью обмана. Наиболее близкими к ней по данному смыслу являются *mogeln* (*bemogeln*), *perren*, *prellen*, *gaunern* (*ergaunern*, *begaunern*).

Следует отметить, что доминанта ряда *betrügen* является также членом другого синонимического ряда с доминантой *stehlen* [10, с. 649], [11, с. 780], что вполне объяснимо, поскольку в реальной действительности закономерным является то, что там, где есть кража, присутствует обман, следовательно, оба действия могут быть связанными между собой. Действительно, кража, как правило, сопровождается обманом, что отражено и в языке: «*Deshalb stehlen und betrügen afrikanische Regierungen*» [1, 18.09.2011].

Прежде чем непосредственно обратиться к рассмотрению синонимического ряда, обратимся к вопросу о степени изученности и разработанности *Betrug* в лингвистической литературе. Так, в современной лингвистике рассматриваются способы вербализации соответствующего концепта на материале английского и русского языков [12], выявляются фразеологические средства выражения этого концепта в русской, английской и немецкой лингвокультурах [13], устанавливаются функционально-прагматические аспекты английских идиом со рассматриваемым значением [14]. Исследуются лексические средства его выражения в сопоставлении немецкого и русского языков [15]. Описан коммуникативный феномен лжи на материале немецкого языка [16]. Выделены также в языковом корпусе, репрезентирующем нарушение норм собственности в немецкой и русской лингвокультурах, языковые средства репрезентации *Betrug* (обман) [17].

Анализ обсуждаемой проблемы в лингвистической науке показывает, что обман многолик, он, как показывают исследования на материале русского, английского и немецкого языков, имеет множество форм и видов. Обмануть можно словом и делом, явно и тайно, промолчав или не сделав что-либо из обещанного [18, с. 140]. Разновидностями обмана становятся: ложь, измена, предательство, умышленное разглашение тайны, двойная игра, скрытый умысел. Обманом являются уловки, увертки, отговорки, клевета, преувеличение, небылицы, а также бахвальство и лесть. Выгоду можно получить обманным и нечестным путем, о чем свидетельствуют выражения «грести под себя», «нагреть на чьем-либо руки», «запустить руку в чужой карман», «заграбастать». Это соотносится с мошенничеством, взяточничеством, контрабандой, махинациями, введением в заблуждение, утаиванием информации.

К обману относится неверное, фальшивое убеждение, мечты, грёзы, фантазии, супружеская измена [15]. Следовательно, *Betrug* (обман) в немецкой лингвокультуре представляет собой «концепт высокой степени абстракции. Это ментальная репрезентация коммуникативной ситуации, которой свойственны динамичность, двойственность интенции субъекта и своеобразные отношения между участниками» [13, с. 3], при этом содержание этого концепта характеризуется высокой долей оценочного компонента и ситуативного фактора. *Betrug* (обман) представляет собой противоречие между социальными, моральными нормами, определяющими его как осуждаемую форму поведения. Здесь обман знаменует как конфликт между нормой, моралью и правдой [12, с. 23].

В немецкой лингвокультуре *Betrug* является преступлением против собственности. Это зафиксировано в правовых документах: «...wenn der Täter in der Absicht, sich oder einem Dritten einen rechtswidrigen Vermögensvorteil zu verschaffen, das Vermögen eines anderen dadurch beschädigt, dass er durch Vorspiegelung falscher oder durch Entstellung oder Unterdrückung wahrer Tatsachen einen Irrtum erregt oder unterhält. Im einzelnen setzt der Tatbestand des Betrugs voraus: eine Täuschungshandlung, einen dadurch hervorgerufenen oder aufrechterhaltenen Irrtum bei dem zu Täuschenden, eine auf dem Irrtum beruhende Vermögensverfügung des Getäuschten und schließlich einen durch die Vermögensverfügung ausgelösten Vermögensschaden. Der Betrug hat mit der Erpressung die Vermögensbeschädigung und die rechtswidrige Bereicherungsabsicht gemeinsam: der Unterschied zwischen beiden Delikten zeigt sich darin, dass der Betrüger durch Täuschung zum Ziel kommen will, während der Erpresser Zwang anwendet» [19, с. 157]. Таким образом, *Betrug* относится к уголовно-наказуемому преступлению, когда кто-либо с намерением доставит себе или третьему лицу противоправную имущественную выгоду. При этом он причиняет ущерб имуществу другого человека путем введения его в заблуждение или поддержания в нем заблуждения, выдавая ложные факты за истинные, или искажая, или скрывая истинные факты, т.е. причиняет с корыстной целью в результате обмана ущерб имуществу.

Все вышесказанное показывает, что под *Betrug* в законе ФРГ понимается мошенничество, которое представляет собой вид преступления, заключающийся в завладении чужим имуществом или приобретением права на имущество путем обмана либо злоупотребления доверием [2, с. 340]. *Betrug* в толковых словарях немецкого языка определяется как «bewusste Täuschung, Irreführung eines anderen» [20, с. 250], «Hintergehen eines anderen; Täuschung in der Absicht, sich einen Vorteil zu verschaffen, sich zu bereichern» [21, с. 665]; «Handlung, mit der man j-n betrügt» [9, с. 160]. Это осознанное, намеренное действие, направленное на получения какой-либо выгоды, пользы, в том числе противоправного обогащения, путем введения в заблуждение другого человека.

Как было отмечено выше, осмысление фрагментов окружающей человека действительности (в том числе и фрагментов с *Betrug*) и отображение этого процесса систематизировано в синонимическом ряду на основе принципа симметрии и принципа асимметрии формы и содержания языковой единицы. Симметрия значений является одним из необходимых условий, благодаря которому синонимы осознаются как таковые и объединяются в один ряд.

Асимметричные же отношения между глаголами синонимического ряда вскрывают специфические различия, имеющиеся между синонимическими единицами, и делают их различными и воспринимаемыми [22, с. 85]. Именно поэтому каждый синоним привносит в синонимический ряд новое, более точное и емкое. Следовательно, определение различий между синонимами служит необходимым условием построения и расширения синонимического ряда, который отражает границы познания и понимания обсуждаемого фрагмента внеязыковой действительности.

Одним из способов обнаружения различий между синонимическими единицами, является обращение к истории их появления в языке, поскольку каждый синоним имеет свой путь происхождения, который в определенной мере определяет его семантическое своеобразие. Следовательно, для того чтобы понять специфику рассматриваемых лексем (*betrügen*, *mogeln*, *bemogeln*, *perren*, *prellen*, *gaunern*, *ergaunern*, *begaunern*) и динамику освоения описываемого или обозначаемого ими фрагмента действительности, необходимо в первую очередь обратиться к этимологическим данным рассматриваемых глаголов.

Этимологические словари свидетельствуют о том, что древние индоевропейские номинации, ставшие источниками обозначений *Betrug*, имели значение «наносить вред, ущерб». Следовательно, уже в древности в сознании человека *Betrug* ассоциировался с коловодством, манипулированием, предательством, вредом, выгодой, игрой. Так, например, лексема *lügen* имела первоначальное значение «falsche Erzählung», которое произошло от слова *Lüge* и утвердилось в новонемецком языке. По принципу образования лексемы *lügen* было образовано слово *trügen* [23, с. 448], одним из значений которого было «betrügen». Именно этим значением возвращается к образованию индоевропейских корней глагол *betrügen* со значениями «trügen, listig schädigen», «tut zuleide», «Schädigung», «Verrat» [23, с. 795], *trügen* «irreführen, täuschen» [24, с. 869]. В 16 веке появляется префикс *be-* и слово *betrügen* стало иметь значение «bewusst täuschen», «hintergehen» [24, с. 869]. Действия, обозначаемые лексемой *betrügen*, стали оцениваться негативно, поскольку они совершаются человеком осознанно и намеренно, и в настоящее время это отрицательная оценка нарушений человеком регулирующих отношений по поводу имущества и иных материальных благ, нарушений установленных в обществе принципов и образцов поведения.

Обращение к этимологии рассматриваемых глаголов синонимического ряда позволяет выявить основные их признаки: «осознанность», «противоправные действия субъекта», «лишить», «присвоить». Время, как известно, вносит определенные изменения, появляются новые противоправные разновидности обмана с целью присвоения чужой собственности. Одним из объектов собственности становятся деньги. При этом они «являются творцом индивидуальной собственности»; этим качеством они обладают с самого начала, и, наоборот, нет такого объекта, носящего характер денег, который не представлял бы вместе с тем характера индивидуального имущества» [25, с. 222]. Для противозаконного присвоения денежных средств в современном обществе используются знания новых компьютерных технологий. Так, в настоящее время нередко деньги присваиваются способом обмана с использованием сети Интернета: «Die Abiturienten hatten die Partys meist im Internet gebucht und das Geld bereits überwiesen. Die Schüler seien so im insgesamt mehr als 150.000 Euro betrogen worden, sagte der Polizeisprecher» [1, 15.06.2011].

В приведенном примере лексема *betrügen* сочетается с именем существительным, обозначающим неодушевленные предметы *das System* *betrügen*: «Seit der Einzelhandel eine Hochsicherheitszone ist, mit Kameras und Computerkassen, lässt sich das System nur noch schwer betrügen» [1, 12.09.2011].

Кроме того, имеют место в настоящее время случаи, когда человек лишается некоторой суммы денежных средств в результате установленных процентов оплаты труда: «Grund dafür sei, dass die gesetzlichen Mindestlöhne in diesen Ländern zwischen 40,5 Prozent und 62,7 Prozent des Vollzeitstundenlohns betrügen» [1, 27.07.2010].

Жертвами преступлений становятся клиенты, денежные средства которых присваиваются способом обмана. Это выражается в немецком языке лексемой *betrügen*. В данном случае актуализируется один из его семантических компонентов «*stehlen*»: «"Nicht wirklich geehrter Herr Maschmeyer", tippt Walter Z. und gibt vor, einer von 15 geprellten AWD-Kunden zu sein, über die "Panorama" berichtet hatte: "Wir wollen uns wehren: Wir fordern 2,5 Millionen Euro zurück, um die Sie uns betrogen haben."» [1, 12.03.2012].

Иную историю появления и развития в лексической системе немецкого языка имеет другая лексема рассматриваемого ряда *gaunern*. Есть все основания предположить, что данный глагол образован от имени существительного *Gauner*, предыстория которого восходит ко времени турецкой войны. Как известно, это война 1453 года, следствием этой войны стало завоевание Константинополя, в результате которого многие греки стали безродными. При этом их называли *jowonen*, что означало «фальшиво играть как греки». Это повлияло на трансформацию *jowonen* в *jonen*, а в дальнейшем в *gaunern* [23; 24]. Следовательно, лексема *gaunern* первоначально означала «spielen», «verspielen», а также «falschspielen». Словарные источники позволяют судить о том, что с 1547 года появляется у лексемы *gaunern* семантический компонент «*betrügen*» [23; 24]. Семантические компоненты «*betrügen*» и «*falschspielen*» у глагола *gaunern* актуализируются и в современном немецком языке. При этом под «*falschspielen*» подразумевается следующее: «играть без правил, то есть против установленных норм закона в отношении чужой собственности», этим подчеркивается противоправность приобретённых крупных денежных средств у глаголов *gaunern*, *begaunern* и *ergaunern*: «Wie diese Geschäfte abliefen, offenbart einer der Durchsuchungsbeschlüsse, den die Hamburger Staatsanwälte beantragt haben. Auch im Finanzamt der Hansestadt wurden dubiose Geschäftemacher vorstellig und sollen dort für das zweite und dritte Quartal des Jahres 2009 rund sieben Millionen Euro ergaunert haben» [1, 03.05.2010].

Присвоение нечестным и противоправным способом чужой собственности требует от субъекта изощренных действий и определенных знаний финансовой экономики. Поэтому присвоение крупных денежных средств имеет место во время финансовых сделок: «*Da kam ihm die Idee, daß er ein besseres Geschäft machen könne, wenn er die vermeintlichen Schwarzhändler begaunern würde*» [1, 06.09.1950].

Следующим словом, избранным для анализа в настоящей статье, является глагольная лексема *prellen*. Слово *prellen* произошло предположительно от прилагательного *prall* и имело в новонаемецком языке лексему значение «*mit einem gespannten Fell oder Tuch in die Höhe schnellen*» (вскочить с натянутой шкурой или платком), это являлось грубой насмешкой или наказанием для человека. Значение «*betrügen*» у слова *prellen* связывают с охотничьим обычаем в 17-18 веках. Согласно этому обычаю, пойманную лису подбрасывали в сетку, которая называлась *Prellnetz*. При этом, появление у данного глагола семантического компонента «*betrügen*» объясняется тем, что высоко брошенная лиса надеялась на освобождение, однако этого не случилось. Такое словоупотребление используется студентами с 1739, где под лисой понимается первокурсник, при этом эта «лиса» обманывается тем, что позволяет угощать неприглашенных гостей за свой счет [23, с. 564], так, у глагола *prellen* появляется значение «*betrügen, eine Rechnung nicht begleichen*» (обманывать, не оплачивать счет) [24, с.628]. Это сказалось на формировании у глагола *prellen* значения «*j-m etwas, auf das er ein Recht hat, nicht geben, betrügen (j-n um die Belohnung, sein Geld prellen)*», что и зафиксировано в современном словаре немецкого языка [9, с. 768].

Со временем семантический объем глагола *prellen* расширяется. Синонимом *prellen* описывается ситуация процесса кражи с помощью обмана, различных махинаций в сфере недвижимости, а именно аренды жилья, о чем свидетельствуют следующие примеры:

(1) «*Dass Menschen die Miete prellen, abhauen und eine vermüllte Wohnung hinterlassen, kommt in Deutschland 15 000-mal im Jahr vor. Manchen Vermieter treibt das in den Ruin. Wir spüren die Mieter auf, helfen den Vermietern, die Wohnung zu sanieren*» [1, 11.07.2011].

(2) «*Die Gauner geben sich als Vermieter von Wohnungen aus, die sie nicht besitzen und prellen so ahnungslose Mieter*» [1, 06.05.2010].

Нередко лексемой *prellen* обозначается кража крупных денежных сумм в средствах массовой информации: «*Besonders brisant sind die Ermittlungen gegen sieben Mitarbeiter der Deutschen Bank. Kann es sein, dass sie den verdächtigen Händlern geholfen haben, den deutschen Staat um Millionen zu prellen? Staatsanwälte prüfen, ob die Frankfurter Banker ein Kontensystem für die beschuldigten Händler aufgebaut haben, über das die Zahlungen der Firmen verrechnet wurden. Sie stehen im Verdacht, eine aktive Rolle bei der Organisation des Steuerkarussells gespielt zu haben*» [1, 03. 05. 2010].

Как показывает текстовый фрагмент, семь сотрудников банка во Франкфурте обвиняются в пособничестве дилерам, которые обманули немецкое государство на миллионы, присвоив крупные денежные средства.

Следующим глаголом рассматриваемого синонимического ряда является *perppen*, первоначальные значения которого были «*gekidnappt*» и «*kidnapping*», т.е. слово использовалось для обозначения процесса похищения ребенка или взрослого человека «*Kinder perppen*». Со временем наблюдается расширение семантического объема *perppen*. Глаголу становится присущим семантический компонент «*durch ungerechtfertigt hohen Preis übervorteilen, begaunern*» [24, с. 554], «*zu viel Geld von j-m für eine Ware oder eine Leistung verlangen*» [9, с. 704].

Значение «присваивать с помощью обмана» глагол *perppen* имеет и в настоящее время: «*Geneppt werden viele Versicherte schon, bevor es zum Schadenfall kommt. Sie zahlen für völlig unsinnige und viel zu teure Policen, die sie niemals brauchen. Auf jährlich 30 Milliarden Mark schätzt Hans Dieter Meyer vom Bund der Versicherten den Schaden, der durch solche Nonsense-Produkte entsteht*» [1, 08.08.1994].

Следующим синонимом является лексема *mogeln*, которая зафиксирована с 1781 года в немецком студенческом языке со значением «*beim Spiel betrügen*». Предположительно слово *mogeln* произошло от диалектной формы слова *taucheln* «тайно, коварно, хитро действовать, обманывать, прятать» [23], что связано с утаиванием чего-либо или кого-либо. В толковом словаре немецкого языка лексема *mogeln* имеет значение «*meist bei Spielen kleine Tricks anwenden, die gegen die (Spiel)Regeln verstoßen*» [9, с. 674]. Лексемы *mogeln* и *bemogeln* расширяют сферу своего употребления. Указанные лексемы употребляются не только в студенческом жаргоне, но и при правонарушениях в экономической сфере государственного бюджета: «*Der Verdacht, daß Selbständige den Fiskus öfter bemogeln, kann und darf kein Grund für eine höhere Steuerbelastung sein – jedenfalls nicht in einem Rechtsstaat, in dem Mogelei nicht pauschal vermutet werden darf, sondern im Einzelfall nachgewiesen werden muß*» [1, 23.06.1980].

Проведенный анализ свидетельствует о том, что каждая лексема синонимического ряда с доминантой *betrügen* имеет свою историю возникновения и свою специфику. Если древней по происхождению в иерархической цепочке синонимического ряда является лексема *betrügen*, то с развитием истории человека и меняющейся внеязыковой действительности появляются другие синонимы или новые семантические компоненты у уже существующих лексем рассматриваемого синонимического ряда, позволяющие отражать многообразие противоправных действий против чужой собственности по-новому. Все сказанное выше свидетельствует о том, что синонимический ряд, передавая новую обширнейшую информацию о мире и человеке, является средством фиксации в языке новых форм ментальности, новых способов познания и освоения мира человеком, что делает разработку проблемы синонимии актуальным, поскольку она отражает речемыслительные механизмы языковой личности, ее особенности и лингвокультурологические факторы.

Библиографический список

1. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М., 2001.
3. Гусейнов, А.А. Великие моралисты. – М., 1995.
4. Кудрявцев, В.Н. Социальные отклонения: введение в общую теорию / В.Н. Кудрявцев, Ю.В. Кудрявцев, В.С. Нерсисянц. – М., 1984.
5. Виндельбанд, В. Прелюдии. – М., 2007.
6. Кретов, А.А. Глагольные синонимические ряды по лексикографическим данным // Глагол в системе языка и речевой деятельности: материалы науч. лингвистической конф. – Свердловск, 1990.
7. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
8. Langenscheidt. Langenscheidts Großwörterbuch, Deutsch als Fremdsprache. Berlin-München-Wien-Zürich-New York: Langenscheidt, 1998.
9. Wahig. Synonymwörterbuch. Neuausgabe. Wissen Media Verlag GmbH, 2006.
10. Erich und Hindegard Bulitta. Das große Lixikon der Synonymie. Fischer Taschenbuch Verlag, 2007.
11. Synonymwörterbuch, sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. [Hrsg. Von Herbert Görner und Günter Kempke], Leipzig VEB Bibl. Institut, 1973.
12. Панченко, Н.Н. Средства объективации концепта «обман»: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999.
13. Федюкина, И.Э. Концепт «обман» в русской, английской и немецкой языковых картинах мира, репрезентируемых фразеологизмами: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2009.
14. Эрдынеева, Д.Д. Функционально-прагматические аспекты английских идиом со значением обмана в дискурсе художественной прозы: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Иркутск, 2005.

1. Буренкова, С.В. Немецкие жизненные нормы сквозь призму лексики языка: монография. – Омск, 2008.
2. Ленец, А.В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка): дис. ... док. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2010.
3. Бабаева, Е.В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград, 2003.
4. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект. – М., 2005.
5. Die Rechtsordnung der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. – Bonn, 1997.
6. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim., 1996.
7. Wahig. Deutsches Wörterbuch mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. – Mosaik Verlag, 1980.
8. Хантакова, В.М. Теория синонимии: опыт интегрального анализа: монография. – Иркутск, 2006.
9. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin-New York, 1989.
10. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Mannheim-Wien-Zürich, 2007.
11. Вебер, М. История хозяйства. Город / Под ред. И. Гревса. – М., 2001.

Список источников примеров

1. Der Spiegel [Э/п]. – Р/д: <http://www.spiegel.de> (даты: 06.09.1950/ 23.06.1980/ 08.08.1994/ 27.07.2010/ 03.05.2010/ 15.06.2011/ 11.07.2011/ 21.07.2011/ 12.09.2011/ 07.11.2011/ 12.03.2012/ 21.04.2004).

Bibliography

1. Gurevich, A.Ya. Kategorii srednevekovoy kul'turi. – М., 1984.
2. Bol'shoy yuridicheskiy slovar' / pod red. A.Ya. Sukhareva, V.E. Krut'skikh. – М., 2001.
3. Guseynov, A.A. Velikie moralistich. – М., 1995.
4. Kudryavcev, V.N. Social'niye otkloneniya: vvedenie v obshchuyu teoriyu / V.N. Kudryavcev, Yu.V. Kudryavcev, V.S. Nersesyan. – М., 1984.
5. Vindelband, V. Prel'yudii. – М., 2007.
6. Kretov, A.A. Glagol'niye sinonimicheskie ryadi po leksikograficheskim dannim // Glagol v sisteme yazhka i rechevoy deyatel'nosti: materialy nauch. lingvisticheskoy konf. – Sverdlovsk, 1990.
7. Gumboldt, V. Izbranniye trudiy po yazhkoznaniyu. – М., 1984.
8. Langenscheidt. Langenscheidts-großwörterbuch, Deutsch als Fremdsprache. Berlin-München-Wien-Zürich-New York: Langenscheidt, 1998.
9. Wahig. Synonymwörterbuch. Neuausgabe. Wissen Media Verlag GmbH, 2006.
10. Erich und Hindegarde Bulitta. Das große Lexikon der Synonymie. Fischer Taschenbuch Verlag, 2007.
11. Synonymwörterbuch, sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. [Hrsg. Von Herbert Gerner und Gunter Kempke], Leipzig VEB Bibl. Institut, 1973.
12. Panchenko, N.N. Sredstva objektivacii koncepta «obman»: na materiale angliyskogo i russkogo yazhkov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 1999.
13. Fedyukina, I.Eh. Koncept «obman» v russkoy, angliyskoy i nemeckoy yazhkovykh kartinakh mira, reprezentiruemikh frazeologizmami: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Belgorod, 2009.
14. Ehrdihneeva, D.D. Funktsional'no-pragmaticheskie aspekty angliyskikh idiom so znacheniem obmana v diskurse khudozhestvennoy prozhi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Irkutsk, 2005.
15. Burenkova, S.V. Nemeckie zhiznenniye normy skvoz' prizmu leksiki yazhka: monografiya. – Омск, 2008.
16. Leneц, A.V. Kommunikativniy fenomen lzhi: lingvisticheskiy i semioticheskiy aspekty (na materiale nemeckogo yazhka): dis. ... dok. filol. nauk. – Rostov-na-Donu, 2010.
17. Babaeva, E.V. Konceptologicheskie kharakteristiki social'nykh norm v nemeckoy i russkoy lingvokul'turakh: monogra-fiya. – Volgograd, 2003.
18. Ryabceva, N.K. Yazhik i estestvenniy intellekt. – М., 2005.
19. Die Rechtsordnung der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. – Bonn, 1997.
20. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim., 1996.
21. Wahig. Deutsches Worterbuch mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. – Mosaik Verlag, 1980.
22. Khantakova, V.M. Teoriya sinonimii: opyt integral'nogo analiza: monografiya. – Irkutsk, 2006.
23. Kluge. Etymologisches Worterbuch der deutschen Sprache. – Berlin-New York, 1989.
24. Duden. Das Herkunftsworterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. – Mannheim-Wien-Zürich, 2007.
25. Veber, M. Istoriya khozyaystva. Gorod / Pod red. I. Greysa. – М., 2001.

Статья поступила в редакцию 05.10.12